

ДАНА АРНАУТОВА
ЕВГЕНИЯ СОЛОВЬЕВА



КОРОЛЕВА ТЕНЕЙ

Трани безумия

ТОМ 2
КНИГА 3

ИДДК

Королева Теней

Евгения Соловьева
Грани безумия. Том 2

«ИДДК»

2022

Соловьева Е. С.

Грани безумия. Том 2 / Е. С. Соловьева — «ИДДК»,
2022 — (Королева Теней)

Королева умерла, да здравствует... королева? Аластор снова холост, и принцессы соседних стран открывают охоту на жениха. Лучано предстоит встретиться со своим прошлым и выбрать будущее. Грегору придется посмотреть в глаза собственным демонам и только Благим известно, выдержит ли он. Близится время, когда любовь может обернуться ненавистью, а излишне вольная шутка – толкнуть в пропасть.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	37
Глава 5	44
Глава 6	53
Глава 7	63
Глава 8	73
Глава 9	84
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Дана Арнаутова, Евгения Соловьева

Грани безумия

Том 2

Глава 1

Честная колода

– Я сестрам похвасталась, маменьку подговорила – та батюшке так и сказала, когда, мол, еще нашу старшенькую в Оперу пригласят? Ты, наверное, не знаешь, но туда ведь просто так не пройдешь, только если по приглашению дворянина или мага... Ну, батюшка и махнул рукой – мол, одна поездка еще не свадьба, ладно уж. Я расфуфырилась, как итлийский попугай...

Иоланда зло фыркнула, решительно вытерла глаза и продолжила, не обращая внимания на стынувший шамьет.

– Расфуфырилась, надушилась, причесалась, стою, как дура, на балкончике, а его нет! И к назначенному времени нет, и через полчаса нет... и через час... Зато соседи – тут как тут, только что в лицо не хохочут! Сестры не знают, куда глаза девать, маменька жалеет! А папенька... папенька молчит, конечно, он меня любит! Только я все равно в его молчании слышу: а я говорил! А он является! Через два часа, не в карете, а верхом, помятый весь... служба, говорит!

– Иоланда, подожди! – взмолилась Айлин, сжав ее руки. – Так ты обиделась, что он опоздал и вы не попали в театр? И что соседи над тобой смеялись?

– Ревенгар! – вздохнула Иоланда, взглянув на нее с сожалением. – Ну что ж я, дура безнадёжная? Конечно обиделась! Только эту обиду я бы пережила, не она главная. Главное другое, о чем я раньше не думала – ведь он со службы не уйдет. И даже когда срок выйдет. По душе она ему, понимаешь? А смогу ли я, чтобы у мужа всегда на первом месте служба была? Ведь после свадьбы-то ничего не изменится, как до нее было, так и дальше пойдет. Может, и правильно папенька говорит – лучше в своем кругу искать? Может, и пусть без любви, зато надежнее? Чтобы муж себе принадлежал, а не службе...

Айлин вздохнула. Ох, да разве бывает так, чтобы мужчина принадлежал только себе? Ведь дядюшка Тимоти, тоже купец, был занят делами никак не меньше времени, чем отдает службе какой-нибудь гвардеец. Впрочем, Иоланда и сама это наверняка понимает, уж рассудительности Благие отмерили ей куда больше, чем самой Айлин!

Вот только...

– Только не торопись решать, – тихо попросила она, зная, что нужно молчать, но смолчать вдруг оказалось выше ее сил. – Подумай дважды... нет, трижды! Десятикратно! Если правда любишь... Иоланда, я, наверное, и правда ничего не понимаю, наверное, у рожденных под гербом все иначе... Только кажется мне, что лучше жить, когда ждешь мужа со службы! Из всех сил ждешь! А если дожидаться не можешь, когда он на службу уедет... Нужна тебе такая надежность?

Она отпустила руки подруги и зябко обхватила себя за плечи.

– Подумаю, – пообещала Иоланда, глядя на нее так странно, словно впервые увидела. – Обязательно подумаю... Ох, Ревенгар! А еще он мне веер подарил, представляешь? Прислал сегодня. Корзинку с цветами и веер. Фраганский, из королевской мастерской.

Вдруг смутившись, она суетливо распустила ленты поясной сумочки и вынула длинную коробочку, обтянутую нарядным полосатым шелком. Золотистые полосы чередовались с голу-

быми, и Айлин невольно улыбнулась – так явно коробочка напоминала о глазах и волосах подруги. Кажется, лорд Саграсс ужасно романтичный, даже странно для боевика!

Иоланда явно думала так же. Прежде чем открыть коробочку, она еще полюбовалась ею, погладила гладкую ткань, наконец, решительно сняла крышку, извлекла и развернула веер – и Айлин не удержалась от восхищенного вздоха. В руке подруги оказался букет ландышей! Широкие темно-зеленые с прожилками листья составляли нижнюю часть веера, из них выходили тонкие, хрупкие, светлые до полупрозрачности зеленые же стебельки, а на стебельках только что не качались нежные белые головки цветов. Иоланда чуть шевельнула веером, на Айлин повеяло едва уловимым ароматом сандала, и только тут она поняла, что ландыши вырезаны из дерева, а затем расписаны. Какое невероятное мастерство! Замерев от восторга, она рассматривала веер, подмечая все новые подробности: отсутствие экрана, делавшее пластинки прозрачно-кружевными, едва уловимо разные цвета стебельков, желтую шелковую ленту, которая обвивала головку веера в точности как настоящий букет и заканчивалась пышной кистью...

– Какая красота!

– И не говори, – вздохнула Иоланда. – Вот и что мне делать, а? Батюшка теперь еще сильнее против Лионеля настроен, он терпеть не может, когда кто-то слово нарушает. А Лионель тоже хорош. Поглядел, какой неласковый прием ему батюшка оказал, и уехал, даже не стал говорить, что итлийца твоего в тот день спас. Представляешь, я уже потом об этом узнала в Академии! Может, скажи он тогда об этом, батюшка и сменил бы гнев на милость, все-таки человеческая жизнь – это не шутки. Да и Фарелл твой нам большую услугу оказал! Но теперь вот и не знаю, как все уладить...

Она снова вздохнула, и Айлин торопливо подвинула ближе блюдечко с засахаренными цветами и орешками. Иоланда отпила шамьета, бросила в рот орешек, вряд ли замечая вкус, и мрачно сказала:

– Вот ведь послала Всеблагая Матушка и родню упрямую, и жениха гордого. Да еще если бы жениха! Ведь предложение он мне так и не сделал! Я думала, что после театра как раз все и решится! А он теперь снова подарки шлет, а сам на глаза не показывается. Может, и хорошо, что не показывается, батюшке теперь остыть надобно. Хоть мы и купцы, а тоже, знаешь, не привыкли, чтобы над нами весь квартал потешался...

– Иоланда, я... напишу Лучано и попрошу его все уладить, – пообещала Айлин, мучаясь виной. – Прости, давно надо было это сделать. Но сначала он уезжал, потом это несчастье... И все равно ведь лорд Саграсс не сможет на тебе пока жениться. Ее величество похоронили всего три дня назад, теперь снова глубокий траур до весны!

– Ну, если не сможет на мне, значит, и ни на ком другом тоже не сможет, – рассудила Иоланда. – Хотя после помолвки мне было бы спокойнее. Ее-то и в траур заключить можно, подумаешь, обошлись бы без праздника в своем кругу, так даже лучше! Но Фареллу ты обязательно напиши, сделай милость! Он ведь может тебя навестить?

– Я... надеюсь, что да, – выдавила Айлин, отводя взгляд. – Ты же знаешь, Саймону и Дарре лорд Бастельеро запретил, но Лу ничем не провинился. Правда, он обычно приезжал с Аластором, то есть его величеством, а сейчас...

Она чуть не всхлипнула, с трудом сдержав слезы. Эти две недели оказались такими холодными, одинокими, тоскливыми!

В тот день, когда Лу едва не погиб, случилась беда с королевой, и Айлин ждала, что Аластор придет. Или хотя бы пришлет письмо... Да она бы снова согласилась поехать к нему во дворец, прекрасно понимая, что очередной грязной волны слухов не избежать! Но... незачем. Сейчас рядом с ним Лу, и Ал справляется, только иногда приходят отзвуки тоскливой тяжелой боли, которые Айлин быстро научилась отличать от собственных чувств. И ни письма, ни хоть самой коротенькой встречи... И даже Лу не приезжает! Прислал роскошную корзину сладостей и апельсинов и записку, что появится, как только сможет, и... все.

Слезы все-таки предательски выступили на глазах, и Айлин решительно их смахнула. Нельзя плакать и тосковать! Она должна быть сильной и спокойной ради ребенка! С Аластором все будет хорошо, и Лучано ему в данный момент точно нужнее. Конечно, Ал не может сейчас ее навестить, потому что бережет от сплетен, и по этой же причине Лу не приедет один. Проклятый этикет!

– Не вздумай плакать, Ревенгар, – предупредила ее Иоланда дрогнувшим голосом и протянула платок, который вытащила будто из воздуха. – Все будет хорошо, слышишь?! Вот родишь, начнешь выезжать и со всеми увидишься. Ну что ты... Неужели никто не приезжает?!

– Тетушка, – все-таки всхлипнув, призналась Айлин. – Почти каждый день меня навещает. И ты... Я такая дура, правда? Осталось немного потерпеть! Леди Эддерли говорит, что мой срок около Солнцестояния. И что с ребенком все хорошо. Но я так боюсь... Тошнота уже должна была пройти, а она все не проходит, и отеки эти... Иоланда, если я умру родами, ты меня не забудешь, правда?

«Никто ведь не думал, что королева умрет, – отчаянно подумала она, но промолчала. – Да, она погибла не от выкидыша, но причиной был он, все об этом говорят. И если такое могло случиться с Беатрис, возле которой было полно целителей, значит, может произойти с кем угодно! Можно упасть с лестницы, споткнуться в саду или ванной комнате, просто потерять сознание от закружившейся головы. Несчастье и смерть всегда рядом, а я об этом никогда не думала. Я... не хочу потерять этого ребенка. Он не виноват, что из-за него мне пришлось выйти замуж не за того человека...»

– Ты и правда дура, Ревенгар! – рявкнула Иоланда, прерывая ее размышления. – С чего это ты умрешь? У тебя лучшая целительница в Дорвенанте, она кого угодно с того света вытащит! Подумаешь, тошнота и отеки. Нет, конечно, приятного в этом мало, но совсем не повод помирать. Лучше скажи, она уже определила, кто у тебя там?

И она с умилением воззрившись на живот Айлин, выпирающий под мягким темно-серым бархатом домашнего платья.

– Да, – кивнула Айлин, успокаиваясь так же стремительно, как и разволновалась. – Она почти уверена, что мальчик. Да я и сама это знаю. Ну, то есть мне кажется, – смутилась она и погладила живот.

– Имя уже выбрали? – деловито поинтересовалась Иоланда. Подождала, пока Айлин мотнет головой, и одобрила: – Ну и правильно. Не надо заранее, вот возьмешь на руки, заглянешь в личико и сразу поймешь, как назвать. У меня тетушка с маменькой так говорят, а им виднее! Нас у маменьки три, да у тетушки – шестеро!

– Все равно придется из родовых выбирать, – улыбнулась Айлин, чувствуя, как на душе полегчало, а внутри зашевелился малыш, словно прислушиваясь. – Лишь бы не Стефаном. Слышать про него уже не могу!

Она покосилась в угол гостиной, где усердно корпела над вышивкой сударыня Эванс, а потом ответила на предостерегающий взгляд Иоланды своим – упрямым и усталым. Подумаешь, компаньонка может донести лорду Бастельеро, что его жена не любит его деда. Они с лордом Стефаном виделись всего раз, причем лорд уже был безнадежно мертвым, но от этого не менее сварливым и неприятным. А здесь только и слышно: «Лорд Стефан – то, лорд Стефан – это!» Иногда Айлин казалось, что лорд Стефан вот-вот откроет двери родового склепа и лично явится во плоти, чтобы раздать всем указания и осудить за ненадлежащий образ жизни. Вот бы с нее к этому времени сняли браслеты, чтобы достойно встретить дорогого родственника!

В дверь гостиной деликатно постучали, и дворецкий объявил:

– Демуазель Дельфинэ ди Амбруаз со спутницей! К ее светлости!

– Просите! – немедленно откликнулась Айлин и пообещала Иоланде: – Она тебе понравится! Такая славная...

– Славная? – скептически и чуть ревниво уточнила Иоланда. – Хм...

Выпрямилась в кресле, одернула манжеты платья, сшитого по последней моде, но густо-лилового и без кружева, траурного. И с интересом глянула на двух дам, вошедших в гостиную.

– Мадам Бастельеро! – пропела Дельфинэ, приседая в реверансе. – Простите, что я без приглашения!

– Ну что вы, демуазель, – улыбнулась Айлин. – Я же говорила, что рада видеть вас в любое время! Прошу вас и вашу спутницу...

– Моя тетушка Луиза, – представила ее Дельфинэ. – Тетушка была так любезна, что согласилась меня сопровождать, пока Жак занят.

Немолодая фраганка, тоже чернявая, с крупным носом и полноватая, как сама Дельфинэ, также присела в реверансе и неожиданно густым, низким голосом сообщила:

– Счастлива познакомиться с вашей светлостью, дорогая мадам. Племянница мне все уши прожужжала про ваши красоту и обаяние.

– А это моя подруга Иоланда, – чуть растерянно проговорила Айлин. – Мы вместе учимся в Академии... То есть учились, пока я... И сударыня Эванс, моя компаньонка!

Она глянула в угол, и Эванс с достоинством выплыла к столу. Предложила мадам Луизе кресло, в которое та немедленно уселась, а Иоланда и Дельфинэ тем временем скрестили взгляды, будто рапиры, пристально разглядывая друг дружку. Лица, платья, прически... Фраганка сегодня приехала в густо-желтом платье цвета янтаря, которое красиво оттенял синий наряд ее спутницы. В гостиной сразу стало многоцветно и празднично от сразу трех ярких платьев, и Айлин невольно почувствовала себя серой мышкой – в прямом смысле слова. Но не переодеваться же теперь!

– Мы очень-очень рады знакомству, – снова пропела Дельфинэ, расправляя платье и садясь рядом с тетушкой.

От Иоланды она взгляд отвела, и Айлин показалось, что девицы как будто приняхались друг к другу и остались довольны. Во всяком случае, Иоланда на фраганку смотрела милостиво и не без интереса.

Спохватившись, Айлин дернула шнурок и велела появившейся Дженни:

– Принеси шамьет и пирожные, милая...

И осеклась, увидев, как странно смотрит на девушку Иоланда.

Жадно, прямо-таки алчно! А потом неосознанно, но таким знакомым каждому магу жестом трогает перстень, пытаясь настроиться, взглядеться внутренним взором.

Дженни, ничего не заметив, скрылась за дверью, а Иоланда махом глотнула оставшийся в чашке шамьет и спросила, не переставая смотреть девчонке вслед:

– Ревенгар, это твоя горничная? Кто она такая?!

Недоуменные взгляды обеих фраганок и Эванс немедленно сошлись на Иоланде, но она их словно не заметила, потирая перстень.

– Что ты видела? – жадно спросила Айлин, виновато посмотрев на Дельфинэ и ее тетушку.

Ужасно невежливо в присутствии гостей говорить о том, что им непонятно! Однако как удержаться? Если бы она могла снова посмотреть на мир как раньше!

Увы, пока об этом можно только мечтать и отчаянно завидовать подруге.

– Такую странную вещь, – откликнулась Иоланда не то растерянно, не то задумчиво. – Никогда подобного не встречала! У нее такая яркая аура, почти вся желтая, как одуванчик, и только немного оранжевого. Но искры нет, вот ведь странно! А если бы имелась, из девчонки бы сильная иллюзорница получилась. Вот интересно...

И она хищно прищурилась на Дженни, показавшуюся в дверях уже с подносом сладостей.

– А скажи-ка, милочка, ты любишь праздники с масками? Или рассказывать истории? А может, видишь вещие сны? Или угадывать умеешь?

Айлин едва не рассмеялась – голос Иоланды был таким добрым и ласковым, что обратиться так кто-нибудь к самой Айлин, она ни за что бы ни в чем не призналась! И вообще постаралась держаться подальше! Дельфинэ тоже заулыбалась, а Дженни растерянно заморгала.

– Нет, миледи! Ничего такого... как вы говорить изволите! Историей я рассказывать не умею, а снов и вовсе никаких не вижу, как полено сплю, простите великодушно! Только... – вдруг запнулась она, и Айлин ободряюще улыбнулась.

– Что «только», Дженни?

– Если миледи разгневаться не изволит, – нерешительно пробормотала девчонка. – Я на картах гадать умею. Мне от матушки осталась честная колода! Только об этом мне еще в усадьбе говорить не велели...

– Нам можно, милочка, – успокоила ее Иоланда и блеснула глазами с тем же хищным интересом, который, как помнила Айлин, вызывали у нее только некоторые заклинания, действенные притирания и фраганские журналы. – Значит, гадаешь? А мне можешь? Я тебе серебряную монету дам.

– И мне, – пропела Дельфинэ, лукаво улыбувшись. – Ничего, если монета будет фраганской?

– Если... если миледи разрешит, – пролепетала Дженни, стиснув край кружевного передничка и залившись краской до самых ушей.

Рядом кашлянула в своем кресле Эванс, и Айлин бросила на нее негодующий взгляд. Какая невыносимая ханжа! Да, магическая наука считает гадания просто-напросто суеверием, но... Некоторые рекомендации из учебников по нежитеведению тоже считаются суевериями, что не мешает им прекрасно работать! Взять хотя бы совет рассыпать зерно! Конечно, против аккару или даже стригоя это совершенно бесполезно, зато превосходнейшим образом отвлекает мороев и ночниц – про это писал мастер Киран, а уж в его опыте Айлин не сомневалась. И уж во всяком случае не Эванс решать, чем допустимо развлекать гостей!

– Конечно разрешит! – заверила Иоланда, и Айлин, спохватившись, кивнула, ободряюще улыбувшись Дженни.

Просияв в ответ, та выскочила из гостиной едва ли не вприпрыжку, а вернулась так быстро, словно буквально за дверью вытащила свою «честную колоду»... скажем, из-за корсажа. Или вовсе из-за подвязки!

Айлин невольно хихикнула от таких фривольных мыслей и с любопытством взглянула на колоду.

С виду самую обычную, только старую, потрепанную, с потускневшими красками и словно бы вспухшими краями.

Иоланда поспешно отодвинула блюдо со сладостями на край столика, освободив место, Дженни встала рядом со столиком на колени, глубоко вздохнула, перемешала карты и уронила на столешницу первую так неловко, что Айлин показалось – карта упала случайно. Рядом легла вторая, извлеченная откуда-то из середины колоды, потом третья... Дженни снова перемешала колоду и замерла.

– Больше не хотят... прощения прошу, сударыня...

Эванс негромко фыркнула, а Иоланда, не обратив на ее фыркание ни малейшего внимания (но Айлин поклялась бы, что подруга точно его заметила и запомнила!), махнула рукой:

– Ничего страшного, милочка, вы ведь все равно сможете что-то сказать?

Девчонка протянула чуть заметно дрожащую руку, перевернула карты, и Айлин с любопытством взглянула на открывшиеся рисунки. Десять золотых, зеркало и шут. Хм, ну и что бы это значило?

– Желтая звезда, – пробормотала Дженни. – Желтая звезда так ярко горит... ничего другого не вижу, миледи... Не извольте гневаться!

– Ну на что же тут гневаться? – хмыкнула Иоланда и толкнула по столику к девчонке серебряный флорин. – Желтая звезда, говоришь? А первым шут упал... Интересно, очень интересно... Спасибо, милая, погадай теперь нашим гостям.

Ободренная девчонка сунула карты в середину колоды и тщательно перетасовала, а потом повернулась к Дельфинэ. Вытащила одну, вторую, третью... Перевернула...

Айлин никогда не увлекалась гаданиями, но нельзя же столько лет жить в комнате с иллюзорницей и не знать хотя бы основные значения карт! Иоланде выпал шут, который всегда считался символом Великого Безликого. И желтая звезда... Неужели Дженни увидела звезду магистрессы?! Ничего себе... Вряд ли девочка из деревни может отличить магический перстень Иоланды от простого украшения, так что придумать ей такое точно не с чего.

А что там у фраганки?

Рыцарь жезлов, Туз чаш и еще какая-то карта с непонятной картинкой...

– Вижу скорую свадьбу, миледи! – обрадованно заявила горничная и торжествующе посмотрела на девицу Дельфинэ. – Молодой жених, славный такой да вашему сердцу близкий! А еще вижу дом какой-то странный... То ли кузня, то ли еще какая мастерская... Да не простая, а под короной... Ой, миледи, неужто вам судьба – за кузнеца замуж выйти?!

В голосе Дженни прозвучал неподдельный ужас, а Дельфинэ, напротив, рассмеялась.

– Ну, за кузнеца так за кузнеца, – весело заявила она. – Этому я, пожалуй, поверю, мой Жак с инструментами даже в спальне не расстается! Но вот мастерская под короной... На все воля Благих, но это уже многовато что-то! Во Фрагане гильдейские законы не позволят женщине держать мастерскую под королевским покровительством. Вот если бы ты, милочка, Жаку такое нагадала, я бы только обрадовалась, а мне такой чести никогда не видать. Ну-ну, вот тебе за старание!

И она протянула девчонке еще один флорин, только фраганский, с лилией вместо льва.

– Не стоит недооценивать предсказание, миледи, – возразила Иоланда. – У девочки явный талант. Спорим, так или иначе оно сбудется и вы получите мастерскую под короной?

– А вы – желтую звезду? – сощурилась Дельфинэ. – Смотрю, сударыня, тоже высоко метите.

– Может, и мечу, – фыркнула Иоланда. – Если уж целиться, так в орла, какой смысл по воробьям палить?

Обменявшись уколами, они глянули друг на друга с искренней симпатией, и Айлин про себя снова хихикнула. Она так и знала, что бойкая искренняя фраганка Иоланде приглянется! Да и подруга вроде бы произвела на девицу Дельфинэ приятное впечатление. А ведь это еще Иоланда с сударем Жаком незнакома!

– Ну, тогда и мне погадай, деточка, – тем же бархатистым голосом попросила почтенная дама Луиза. – Только мужа не предсказывай, я уже и так трех похоронила. Очень достойные были господа! – пояснила она Айлин. – Один на дуэли погиб, второй – на войне, а третий, бедняга, два года назад с лошади упал неудачно. Ну что ж, зато в Садах им нескучно будет, пока меня ждут. Всегда смогут втроем в кабачок завалиться, в карты сыграть, о лошадях да о женщинах поговорить. Не чужие друг другу все-таки!

– Вы думаете, в Садах Претемной Госпожи есть кабачок и карты? – сдерживая смех, спросила Айлин.

– А как же?! – Мадам Луиза вскинула тщательно выщипанные брови, вдруг став удивительно похожей на... тетушку Элоизу. И неважно, что двух более различных внешне дам Айлин в жизни не видела. – Дорогая, если где-то есть мужчины, там точно будут и кабак, и игорный дом, и прочие... заведения. Госпожа сама женщина, она понимает, что мужчинам скучать нельзя, иначе захиреют. Или всякие глупости им в голову ползут. Нет уж, я своих мужей знаю, они при жизни были мастера провести время весело и со вкусом, с чего бы им после смерти измениться?

Смущенно хихикнув, Дженни прикрыла рот ладонью и потянула карты из колоды. Разложила, перевернула и... снова зажала рот опущенной было ладошкой. Айлин вытянула шею, то же самое сделали со своих мест Иоланда и Дельфинэ. Эванс сидела ровно, словно рапиру проглотила, и пила шамьет, поднося его к губам медленно и размеренно. В сторону юной гадалки она подчеркнута не смотрела.

– Два рыцаря! – восхищенно воскликнула Дельфинэ. – Два рыцаря вокруг дамы! О-ла-ла! Это что-нибудь да значит, верно, милая?

– Д-да... робко кивнула Дженни. – Двое мужчин... Один в синем мундире, второй в белом... с золотом... Простите, м-м-миледи...

– Два гвардейца?! – Брови Луизы взлетели высоко-превысоко. – Да еще один из них служит во дворце? Хм... Хм!

– О, неужели вдовство больше не кажется вам привлекательным? – презрительно уронила Эванс, ставя чашку на стол. – Тогда, полагаю, будет нелегко выбрать.

Айлин вспыхнула гневом. Ну что за женщина?! Что за тон?! И это с гостями! Она уже хотела одернуть Эванс и, возможно, попросить удалиться из гостиной, но старшая фраганка, ни на миг не утратив довольного выражения лица, безмятежно парировала:

– А кто сказал, что я собираюсь замуж? Я не суеверна, но три покойных мужа – это, знаете ли, три покойных мужа. Пожалуй, стоит пожалеть бедняг и не выходить замуж ни за кого из них. Тогда и выбирать не придется! Решено, если появятся, обоих оставлю... как это по-дорвенантски... амантами!

– Возлюбленными, тетушка, – невинно и очень чопорно подсказала Дельфинэ, лукаво блеснув глазами. – По-дорвенантски это будет именно так.

Айлин впервые увидела, как Эванс порозовела. Некрасиво, пятнами от скул до шеи. И выпрямилась еще сильнее, расправив плечи и вздернув подбородок.

– Я бы вас просила не говорить о таких вещах в присутствии невинных девушек и достойных леди, – отчеканила она. – Внебрачные связи – это отвратительно! Впрочем, возможно, для Фраганы это в порядке вещей? Но здесь приличный дом!

В гостиной стало совершенно тихо. Как перед грозой. И так же душно, тяжело, вязко. Иоланда замерла, откинувшись на спинку кресла и поглаживая пальцем левой руки перстень на правой – единственное движение, которое видела Айлин. Обе фраганки застыли с чашками в руках, Дженни съежилась, пытаясь быть как можно незаметнее.

– А я бы просила вас, милейшая, – звонко и яростно сказала Айлин, – не указывать моим гостям, о чем им говорить! Мои извинения, миледи, – повернулась она к Дельфинэ и Луизе. – Моя компаньонка слишком ревностно относится к своим обязанностям. Сударыня Эванс, извольте извиниться.

– О, пустяки! – отмерла Луиза, с искренней симпатией глянув на Айлин. – Не нужно извинений. Я вижу, бедняжка в трауре. Наверное, похоронила недавно кого-то из близких? Нельзя сердиться на человека, которому плохо.

– Мужа, – процедила Эванс. – Пять лет назад. И до сих пор ношу по нему траур в знак того, что другой мужчина в мою жизнь больше не войдет.

Не скажи она это с таким кислым и одновременно высокомерным лицом, Айлин попыталась бы посочувствовать. Честное слово, попыталась бы! Тетушка Элоиза скорбит по дядюшке Тимоти, а самой Айлин до сих пор больно вспоминать отца, мэтра Кирана и дядюшку... Но о тех, кого любят, не говорят с такой желчью, упиваясь собственной добродетелью.

– Ах, вот в чем дело... – протянула мадам Луиза, неувовимо изменив тон. – Понимаю! Вам, наверное, очень с ним не повезло! Это как же надо намучиться с одним мужчиной, чтобы до конца жизни не смотреть на других? Мои соболезнования, дорогая!

Она улыбнулась остро и безжалостно, глядя, как от лица Эванс отливает кровь. Вскочив, компаньонка с ненавистью глянула на всех, но выдавила что-то вроде извинений и выскочила из гостиной.

– Простите... – отчаянно повторила Айлин. – Право, я не хотела.

Луиза положила на ее руку теплую ладонь и погладила Айлин, как испуганную зверюшку.

– Ну-ну, не переживайте, – сказала она совершенно иным голосом, ласковым и мягким. – Это мне стоит извиниться. Следовало подумать, что в Дорвенанте не привыкли к таким вольностям. Простите, что испортила вам настроение. Ах да, я же не заплатила этой милой малышке!

Она достала из поясного кошелька монету и протянула горничной. Драгоценный желтый металл приятно блеснул на солнце. Дженни вытаращилась на флорин, приоткрыв рот.

– Золотой? – пискнула она. – Миледи, за что?!

– За двух гвардейцев, детка! – усмехнулась фраганка. – Сбудется или нет, а помечтать приятно!

И она подмигнула Айлин, которая благодарно улыбнулась в ответ.

– Ревенгар, а ты сама гадать-то будешь? – вмешалась неугодная Иоланда.

Под обращенными на нее любопытными взглядами Айлин обреченно покачала головой.

– Зачем? – старательно улыбнулась она. – Я уже замужем. Да и не хочу... Знать свою судьбу заранее – это неинтересно.

«Это больно, – хотелось ей сказать. – Больно услышать подтверждение, что всю жизнь проведешь в золотой клетке с обрезанными крыльями. Что никогда не поцелуешь другого мужчину, любимого, не возьмешь на руки ребенка от него, не встретишь его со службы, чтобы обнять и спросить, как прошел его день, а потом рассказать про свой. Что навсегда тебе останутся только холод, каменные стены, осуждающие взгляды портретов и, если повезет, крошечная частичка тепла – твой ребенок от нелюбимого. Не хочу! Не хочу этого знать!»

И словно судьбе угодно было над нею зло посмеяться, дверь в гостиную распахнулась, и на пороге появился тот, кого Айлин сейчас меньше всего хотела видеть.

– Дорогая!

Лорд Бастельеро шагнул в комнату и остановился, недоуменно подняв брови. Дженни молниеносно сгребла со стола карты, но сбежать побоялась, так и замерла, втянув голову в плечи. Иоланда и обе фраганки встали и чинно сделали реверанс. Лорд Бастельеро так же учтиво поклонился.

– У нас гости, – сказал он с непроницаемым лицом. – Как чудесно!

– Демуазель Дельфинэ и ее тетушка любезно пожелали меня навестить. – Айлин улыбнулась, изо всех сил изображая радость. Странное дело, ведь только что она радовалась гостям без всякого притворства! Но перед мужем сразу оробела, и радость куда-то ушла. – Мы с Иоландой как раз пили шамьет, а когда собралась такая милая компания, мы решили развлечься и погадать. Надеюсь, вы не против?

– Погадать? – На пару мгновений лорд Бастельеро нахмурился, но почти сразу его лицо разгладилось, только в глазах осталась настороженная тень. – Ну что вы, дорогая! Такая милая забава. И что же вам нагадали, дорогие леди? – с учтивой улыбкой повернулся он к гостям.

– О, мне предсказали милого моему сердцу жениха! – пропела Дельфинэ безупречным светским тоном. – А моей дорогой тетушке – ухаживания сразу двух достойных кавалеров. О-ла-ла, что еще нужно для счастья, не так ли, дорогой месьор?

– Разумеется, демуазель, – склонил голову лорд Бастельеро, и Айлин перевела дух.

Кажется, супруг не сердится. И даже рад. Впрочем, он всегда искренне рад, когда она занимается какими-то обычными женскими вещами. Вышивкой, чтением, прогулками по саду, болтовней с Иоландой... И гадания, похоже, тоже входят в этот список. Тем более что умница Дельфинэ выдала только ту часть предсказаний, которая не могла вызвать никаких сомнений.

Женихи, кавалеры – очень пристойно и так... по-женски! Никаких мастерских под короной и прочего.

– А вам что нагадали, моя дорогая? – повернулся к ней муж.

Айлин показалось, что тень в его глазах стала темнее и какой-то... более настороженной. Словно лорд Бастельеро чего-то опасался. Плохого предсказания?! Наверное, он ведь так за нее беспокоится.

– Я не стала гадать, – призналась она совершенно честно. – Зачем? Я и так... уверена в своей судьбе.

Голос предательски дрогнул, но лицо лорда Бастельеро осветилось изнутри и смягчилось, а глаза просияли искренним восторгом и нежностью.

– Конечно, дорогая, – сказал он так ласково, что Айлин стало невероятно стыдно. – И я от всего сердца благодарю вас за это.

Он подошел к ней и, взяв руку Айлин, поцеловал. Никогда прежде она не видела от мужа такого проявления чувств на людях. Ну, разве что на свадьбе он поцеловал ее в щеку, но ведь так положено. А сейчас он впервые коснулся ее при ком-то и так посмотрел! Словно она ему в любви призналась!

«Что бы я ни говорила, он слышит лишь отражения собственных слов, – вздохнула Айлин. – Видит лишь то, в чем и так уверен. Всеблагая, как я это выдержу? Точнее, сколько я это смогу терпеть? Я думала, что долг – это главное, и он стоит счастья. И я бы смогла исполнять долг. Но врать, что люблю, я не способна. Ни он, ни я не заслужили лжи! Но что же мне делать?»

Глава 2

Родственные узы

«Мальчик мой, понимаю, как тебе тяжело, и сочувствую всем сердцем, но все же прошу тебя взять себя в руки и навестить бедных девочек. Ты им нужен. С любовью, матушка»

Аластор отбросил письмо, написанное безупречно ровным, красиво-округлым матушкиным почерком, так, словно оно его укусило. Тут же устыдился – разве письмо виновато в его малодушии?! Разумеется, матушка совершенно права, он нужен младшим сестрам, но...

Он просто не находил в себе сил приехать к родителям, снова посмотреть в доверчивые глаза Алиеноры и Береники, так похожие на глаза Беатрис... Всеблагая, как он вообще сможет говорить с ними, ведь если бы не он, девочки не потеряли бы мать!

Дункан, конечно, говорил, что Аластор не виноват, и рядом с ним в это верилось. Но стоило разумнику уехать из дворца, страшные мысли возвращались: даже если Беатрис обезумела, кто поручится, что последней каплей не стала так и не принесенная им клятва? Не зря же Беа умоляла его поклясться с таким отчаянием?!

И что он скажет сестренкам? От мысли забрать их во дворец рот наполнялся едкой кислой горечью. Можно не сомневаться, что среди придворных непременно найдется какая-нибудь излишне сострадательная Мэнди – и неважно, будет она леди или лордом! – которая непременно начнет громко жалеть бедных сироток и предрекать им ужасную судьбу в самом скором будущем. В доме родителей девочки избавлены хотя бы от этого!

Он в который раз мысленно поблагодарил отца за совет не брать Алиенору и Беренику на похороны. Отец сказал, что если они увидят Беатрис в саркофаге королевской усыпальницы, среди холодного мрачного камня и погребальных принадлежностей, она останется в их памяти именно такой – безжизненной, не похожей на себя прежнюю и навсегда чужой. Это не то, что следует помнить детям о матери.

Аластор согласился с ним, и девочек привезли во дворец накануне похорон, без всяких церемоний и не посвящая в подробности никого лишнего. Леди Мэрли и сам Аластор проводили их в спальню, где лежало тело Беатрис, над которым потрудились иллюзорники, скрыв следы падения. Смерть обошлась с Беа немилостиво, но девочки этого не увидели и не узнали. Потом, когда они станут старше, наверняка поймут, что женщина, упавшая с такой высоты, не могла остаться безупречно красивой, но хотя бы в их памяти она всегда будет такой.

Он вспомнил, как Алиенора и Береника плакали – молча, беззвучно, даже не всхлипывая, словно разом повзрослели от прикосновения Претемной Госпожи. Потом, правда, разрыдались по-настоящему, когда пришло время уходить, и леди Мэрли попыталась их увести. Это удалось только Аластору, потому что он попросту обнял осиротевших девчушек и подхватил их на руки – сразу обеих, а они прижались к нему, словно замерзшие котята, с двух сторон обняв за шею...

На похоронах ему было не до слухов, разумеется, да никто и не посмел бы говорить такое при нем, но после, уже на следующий день, Лу за варкой шамьета рассказал, что изрядное количество придворных решили – раз принцесс не было на прощании с их матерью, значит, король не благоволит живому напоминанию о несчастливом браке. Возможно, по мнению двора, девочек отошлют к их деду, тем более что он как раз приехал на церемонию. Или оставят в Дорвенанте, но в каком-нибудь отдаленном поместье. Глупо разбрасываться королевской кровью, их величество наверняка пожелает устроить для них подходящий брак или хотя бы помолвку – с учетом слишком юного возраста.

– Имена, – сказал Аластор, выслушав эту грязь. – Составь список тех, кто болтал. Двух-трех самых громких – в опалу, остальным выразить мое неудовольствие, лишив придворных чинов. Спроси у канцлера, что и как нужно делать, и займись.

– Да, монсиньор, – склонил голову Лу, поставил перед ним чашку с дымящимся шамьетом и вкрадчиво уточнил: – Но ты ведь понимаешь, что разговоры не прекратятся, м? Просто станут потише, но пока принцессы не вернулись ко двору, для идиотки все выглядит именно так.

– Вот и пусть выглядит, – хмуро отозвался Аластор, потирая ноющие виски. – Чем больше дураки будут уверены, что девочки для меня ничего не значат, тем меньше станут к ним лезть и пытаться использовать. Я верну их, как только закончится глубокий траур, а пока пусть поживут у моих родителей. Там их точно станут любить ради них самих, а не ради грядущих милостей. И всяких глупостей не наговорят. Но это не значит, что я позволю всякой болтливой дрянни трепать их имена и выставять меня мерзавцем. Пусть думают что хотят – но молча.

Лучано опять склонил голову, одобрительно блеснув глазами...

Аластор вздохнул и снова взглянул на письмо. Что ж, матушка права. Как бы он ни старался уберечь Алиенору и Беренику от слухов, девочки могут вообразить себе что-то именно в этом роде – что их просто отослали подальше. Непременно нужно с ними поговорить! А что ему от этого разговора будет больно... ну, от боли не умирают. Во всяком случае, от этой боли.

Он позвонил в колокольчик и велел секретарю:

– Передайте дежурному капитану гвардии, что я еду в особняк Вальдеронов. Карету не нужно, сопровождение обычное. Кстати, приказ о повышении в чине тех гвардейцев подготовили?

– Да, ваше величество, – поклонился мэтр Вильмон. – Его светлость канцлер просил о встрече. Что ему передать?

– Зайду к нему, как только вернусь. Кстати, пока буду в отъезде, приготовьте справку, сколько человек было осуждено королевским судом Дорвенны за последний год и какую кару они понесли. И вызовите главного архитектора. Что еще... Отряд, посланный в земли Логрейнов, не вернулся?

– Пока нет, ваше величество. Когда вам угодно видеть сударя Роверстана?

– Сударя? – удивился Аластор и тут же сообразил, что Вильмон говорит об отце Дункана – том самом архитекторе. – А, старшего! После канцлера. И больше никаких встреч на сегодня. Можете выполнять.

Снова поклонившись, секретарь вышел. Аластор посмотрел на стопку бумаг, требовавших рассмотрения, и снова потер виски. Что ж, не может ведь такое длиться вечно, правда же? После коронации было тяжелее всего, а теперь он уже привык. Научился разделять дела на самые важные, которые никому нельзя доверить, и попроще – эти вполне можно перепоручить чиновникам, не хватаясь за все сразу. А еще понял, что дела никогда не заканчиваются, но это не причина уделять им все время, пренебрегая отдыхом души и тела. Так ведь и загнать себя можно, а от этого никому лучше не станет, ни ему самому, ни Дорвенанту.

«Поездка к родителям – вполне достаточный отдых на сегодня, – рассудительно сказал он сам себе. – Значит, после ужина успею просмотреть бумаги. А может, лучше заняться бюджетом на следующий год? Солнцестояние уже близко, время проверять закрома... то есть казну. С ней, конечно, все печально, это не родное поместье, однако лучше, чем я боялся. Зима будет непростой, но голода почти наверняка получится избежать. Риккарди все же прислали деньги, значит, если повезет, к лету заработает первая мануфактура...»

Он встал, потянулся всем телом, повел плечами и вышел из кабинета. Мелькнула мысль позвать с собой Лучано, и тут же вспомнилось, что друг с утра уехал по каким-то срочным делам. Ну что ж, нельзя все время брать его с собой, словно леди – компаньонку.

«Айлин, – уже привычно кольнуло виной. – Я так и не заехал к ней. Даже письма не послал, мерзавец! Но не могу... Она ни в чем не виновата! И жутко даже подумать, что тень Беатрис будет всегда стоять между нами. Нет, я должен с этим справиться сам. Пережить это, перетерпеть... Дункан обещал, что со временем станет легче. Предлагал приглушить горе, смягчить его, как это умеют разумники. Но если я на это соглашусь, это будет еще одним предательством Беатрис и нашей любви. Она так страдала, бедняжка, в свои последние дни, а я просто выкину память об этом вместе с болью? Как же все сложно и плохо... Но я выдержу, иначе и быть не может. И Айлин обязательно напишу сегодня же. Поблагодарю за то, что она сделала, попрошу разрешения навестить. Потом, немного позже. Она поймет, она всегда все понимает!»

Портреты на стенах словно провожали его взглядами, кто – сочувственными, кто – неприязненными, кто – непроницаемыми. Великие короли и королевы, Архимаги, герои – все они смотрели на него, будто оценивая: справится или нет?

«Справлюсь, – в который уже раз упрямо и угрюмо подумал Аластор. – Не дождетесь, чтобы сдался! Семеро, благословите моих друзей и канцлера Аранвена, если бы не они... Нет, я бы и тогда держался, как положено мужчине и дворянину, но было бы тяжелее – несравнимо тяжелее! Не понимаю, за что Дорвенанту это все? Беатрис могла бы родить мне ребенка, мы любили бы друг друга и жили счастливо многие годы... Пусть у меня был бы всего один наследник – нестрашно, в Трех Дюжинах никто не отличается плодовитостью, и Дорвенны не исключение. Но это был бы наш с ней сын или дочь! И она бы постепенно уверилась в моей любви, залечила раны, оставленные Малкольмом. Бедняжка, разве могла она так быстро оттаять после стольких лет оскорблений и пренебрежения? И я тоже хорош! Обиделся, как дурной мальчишка, ушел от нее... Нужно было вести себя иначе! Не знаю как, но совершенно по-другому! И эту вину мне никогда не избыть до конца...»

– Ваше величество?..

Аластор остановился, удивленно глянул на говорившего. Обращаться к королю первым – прямое нарушение этикета. Хотя, надо признать, лордам из Трех Дюжин позволено и это, но при особых обстоятельствах. Очень интересно, какие это обстоятельства у лорда Логрейна? Должно быть, именно те, по поводу которых Аранвен отправил отряд в его земли.

Низко поклонившись, Логрейн выпрямился и пылко заверил:

– Прошу прощения, ваше величество! Если бы не великая нужда, я бы никогда не позволил себе!

– Говорите, – бросил Аластор. – Только побыстрее, я спешу.

– Еще раз умоляю о прощении! – Немолодой, грузный и краснолицый, Логрейн переминался с ноги на ногу, как медведь на цепи – Аластор видел такого на ярмарке у джунгар. И смотрел исподлобья точно так же, как ни пытался придать лицу видимость почтительности. – Ваше величество! Меня оболгали! Я всегда был верным слугой вашего батюшки, а потом перенес свою преданность на вас! Эти слухи, что я обижал несчастную сироту... Что злоупотребил властью опекуна... Поверьте, это все наветы моих врагов! Я же много лет служил вашей семье королевским прокурором, обвинял преступников! А у них есть родичи и друзья... Теперь они мне мстят!

– У лорда Ангуса Аранвена вы тоже кого-то обвинили? – с каменным лицом поинтересовался Аластор, прерывая эту верноподданную речь.

– Что? А... нет... – растерялся Логрейн. – Почему Аранвен...

– Потому что расследование вашего опекунства над племянницей начал именно лорд-канцлер. И он же обратил мое внимание, что налоги с ваших земель поступают в количестве не то что недостаточном – попросту позорном!

– Неурожай, ваше величество! – взвыл Логрейн. – Я же докладывал! Третий год зерно вымокает! И градом его бьет! А овес...

– Да-да, овес?

– Так это... жучок его съел... Управитель мне так и сказал – жучок, мол!

– Ай-яй-яй... – Аластор сокрушенно покачал головой, испытывая жгучее желание взять Логрейна за воротник траурного черного камзола, приподнять лорда над блестящим дворцовым паркетом и вклеить физиономией в стену. – Жучок, значит? Мои соболезнования. Интересно, милорд, кто из вас двоих врет, ваш управитель или вы? Потому что я прекрасно помню, какой отличный овес поставляли ваши земли в поместье Вальдеронов. И эти три года в том числе! Отборный, зерно к зерну, никакого жучка! Я его сам проверял, вот этими вот руками щупал – смотрел, чем лошадей кормить будем.

Он поднес раскрытые ладони к самому лицу Логрейна, и лорд на глазах побледнел, съжился, пытаясь отступить то ли в боковую галерею, то ли на одну из лестниц, ведущих из холла.

– Вот скажите, Логрейн, – устало спросил Аластор, злость у которого схлынула так же быстро, как до этого прилила. – Вы думали, я тогда пошутил? На Совете с секирой? Или решили, что пронесло? Ну ладно, меня вы еще плохо знаете, но с канцлером-то дело давно имеете. Лорд Аранвен вас насквозь видит! Не знаю, как вы служили королю Малкольму, – назвать его отцом у Аластора по-прежнему просто язык не поворачивался! – но если так же, как мне, служба эта вам чести не делает! Что касается вашей племянницы, ее непременно найдут. И я лично спрошу юную леди, почему она сбежала от любящего дядюшки, как от чумы! Очень будет интересно услышать ответ.

– Вздорная девчонка, в-в-ваше в-в-велич-ч-чество... – залепетал Логрейн, делая еще шаг назад и опасливо глядя на руки Аластора, которые тот опустил, но сжал в кулаки. – Совсем глупенькая... Начиталась романов!..

– Разберусь, – кивнул Аластор. – Не сомневайтесь. И если подтвердится, что вы обокрали сироту и принуждали ее к браку с вашим сыном... Тогда пеняйте на себя, Логрейн. Никто не стоит над законом, даже королевский прокурор. Помнится, это мне пытались объяснить на коронации?

Досадливо передернувшись, он миновал лорда и пошел к нужной лестнице, ведущей в холл.

– В-в-ваше величество! – донесся в спину горестный вопль. – Не виноват! Клянусь!

«Разберусь, – опять пообещал не то лорду, не то самому себе Аластор. – Вдруг там и правда юная дуручка, которая вообразила невесть что, устроила скандал на весь Дорвенант, сбежала из-под венца, опозорив и себя, и семью. Может ведь такое быть? Еще как может! После своих родных сестричек я уже никакой глупости не удивлюсь! Да только редкая невеста пойдет на такое, если она не в совершенном отчаянии. А канцлер уверен, что казна Логрейнов канула в закрома младшей ветви, минуя законную наследницу. Да что там, я же действительно помню тот овес! И расплачивались мы с батюшкой за него честь по чести. Не повезло Логрейну. Занимались бы у нас в поместье делами только слуги да управители, как у многих дворян, может, я бы ему и поверил. Еще не хватало, чтобы мы зерно, побитое жучком, купили! Для лошадей!»

Острая тоска накрыла его холодной волной, и Аластор стиснул челюсти, не позволяя себе ни слова, ни всхлипа. Вот бы прямо сейчас бросить все и уехать в поместье! Облиться колодезной водой – и плевать, что поздняя осень на дворе! Растереться потом шерстяным полотенцем, что подаст старенькая Нэн – его и сестер бессменная няня. И сбежать на конюшню! Перечистить и переглядеть всех лошадей, проверить каждую подкову, зарыться лицом в теплые жесткие гривы... Только вот Искры там больше нет. И сбежать нельзя – долг держит прочнее любой цепи. А главное, не отпустит память о том, что было. От себя не убежишь, не ускачешь ни на какой лошади, даже самой быстрой и послушной!»

Он кивнул гвардейцам, выстроившимся во дворе, погладил Огонька и взлетел в седло. Жеребец всхрапнул, мотнул головой, и Аластор, наклонившись, потрепал его челку, заплетенную в несколько мелких косичек.

– Красавец... – негромко проговорил он. – Умница... Ну что, прогуляемся?

Конь снова фыркнул и пошел ровным чеканным шагом, явно красуясь перед кобылами гвардейцев. Подковы звонко зацокали по брусчатке двора. Аластор попытался сглотнуть ком в горле и пожалел, что эту проклятую брусчатку просто так не заменить. Никаких следов крови на ней, конечно, нет, но как стереть из памяти ало-золотое пятно на сером камне, разметавшиеся ореолом черные волосы, бессильно разбросанные руки в пышных рукавах – словно сломанные крылья чудесной птицы. Феникс, который упал, не взлетев к солнцу. И не возродился...

Против его воли память подсунула еще одно воспоминание. На похороны приехали двое из Риккарди, отец Беатрис и ее старший брат. Похожие, как две капли воды, даже возраст не придал им такого уж большого различия. Чернявые и сухие, словно обожженные итлийским солнцем и снаружи, и внутри. Черноглазые, носатые, одетые в черный бархат, который на этих двоих смотрелся не трауром, а единственно возможной одеждой. Аластор готов был объяснить, хоть слова и не шли на язык, но объяснений или оправданий от него никто не потребовал. Разговор с гостями взял на себя Аранвен. Отец Беатрис прекрасно говорил по-дорвенантски, и услуги Лу как переводчика не понадобились, а ее брат за весь визит не сказал ни слова, кроме короткого приветствия при встрече и такого же короткого прощания потом.

На похоронах они тоже молчали. Беатрис хоронили в королевской усыпальнице, как и всех членов семьи Дорвенн. Разумеется, не на городском кладбище, а на дворцовом, окруженном высокой стеной, примыкающей с одной стороны к парку. Аластор попал сюда уже второй раз в этом проклятом году, но покойный Малькольм у него не вызывал никаких чувств, кроме отвращения, а вот Беатрис...

Он едва смог заставить себя попрощаться с ней. Посмотреть на прекрасное безмятежное лицо, окруженное вьющимися локонами – ее любимая прическа! И платье было то же самое. Каким чудом королевских прачек или искусством артефакторов удалось отчистить его от крови, Аластор не знал и знать не хотел, но одно он понимал точно: Беатрис надела его в свой последний час, значит, именно в нем она хотела уйти в Сады.

В склепе было темно, тихо и прохладно. Никаких запахов, кроме цветочных – приготовленный для Беатрис мраморный саркофаг утопал в розах, и это было правильно, она так любила их при жизни. Только гости из Итлии не положили к белоснежному подножью ни цветочка. Старый Риккарди лишь наклонился и поцеловал дочь в лоб, а его сын в это время стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на придворных, столпившихся в огромной усыпальнице, больше похожей на храм, чем на склеп. Собственно, она и была храмом, сами надгробия занимали лишь ее часть...

А потом, когда свечи, зажженные над саркофагом, остались плакать в полумраке каплями воска и тяжелые двери усыпальницы затворились за живыми, оставив мертвых вечному покою, Риккарди-старший спросил Аластора:

– Ваше величество, могу ли я увидеть внучек?

– Да, конечно, – кивнул Аластор. Губы не слушались, будто он замерз изнутри, хотя день выдался ясным и даже и теплым. – Я сам вас отвезу, если позволите. Они... у моих родителей. У матушки и отца... приемного. Их не было сегодня на похоронах, потому что я попросил остаться с девочками.

– Очень разумно, – бесстрастно признал Риккарди. – Они слишком юны, чтобы переживать горе среди придворных. Кстати, я бы с радостью принял внучек у себя в Джермонто. Это красивый город, они могли бы познакомиться с родственниками и хоть немного отвлечься.

– Ваше высочество... – Аластор не замаялся, но говорить об этом сейчас было невыносимо больно. – Поверьте, я очень благодарен вам за поддержку. И Дорвенант всегда будет вам другом в память о доброте и заботе. Но...

– Но? – подсказал Риккарди.

– Незадолго до того, что случилось, – выдавил Аластор, – я разговаривал с Беатрис. Она... очень боялась умереть родами. Возраст, вы же понимаете. Смерть сыновей и все, что ей пришлось перенести... Беа очень боялась, – повторил он. Риккарди терпеливо и безмолвно слушали. – Она заставила меня пообещать, что, если это случится, ее дочери останутся в Дорвенанте. Она... не хотела, чтобы девочки уехали в Итлию. Ваше высочество, я понимаю ваше желание, но я... могу поклясться, что так и было. Благими и своей честью, если желаете!

– Не нужно, ваше величество, – уронил Риккарди. – Моя дочь как-то объяснила это желание?

Аластор заколебался. Сказать отцу, что дочь, по сути, отреклась от него? Что испугалась за своих дочерей, которых Риккарди вырастят выгодным товаром?

– Она боялась врагов, – слукавил он. – Дорвенант не в стороне от политики, разумеется, но он един, а Итлия постоянно воюет сама с собой. Беатрис очень опасалась рода Пьячченца. И не только их. Она боялась, что Алиенора и Береника попадут в жернова междоусобицы и... пострадают.

– Каков будет их статус при дворе Дорвенанта? – так же бесстрастно поинтересовался итлийский принц.

– Моих сестер! – выдохнул Аластор. – Как же иначе?

Они уже отошли далеко от усыпальницы. Придворные отстали из уважения к его горю или согласно этикету – Аластор не знал и не думал об этом. Оба Риккарди шли по широкой дорожке слева от него, а справа тенью скользил Лу, неприметный, как он это умел, но всегда под рукой, если понадобится.

– Ваших сестер... – повторил Риккарди будто в раздумьи. – И это несмотря на... все обстоятельства?

И глянул испытующе.

– Эти обстоятельства мне известны, – сухо сказал Аластор. – И они ничего не меняют. Я поклялся быть братом Алиеноры и Береники и намерен сдержать клятву не только по принуждению. Я обещаю им всю заботу и любовь, какую смогу дать. Когда они войдут в возраст, я найду для них подходящие брачные союзы с учетом желаний самих девушек, а до тех пор они будут жить в Дорвенанте как полноправные принцессы.

– Очень достойное намерение, – снова уронил Риккарди. Помолчал и заговорил опять, размеренно роняя слова: – Я хотел бы узнать. По какой причине тело моей дочери было облачено именно в это платье?

Яростная неприязнь вспыхнула в Аласторе, окатив его изнутри горячей болезненной волной. Подумать только, Беа умерла, а ее отец думает о каком-то тряпье?! Неудивительно, что бедняжка так просила не отдавать в Итлию девочек!

– О, грандсеньор, прошу прощения, позвольте мне ответить, – почтительно мурлыкнул за его плечом Лучано. – Ее величество нарядилась в него перед гибелью, это было ее любимое платье. И мы посчитали, что похоронить ее в нем вполне уместно. К тому же оно коронных цветов Дорвенанта и очень шло ей. Вы же сами видели, она в нем выглядела истинно по-королевски!

Свернув на очередную аллею, они подошли к воротам, возле которых стояла просторная карета – кто-то из окружения уже озаботился. Наверное, люди Аранвена, которых в день похорон было полно повсюду. Незаметные и внимательные, они окружили Аластора умелой заботой, стараясь выполнять любое желание, как только оно прозвучало, а иногда и предугадывая

их. И Аластор был бы искренне благодарен Аранвену за это, если бы мог чувствовать хоть что-нибудь, кроме боли, тоски и горечи.

– Вот как, – кивнул Риккарди, прищурился, вглядываясь в лицо Аластора с неприятной пристальностью, и вдруг спросил: – Намерены ли вы расследовать смерть моей дочери, ваше величество?

– Что? – непонимающе переспросил Аластор и, вдруг поняв, о чем говорит торговый принц, захлебнулся неожиданно горьким и плотным воздухом. – Вы что же, полагаете... Да нет, это невозможно!

– Мы были свидетелями этой трагедии, грандсиньор, – поспешно добавил Лу. – Весь двор это видел! Уверяю, его величество сделал бы все, чтобы спасти супругу, если бы имел хоть малейшую возможность. Готов поклясться всеми Благими – ее величество сделала это сама...

– Я верю вашей клятве, мой юный синьор. – Риккарди подождал, пока Аластор поднимется в поданную карету, последовал за ним и занял место напротив, откинувшись на спинку сиденья и соединив перед собой кончики пальцев. Рядом с ним сел по-прежнему молчаливый сын, а на оставшееся сиденье возле Аластора скромно примостился Лу. – Однако есть в этой истории нечто, что должно насторожить любого, знавшего мою дочь достаточно хорошо. Беатриче... была... – Его голос на миг пресекся, но тут же зазвучал с почти прежним спокойствием, разве что стал немного надтреснутым. – Была сильна духом, как настоящий воин. Красота была ее оружием, которое моя дочь использовала с великим умением. Будь Беатриче раздавлена горем, она оделась бы в траур. Пожелай она показаться слабой и нежной – выбрала бы светлые цвета. Но это платье... Я знаю свою дочь. Вы правы, это наряд королевы, а корона была ее щитом, так же как красота – мечом. Беатриче надела его в знак, что принимает вызов.

Он прикрыл глаза, и Аластор, пораженный и оглушенный его словами, понял вдруг, насколько же Риккарди стар!

– И я хочу, – едва слышно добавил старик, помолчав, – я хочу знать, что же могло испугать или разгневать мою Беатриче. Что могло заставить ее...

Он осекся, потом махнул рукой, то ли разочарованно, то ли просто устало. И негромко уронил:

– Мы еще поговорим об этом, ваше величество. Сейчас я хочу увидеть bambini.

Аластор, часто слышавший от Беа именно это ласковое словечко, тоже молча кивнул.

Особняк Вальдеронов встретил их гвардейским постом у ворот и еще одним – немного дальше по улице. Однако внутри все было по-прежнему, словно все беды остались за высоким каменным забором. Седой лакей открыл дверцу кареты и низко поклонился, а потом, проследившись, поцеловал руку Аластора, пробормотав:

– Горе-то какое, милорд. А я надеялся вашего сыночка или доченьку увидеть, пока в Сады не ушел. А оно вон как вышло...

Лучано помог выбраться из кареты старшему Риккарди, молодой вышел сам, с любопытством оглядывая сад и особняк пронизательными южными глазами, черными и блестящими.

– Доложите батюшке и матушке, что у нас гости, – велел Аластор, и лакей поспешно отозвался:

– Бегу-бегу! Милорд и миледи с утра вас ждут. Сейчас только в сад гулять пошли и юные леди с ними!

Он заторопился прочь по дорожке, приволакивая то одну, то другую ногу.

– Старый доверенный слуга? – понимающе усмехнулся одним краем рта отец Беатрис.

– У нас все слуги доверенные, – буркнул Аластор, вдруг устыдившись простого вида особняка и самого сада, уже облетевшего и потемневшего, лишь кое-где еще виднелись пестрые островки последних цветов. – Позвольте проводить вас в дом.

– Еще минуту, если вы не против, – попросил Риккарди и глубоко вдохнул холодный воздух, запрокинув голову. – Стыдно признаться, но я никогда не был в Дорвенанте. У вас всегда так... свежо?

– Зимой гораздо свежее, – сообщил ему Аластор, а Лучано бросил на соотечественников быстрый взгляд, полный сдержанного превосходства.

И тут на дорожке показались матушка и девочки. Одетые просто, по-домашнему, Алиенора и Береника крепко держали матушку за руки, и Аластор узнал на них старые платья Мэнди и Лорри. Темно-зеленое сукно, строго говоря, не могло считаться траурным, но от этого Аластору стало только легче. Хватит того, что весь дворец нарядился в черно-белое, серое и фиолет, выставляя горе напоказ, как лавочник – вывеску.

– Зимой цветы засыпают, как и деревья, – рассказывала матушка. – Луковицы, которые мы сейчас посадили, проспят и дожди, и морозы, а потом весной солнышко пригреет землю и разбудит их. Сначала на свет покажутся лишь острые зеленые росточки, потом развернутся листья, стебель выкинет бутоны, и распустится прекрасный цветок.

– А мы это увидим? – спросила, разумеется, Алиенора.

– Конечно, мои дорогие. Я надеюсь, вы поживете здесь еще какое-то время, а потом будете часто приезжать в гости. Мы вместе посмотрим, как снег укроет землю пушистым толстым одеялом, а цветы будут спать под ним в тепле... О, Аластор, мальчик мой!

– Братец! – звонко вскрикнула Алиенора, и девочки разом оглянулись на матушку.

Она с легкой улыбкой отпустила их руки, кивнула, и сестренки пробежали несколько шагов к Аластору, но вдруг остановились, с опаской глядя на обоих Риккарди.

– Какие большие... – прошептал отец Беатрис. – И так похожи на нее. Мне... следовало приехать раньше...

«Лет на двадцать раньше, – желчно подумал Аластор. – Чтобы посмотреть, за кого выдаешь дочь. А потом навещать ее почаще, напоминая Малкольму, что она достойна уважения! Да любой деревенский кузнец или мельник знает, что иногда зятя следует поучить, как любить жену. Может, все сложилось бы иначе, если бы за Беатрис стояли не только деньги ее семьи, но и крепкие кулаки братьев?»

– Non! – вскрикнула вдруг Алиенора, прижав руки к груди и мешая итлийские слова с дорвенантскими. – Это люди-вороны! Пожалуйста, братец, не отдавай нас! Non! Не надо!

И кинулась бежать, но не обратно к матушке или в сторону дома, а к нему. Следом за ней испуганным зайчиком прыгнула Береника, и через несколько мгновений сестренки прижались к Аластору, загораживаясь им от Риккарди.

– Люди-вороны, – твердила Алиенора. – Non, братец! Я не хочу к ним!

– Люди-вороны? – растерялся Аластор, опускаясь на колено и обнимая девочек. – О чем вы?

– Итлийская сказка, – прошелестел рядом Лучано. – Про людей-воронов, которые крадут детей. Страшная сказка...

– Алиенора, Береника, это никакие не люди-вороны! – попытался воззвать Аластор к девочкам. – Это ваши родственники! Его высочество Риккарди – ваш дедушка, и его сын – ваш родной дядя.

А про себя подумал, что в этом испуге нет ничего удивительного. Девочки привыкли к Лучано, всегда веселому и нарядному, да и другие итлийцы при дворе были, скорее, похожи на него, а вот Риккарди, смуглые, чернявые, носатые, одетые в черный бархат, действительно выглядели точь-в-точь воронами, принявшими человеческое обличье, причем наверняка для каких-то зловещих дел.

– Дедушка? – Алиенора, как всегда выступавшая голосом обеих сестер, оторвала лицо от рукава Аластора, с сомнением поглядела на явно расстроенного Риккарди-старшего, и уверенно мотнула головой. – Это ворон! Братец, ты ведь нас не отдашь?!

– Не отдам, – твердо пообещал Аластор и поверх двух черноволосях головок, заплетенных рукой матушки, судя по ее любимым косам, виновато поглядел на гостей. – Обещаю, ни воронам, ни кому-то другому. Но бояться принцессам стыдно!

Он встал, продолжая обнимать девочек, и они неохотно сами отлепились от него, на всякий случай вцепившись ему в руки – по одной на каждую.

– Я не ворон, мои милые синьорины, – очень грустно усмехнулся старший Риккарди. – Ваш... брат совершенно прав. Я ваш дедушка, и мне очень жаль, что мы не виделись раньше. Надеюсь, я смогу исправить эту ошибку?

Он выразительно посмотрел на Аластора, который кивнул.

– Когда вам будет угодно, – так же твердо пообещал он. – Я всегда рад вашим визитам. Но не считите меня невежей, ваше высочество, я не отправлю девочек в гости в Итлию, пока они к вам хорошенько не привыкнут.

– Справедливо, – кивнул итлиец и снова обратился теперь уже к матушке Аластора: – Благородная синьора, я счастлив, что рядом с моими внучками женщина столь же добродетельная и заботливая, сколь прекрасная. Моя огромная благодарность вам и вашему супругу.

Оба Риккарди склонились в чинном церемонном поклоне, и матушка присела в ответном реверансе.

– Прошу вас в дом, ваше высочество, – сказала она с мягким величественным достоинством. – Сегодня день скорби, и я делю ее с вами. Но эти малышки не могут жить в одной только скорби, и я стараюсь, по мере своих сил, дать им хотя бы немного радости. Знаете, даже в нашем суровом Дорвенанте солнце светит не только летом, но и зимой.

– Синьора, ваши слова проникают в сердце и остаются в памяти.

Риккарди снова поклонился, и Аластор повел девочек в сторону дома, чувствуя в своих ладонях теплые детские ладошки, от прикосновения которых где-то внутри больно щемило, но лед, сковавший его душу, вроде бы треснул и начал таять.

– У вас хороший дом, ваше величество, – сказал итлийский принц примерно часом позже, когда им подали шамьет в гостиную, и матушка сама его разлила, а девочки по мере сил помогали ей.

На новоявленных родичей они по-прежнему поглядывали не без опаски, но в злодейских замыслах вроде бы уже не подозревали, так что благовоспитанно предлагали гостям пирожные, согласились показать котят, которых им разрешили держать в спальне, и простодушно заверили, что братец Аластор – самый лучший братец на свете.

Правда, временами они словно забывали, что нужно быть радушными, и тогда внутренний огонек, освещавший их глаза и лица изнутри, гас, а девочки замирали, помрачнев и сжавшись на своих стульчиках, как нахохлившиеся от мороза птички. Тогда матушка мягко переводила разговор на что-то другое, и спустя несколько мгновений Алиенора с Береникой снова оттаивали.

– У вас хороший дом, – задумчиво повторил Риккарди, когда дамы – одна взрослая и две юные – удалились, а мужчины остались в гостиной.

После шамьета подали карвейн, вино и ликеры – уж здесь точно знали вкус Аластора относительно напитков. Впрочем, карвейн пил только отец, да и то едва пригубивая бокал. Все три итлийца предпочли вино, однако пили тоже мало, цедя по глоточку.

– Это заслуга моих родителей, – честно сказал Аластор, и оба Риккарди кивнули.

– Вы правы, что привезли их сюда, – отозвался старший. – Они еще успеют научиться, как быть принцессами. А вот быть просто детьми – это слишком большая роскошь в их положении. Пусть хотя бы немного...

Он осекся, но Аластор понял несказанное. Он и сам часто думал, как же ему повезло! Трусость Малкольма и мудрость канцлера Аранвена подарили ему чудесную семью и счастли-

вое детство. Да, в нем не было балов и придворных праздников, но были куда более важные вещи. Побег из комнаты через окно и сидение с книгой на дереве в саду, купание в реке, щенки и котята, а потом и своя лошадь, на которой следовало не только кататься, но и ухаживать за ней самому. Уроки порядочности, мудрости и доброты, которые отец с матушкой давали ему каждый день... Пусть Аластор усвоил из них меньше, чем мог бы, но Алиеноре с Береникой это точно не помешает.

– Я постараюсь навестить внушек еще хотя бы пару раз этой зимой, – сказал Риккарди и откровенно добавил: – Чаше – вряд ли получится. И жду их на Солнцестояние. Не пренебрегайте моей просьбой, ваше величество. Обещаю, что не задержу их у себя, но им не помешает познакомиться с родственниками. По крови они Риккарди, я никому не позволю это забыть.

И почему-то глянул на сына, невозмутимо тянувшего вино.

– Я и не думал разлучать вас, ваше высочество, – ответил Аластор, стараясь смириться с тем, что держать Риккарди в стороне от девочек не получится. – Вы правы, родственники – это слишком важно!

В наступившем молчании они допили каждый свой бокал. Аластору было досадно, что долг гостеприимства не позволяет ему оставить Риккарди, чтобы поговорить с родителями, но он понимал, при гостях разговора тем более не получится. И лишь попросил разрешения попрощаться с сестрами. Алиенору с Береникой снова привели в гостиную, и молчунья Береника, исподлобья глянув на Риккарди-старшего, вдруг сказала:

– А я помню... Матушка говорила, что те большие книги сказок с картинками нам прислал дедушка из Итлии. Мы по ним учились читать и писать по – итлийски.

– Так и есть, моя дорогая! – воспрянул торговый принц. – Это ведь там вы читали сказку про людей-воронов?

– Там, – кивнула Береника. – Только это матушка нам ее читала. Она иногда... сидела с нами вечером перед сном. Читала что-то или рассказывала... – Ее голос дрогнул, и девочка повернулась к Аластору. – Братец, а если очень сильно попросить Претемную Госпожу, она не отпустит матушку к нам?

– Хотя бы повидаться, – тихонько продолжила за ней Алиенора.

Аластор успел заметить, что его собственная матушка сморгнула слезы. Лучано торопливо отвел взгляд, Риккарди нахмурились.

– Не думаю, – вздохнул он. – Я тоже очень хотел бы этого. Но из Садов не возвращаются. Когда-нибудь мы встретимся с ней там. А пока нужно набраться терпения и жить так, чтобы Претемная Госпожа была рада принять нас. И чтобы ваша матушка там, в Садах, гордилась вами. Понимаете?

Девочки послушно кивнули, на их личиках застыло выражение совершенно не детской серьезности. А отец негромко и очень мягко добавил:

– Помните, что леди Джанет вам рассказывала про цветы? Иногда они спят очень долго, всю зиму или даже дольше. Но они не исчезают совсем и вернутся к нам, когда потеплеет. Ваша матушка любит вас даже в Садах, вы просто не можете пока что ее увидеть – как цветы, понимаете? Нужно подождать, и все придет в свое время.

...Аластор очнулся, выплывая из воспоминаний. Забор вокруг особняка Вальдеронов уже показался в конце улицы, вот и патрули, которые канцлер отправил присматривать за особняком. Все-таки здесь гостят особы королевской крови, хоть и совсем юные.

«Я обязательно смогу убедить их, что они мне нужны и очень дороги, – подумал он устало. – С дочерьми Беатрис я не ошибусь, как ошибся с ней. А потом вернусь во дворец, и все пойдет своим чередом. Мы с Аранвеном обсудим, как использовать преступников на дорожных работах. Сейчас их отправляют в рудники, но Дорвенне нужны дороги. И водопровод! Значит, нужно рыть колодцы и вести воду по городу. Работы столько, что страшно становится, но такова теперь моя жизнь. Сам выбрал – чего жаловаться? Отец Дункана сделает нужные

расчеты, а я найду деньги, и через несколько лет каждый бедняк в столице сможет напиться бесплатно! Ради этого стоит потерпеть, правда же?»

Он спрыгнул с Огонька и постучал в ворота раньше, чем это успели сделать гвардейцы. Нужно набраться терпения, просто жить дальше и ждать, когда пустота внутри зарастет и можно будет спокойно вдохнуть при мысли о Беатрис. Ведь когда-нибудь это случится, верно?

Глава 3

Аудиенция у кота

Письмо от мастера Ларци пришло на третий день после похорон королевы. В нем мастер просил передать его величеству глубочайшие соболезнования, выражал надежду, что время залечит раны, а также между делом осведомлялся у «дражайшего воспитанника», не попался ли ему случайно в Дорвенне некий Фредо ди Вероккья, приказчик уважаемого мастера Тино. Молодой человек, мол, воспользовался свободой вдали от дома и не иначе как загулял, чем еще объяснить, что не отвечает на письма своего покровителя. «Мальчик мой, не знаешь ли ты, куда делся паршивец, работающий на Омута, и причастен ли к этому ты?» – вот как следовало читать этот вопрос на самом деле.

Лучано перечитал послание трижды и написал ответное. Что соболезнования передаст, что время – великий целитель, о чем его величеству говорят все, но пока что это не очень помогает, и что Фредо ди Вероккья ему действительно однажды встречался во дворце, но отвечать на вопросы относительно своей работы в Дорвенанте отказался и вообще вел себя странно. Куда-то очень спешил, вид имел самодовольный, намекал, что вскоре возвысится так, что заткнет за пояс «наглеца Фортунато», и всячески показывал, что дела у него идут крайне успешно. А потом они расстались, и больше Лучано его не видел, хотя осведомиться о его пропаже несложно. Разумеется, лезть в чужие дела он не станет, поэтому просит мастера в следующем письме уточнить, действительно ли грандмастер Ларци желает узнать от своего почти-тельного воспитанника о судьбе Фредо ди Вероккья. «Куда делся Черный Кот, мне известно, разумеется. А вы предпочли бы это знать или как раз наоборот?» – вот что должен был прочитать мастер.

Ответ отправился с курьером в Итлию – порталом, конечно, и Лучано приложил к нему несколько подарков: носки из козьего пуха и пару бутылок можжевелевой настойки для мастера Ларци, кувшин лучшего карвейна для Фелиппе и старинный фехтбук для мастера Лоренцо. Если Тино сунет нос в послание, пусть до темноты в глазах ищет в нем скрытые смыслы или зашифрованные строки, ничего действительно важного обычной почтой Лучано доверять не собирался. Ему ли не знать, как это работает!

Лучано мечтательно представил, как мастер Тино, перехвативший письмо и подарки, долго ищет подвох в носках. Проверяет их на всевозможные контактные яды, прикладывает к страницам фехтбука, растягивает и проглядывает на свет, возможно, даже осторожно пробует на зуб, а потом пропитывает карвейном письмо и нагревает над огнем – и с проклятием отдергивает пальцы от вспыхнувшей бумаги. Эх, как было бы славно!

Он вздохнул, выныривая из приятных грез. Тино, конечно, на такую простую приманку не поймать, и вскоре Темный Омут всерьез обеспокоится пропажей своего младшего мастера. Возможно, даже вызовет Лучано на допрос в гильдии. Но требовать применения пыток у него никаких оснований, поить зельем правды мастера ядов – откровенная глупость, а как защититься от беседы с разумником, Лучано теперь знает – спасибо Саграссу и капитанам егерей.

А если даже правда выплывет на свет, ну что ж, старший мастер волен в жизни и смерти младшего собрата, если сумеет оправдаться перед гильдией. Заказ Беатрис угрожал не только Айлин, но и королю Дорвенанта, и самому Лучано – через их связь. Будь у него тогда больше времени, может, он просто обратился бы напрямую к своему грандмастеру и добился отмены заказа. Нечасто, но такие случаи у Шипов бывали. Увы, не получилось. Но Фредо не та фигура, чтобы из-за него возникли действительно серьезные сложности. Не старший мастер, даже не возможный преемник Тино, что бы сам Фредо об этом ни думал. Еще немного, и Темный

Омут убрал бы слишком ретивого претендента на свой перстень, и все об этом знают. По сути, Лучано ему услугу оказал, хоть Тино в этом никогда не признается.

Так что с этой стороны беды можно не ждать.

И все-таки что-то грызло Лучано изнутри, не давало спокойно жить после смерти Беатрис и наслаждаться свершившейся мстостью. Конечно, он знал, что это. Вина перед Аластором. Не перед взбесившейся гадюкой в женском облике, а лишь перед ним – королем и другом. Лучано с каждым днем все яснее и сильнее осознавал свои чувства к нему и Айлин, учился прятать их надежно от всех на свете, но от самого себя не спрячешься. Что ж, не он первый и не он последний безнадежно влюбляется в кого-то, кто никогда не ответит взаимностью, но жить-то надо, и раз уж он выбрал целью жизни служение им, нельзя допустить, чтобы друзья отшатнулись от него, узнав, что дружба, которой они связаны даже теснее, чем арканом, для Лучано гораздо больше, чем просто дружба. Это его собственные награда и проклятие, ему их и нести.

Аластору, между тем, становилось все хуже. Он метался ночами, бормоча имя Беатрис, признания в любви, обещания и просьбы. Услышав это, Лучано просыпался у себя в спальне, пробирался к Альсу, садился на край постели и клал руку ему на лоб. Аластор затихал, иногда просыпался и благодарил за избавление от кошмаров, но утром наотрез отказывался об этом говорить, барготов упрямец.

Дункан только вздыхал и однажды объяснил, что глубокое воздействие на чувства и память произвести не может, потому что Альс отчаянно сопротивляется любым попыткам вмешаться в его разум. Он, извольте видеть, вообразил, что должен справиться самостоятельно, иное будет слабостью и недостойно его любви к Беатрис и великой вины, которую он взвалил на себя сам. По мнению Лучано, глупость полная, что подтвердил и Дункан, но Аластору разве докажешь! У него в гербе должен быть не лев, а баран, упирающийся лбом в ворота!

Осталось надеяться на время, которое и впрямь иногда лечит, поэтому Лучано не сводил с Альса глаз почти неделю, и лишь на седьмой день отлучился, чтобы навестить Айлин. Кроме желания увидеть и ободрить синьорину, была у него еще одна цель. Похоже, попытки Саграсса объясниться с возлюбленной ничем хорошим не закончились. Боевик об этом говорить не желал – еще один благородный дорвенантский баран! – но на службу являлся грустным, на шутки Лучано улыбался через силу и вообще вел себя так, словно у него тоже умер кто-то близкий.

Между прочим, Лучано за эту неделю очень добросовестно обдумал свое обещание самому себе отравить Саграсса-старшего! Даже узнал его любимый трактир, откуда благородный синьор каждый день вываливался за полночь пьяным, как винная бочка, и полз домой, нечленораздельно угрожая кому-то невидимому, что «покажет им всем». Отправить его за Грань было бы легче легкого, работа не для старшего мастера, а для ученика, выпущенного из казармы поразмяться. Сначала Лучано подумал, что даже травить не надо, только на пару мгновений вынырнуть из темноты, поставить подножку, проследить, чтобы виском синьор приземлился на подходящий камушек – и снова исчезнуть во тьме. Ни один целитель ничего не распознает!

Но потом он вспомнил, что хотя Саграсс – боевой маг, однако некромантов среди знакомых у него тоже полно. Вдруг вызовет папеньку из Садов и расспросит об обстоятельствах смерти? Поди разбери, что там эта пьянь разглядит и запомнит? Нет, яд все-таки надежнее. Переодеться на один вечер, пройти мимо в трактире, задеть Саграсса-старшего рукой с зажатой между пальцами иголкой... Ну кого удивит, что у человека, хлещущего карвейн как воду, отказало сердце? Даже сам Лионель вряд ли что-то заподозрит. Пустыжковое дело!

Почему он с этим тянул, Лучано и сам не мог понять, а потом вдруг сообразил, и его замутило от странного чувства беспомощности и вины. Он ведь и с Аластором хотел как лучше! Без раздумий убрал Беатрис руками Бастельеро, потому что хотел не только безопасности для себя с Айлин, но и свободы для Альса. Который вот-вот должен был прозреть и понять, в кого

влюбился! Лучано хотел уберечь Аластора, помочь ему избежать разочарования и ужасной необходимости казнить Беатрис, если правда о покушении на Айлин выплывет наружу. И не жалел об этом! Даже не собирался!

Но сейчас, глядя на безутешного Альса, из которого будто вынули душу, не мог чисто-сердечно сказать самому себе, что поступил правильно. Да, нужно было защитить синьорину! И то, что Беатрис сделала с самим Лучано, прощать никак не следовало. Но Аластор... Если у него в сердце останется рана, которая так и не заживет, сможет ли он простить это? А если никогда не узнает, сможет ли это простить себе Лучано?!

И потому, пожалуй, с благородным синьором Саграссом-старшим торопиться не следовало. Нужно еще раз все обдумать, как бы не сделать хуже. Побольше разузнать про их семью, вдруг матушка Саграсса так искренне и сильно любит своего мерзавца-мужа, что его внезапная смерть способна погубить и почтенную синьору?! А если даже она его ненавидит, сердце, надорванное многолетними лишениями, способно разорваться как от внезапного испуга, так и от внезапной радости.

Так что Лучано решил подождать еще немного, а пока заняться действительно неотложным делом – узнать сердечные склонности синьорины Иоланды! Если эта милая девица тверда в своей привязанности, нужно попросить Альса оказать Лионелю протекцию. Уж королю в качестве свата ни один дворянин не откажет. А если и найдется такой безумец, Альс ведь может пожаловать Лионелю дворянство! Даже наследное, если пожелает. О, да Лучано ему собственный титул подарил бы, будь это возможно! Увы, только в Арлезе дворянство можно выиграть или проиграть в карты, а в Дорвенанте этого не поймут... Но сначала – Иоланда. Что она думает о Лионеле Саграссе?

Именно это он спросил у Айлин, когда чопорный дворецкий, словно проглотивший трость, провел его в гостиную палатцо Бастельеро, и синьорина, радостно встрепенувшись, велела принести шамьет. А потом повернулась к немолодой сухопарой даме, что сидела в той же гостиной с вышивкой, и прохладным любезным тоном сообщила:

– Сударыня Эванс, вы можете быть свободны. Я попрошу лорда Аларика принять гостя вместе со мной, а вам наши разговоры будут неинтересны. Батюшка Аларик, вы же мне не откажете?

– Сочту за честь и удовольствие, дитя мое, – улыбнулся грандсиньор, входя в гостиную. – Доброго дня, милорд Фарелл. Как славно, что вы решили нас навестить. Понимаю, вам не до забот, но хотел рассказать, что мы с Себастьяном выбрали место для вашего дома. Отличный склон холма! Вид на озеро прекрасный, и земля рядом хорошая. Ваши слуги смогут посадить там сад и разбить небольшой огород. Зимой можно купить лес для строительства, а сам дом начать возводить весной. Следующей осенью уже сможете поехать туда на охоту, ну и мы с Себастьяном напросимся, если позволите.

– Лу, ты решил поставить дом на озере? – обрадовалась Айлин. – Как чудесно! Перлюрен будет навещать родню, ты же станешь брать его с собой?

Лучано представил, как Перлюрен приводит в гости толпу родственников, и обреченно кивнул.

– О, советую держать этих родичей подальше! – хохотнул грандсиньор Аларик. – Еноты – бич Озерного края! Один енот – это может быть терпимо и даже мило временами, но если их больше... Мой вам совет, милорд, закажите у стихийников пугалки для животных и окружите ими охотничий дом. Ваш зверь будет только рад, что земли поместья принадлежат лично ему.

– Охотно в это верю, грандсиньор, – улыбнулся в ответ Лучано, краем глаза следя, как синьора, похожая на сушеную воблу, поджала губы и выскользнула из гостиной, прихватив рукоделье. – Перлюрен – ужасный жадина и обжора! Но мне бы не хотелось, чтобы дикие сородичи его покусали или заразили чем-нибудь. Пугалки – отличная идея. Так вот, о синьоре Саграссе...

Он замялся, не зная, можно ли и дальше поднимать эту тему при свекре Айлин. Гранд-синьор Аларик выглядит очень добродушным, но разговор весьма деликатный.

– Вас смущает мое присутствие? – проницательно поинтересовался тот. – Если желаете, мы с сударыней Эванс опять поменяемся местами. Увы, оставить вас и мою невестку наедине я не могу, вы же понимаете. Но готов обещать, что все сказанное останется между нами.

– Не надо Эванс! – поспешно вмешалась Айлин. – Лу, я уверена, батюшке Аларику можно доверять! – И пояснила: – Речь идет о чувствах моей подруги Иоланды, вы ее хорошо знаете. Один достойный дворянин за ней ухаживает, и она очень рада его вниманию, но вот родители...

– Его родители или ее? – невозмутимо уточнил почтенный синьор.

– И те, и другие, – вздохнул Лучано. – Так синьорина Иоланда отвечает на чувства Лионеля? Он просил меня узнать об этом, чтобы понимать, на что может надеяться.

– А Иоланда просила об этом же меня, – улыбнулась Айлин, и в гостиной словно просияло крошечное солнышко. – Она надеялась, что услышит от него предложение, но свидание сорвалось...

– Это моя вина, – признался Лучано. – Боюсь, Лионель пожертвовал этим свиданием и надеждой на счастье, чтобы спасти мне жизнь. Я бы очень хотел вернуть этот долг, но не совсем представляю как. Увы, я все еще очень невежественен в обычаях Дорвенанта и этикете благородных синьоров.

– Хм... – Бастельеро-старший откинулся на спинку кресла и в задумчивости повертел в пальцах бокал с вином. – Скажите, милорд, а вы уверены, что у вашего друга исключительно серьезные намерения?

– О, грандсиньор! – Лучано даже привстал в кресле для большей убедительности и пылко заверил: – Я готов за него поручиться! Уж в этом я разбираюсь! Как-никак сам являюсь гранд-мастером намерений несерьезных!

– Тогда нужно дать им поговорить, – посоветовал Аларик. – И желательно без свидетелей. Полагаю, на том свидании все равно должна была присутствовать матушка сударыни Иоланды или компаньонка – хотя бы и наемная. Если у молодого человека серьезные намерения, он не мог ожидать, что достойный отец отпустит с ним дочь без сопровождения. И, конечно, при компаньонке им было бы очень трудно поговорить с полной искренностью, вы меня понимаете?

– Но... разве встреча наедине не скомпрометирует Иоланду? – растерялась Айлин и тут же решительно вскинула голову: – Я готова взять вину на себя! Только как это сделать?

– Успокойтесь, милое мое дитя, – усмехнулся Аларик. – Возложим вину на случайность. Это, конечно, никого не обманет, но если молодые люди придут к соглашению, общество закроет глаза на некоторые обстоятельства. К тому же мы постараемся, чтобы об этом не болтали лишнего. То, что происходит в доме Бастельеро, остается в его стенах. Наши слуги прекрасно понимают, что такое честь семьи. Разумеется, если для счастья влюбленных потребуются самую капельку испортить им репутацию, то... пусть сударыня Иоланда сама решает, приемлема ли для нее эта жертва.

– Батюшка Аларик! – ахнула синьорина и захлопала в ладоши, а Лучано невольно улыбнулся – старший лорд Бастельеро смотрел на нее с такой умиленной нежностью! – Но милорд Грегор наверняка будет недоволен...

– Недоволен? – переспросил лорд Аларик и, усмехнувшись, покачал головой. – О, ну что вы, дитя мое. Он будет в бешенстве!

И улыбнулся с явным предвкушением!

– Грандсиньор Аларик! – торжественно провозгласил Лучано. – Вы меня чрезвычайно обяжете! – И тут же понизил голос: – Но как именно мы это устроим? Привезти сюда Лионеля труда не составит, я просто попрошу его сопровождать меня при следующем визите. Синьорину Иоланду, полагаю, пригласить тоже несложно. Однако нужно оставить этих двоих

наедине, причем в таком месте, откуда они не смогут уйти, а кто-нибудь другой – помешать им. И, признаться, я ни за что на свете не хотел бы пропустить такое зрелище.

– Лу! – возмущенно вскрикнула Айлин, и Лучано тут же поправился:

– О, не подумайте плохого! Не из любопытства! Исключительно ради репутации синьорины Иоланды!

– Ну, если ради репутации... – Грандсиньор Бастельеро понимающе усмехнулся. – Моя дорогая невестка пока еще не знает некоторых секретов особняка, мне же они неплохо известны. Библиотека на втором этаже имеет небольшую потайную комнату с выходом на лестницу для слуг. Если двое молодых людей одновременно окажутся в библиотеке, а потом кто-нибудь их нечаянно запрет...

– Как бы Лионель не выбил дверь, – вздохнул Лучано. – Вы не представляете, до чего это щепетильный и простодушный идиотто! То есть, простите, достойный уважения и порядочный человек!

– Двери нашего особняка так просто не выбить, – снова хмыкнул почтенный грандсиньор. – Да и вряд ли лорд Саграсс пожелает испугать свою пассию. Или расстроить. Уверен, хотя бы несколько слов они друг другу скажут, а сударыня Иоланда производит впечатление девушки разумной и...

– Хваткой? – подсказал Лучано.

– Заинтересованной в благополучном исходе разговора! – укоризненно посмотрел на него грандсиньор.

– О, конечно, вы правы, – покаялся Лучано и снова покосился на Айлин.

Она слушала их, блестя глазами, щеки наконец-то разругались, почти как прежде, губы чуть-чуть приоткрылись... Прелесть! Ей определенно на пользу шалить, жаль, что это лекарство не получится принимать каждый день.

Во дворец Лучано возвращался в прекрасном настроении – пожалуй, впервые со дня смерти Беатрис. Будущая радость, которую он доставит Лионелю и синьорине Иоланде, а через них и Айлин, грела душу, расцветивала холодную дорвенантскую осень яркими красками и что-то приятное мурлыкала внутри голосом, похожим на урчание кошек мастера Ларци.

Главное, хорошо все продумать! А уж когда упрямы договорятся, можно делать следующий ход и просить Альса повлиять на синьора Саграсса-старшего. С Донованом Лучано решил поговорить сам. Не враг же купец любимой дочери и ее счастью! Человек он трезвомыслящий, наверняка примет во внимание, что лучше почтительный и благодарный зять-дворянин, чем неизвестно кто, если синьорина Иоланда взбрыкнет и назло папеньке учудит какую-нибудь глупость. Конечно, девица она рассудительная, но обида иногда говорит сильнее разума.

Ну а если уж совсем ничего не сладится, есть ведь храм Странника, где позволение родителей для венчания не требуется. Это для сильных духом и уверенных в своей любви, потому что браки, заключенные там, нерасторжимы. И тут уж решать самим Лионелю и Иоланде.

Спешившись и отдав повод Донны подбежавшему конюху, он дружески кивнул сегодняшнему караулу и поинтересовался, что нового. Услышал, что его величество навещал родителей и бедняжек-принцесс, но недавно вернулся и работает у себя в кабинете. Во дворце тихо, оно и понятно – ведь глубокий траур! А для милорда есть письмо – внук магистра Бреннана заезжал и оставил. Вот, ваша светлость, извольте!

Поблагодарив, Лучано торопливо вскрыл конверт. Письмо оказалось не от самого магистра, а от синьора Дилана, который просил о встрече, если лорду Фареллу будет угодно. Встреча? Хм... Наверное, хочет забрать амулет? Уже давно следовало его вернуть, неудобно получилось! А теперь просто отослать синьорам целителям ценную вещицу будет тем более некрасиво, следует, пожалуй, заехать самому и привезти какой-нибудь подарок.

Рассеянно поблагодарив караульных, Лучано взбежал по парадной лестнице, стремительно пересек холл и... едва не столкнулся с каким-то синьором, вылетевшим из бокового

коридора! В последнее мгновение он увернулся со всем искусством Шипа, но шляпу, снятую по правилам дворцового этикета, синьор все-таки выронил и гневно воскликнул:

– Кракен побери! Смотреть нужно, куда вас несет на всех парусах!

– О, прошу прощения, – развел руками Лучано. – Позвольте помочь!

И первым быстро поднял шляпу, за которой дернулся синьор. Страхнул с нее невидимые пылинки, расправил когда-то пышное, но уже изрядно обтрепанное перо и протянул торопливому незнакомцу его собственность.

В конце концов, лучшая ссора – это та, которая не случилась, верно? Яркий выговор и смуглое лицо с аккуратными усами и бородкой выдавали в синьоре арлезийца, а это народ горячий. От Лучано же не убудет, если он первым проявит вежливость.

Расчет оказался верным, синьор смутился и буркнул, в свою очередь резко и нервно отряхивая злосчастный головной убор:

– Мои извинения, благородный дон. Это мне следовало смотреть по сторонам. Если вы чувствуете себя оскорбленным, я готов ответить...

– О, несколько! – заверил Лучано и сочувственно поинтересовался: – Кажется, у вас была неприятная встреча? Или просто день не задался?

– День? – тихо и зло повторил за ним арлезиец. – Еще как не задался, уж поверьте! Да с того самого проклятого мига, как я сошел с корабля на эту барготову землю, дни все веселее и веселее, кракен их побери! И этот барготов дворец заодно! И его... – Он покосился на караульных, что хмурились, подкручивая пышные усы, явно вспомнил закон об оскорблении королевского величества, сглотнул что-то, рвавшееся на язык, и закончил: – Его обитателей, среди которых попадаются такие мошенники – куда там портовым обдиралам из таможни!

– Мошенники? – поразился Лучано, с интересом разглядывая незнакомца.

Молод, немного старше него самого, и хорош собою: правильные черты смуглого лица, выразительные черные глаза, пылающие гневом, ладная подтянутая фигура. Но дорожный костюм давно не знал стирки, разве что чистку, да и то не слишком тщательную, волосы неровно обрезаны и схвачены простой кожаной лентой, а сапоги для верховой езды пыльные, словно арлезиец пришел во дворец пешком. Что, даже на извозчика денег не было? Очень любопытно!

– Да что вы говорите, благородный синьор?.. Простите, не имею чести знать ваше достойное имя...

– Мурилья, – раздраженно бросил арлезиец и тут же поправился: – Дон Каэтано Мурилья к вашим услугам! Капитан «Алмазной донны». Да, представьте, мошенники, и еще какие! Свет не видел такого наглого мерзавца! Об одном жалею – не спросил его имени, теперь и найти не смогу. А этот плод любви осьминога с медузой обобрал меня и скрылся! Щупальце кракена ему в задницу до самой глотки! И брам-шкотовым узлом там завязать! А выглядел таким приличным человеком! И это меня здесь называют разбойником и контрабандистом?! Клянусь Пресветлым воином, благородный дон, если и было в моей жизни что-то этакое... не совсем законное... я хотя бы никогда не издевался над своими противниками! А этот... этот...

Возмущение распирало арлезию изнутри, и Лучано снова сочувственно закивал. А потом ловко подхватил капитана «Алмазной донны» под руку и увлек подальше от караула, превратившегося в сплошные уши. Очень даже вероятно, что какие-то из этих ушей принадлежат не только своим владельцам, но и канцлеру, а делиться Лучано не собирался. Нет уж, это его добыча!

– И как же он вас обобрал, благородный синьор? Расскажите мне все, вдруг я смогу помочь? Мы, южане, должны держаться вместе в этой прекрасной, но суровой стране.

– Стыдно признаться, но я сам повел себя как последний болван, – мрачно выдохнул Мурилья. – Мне сказали, что этот человек может помочь! Устроить аудиенцию у его величества! Только нужно заплатить, вы же понимаете?

– Конечно, – снова кивнул Лучано. – Вполне понимаю! Торговать доступом к самому королю – каков мерзавец!

И очень интересно, кто это такой наглый и глупый, что оказывает подобные услуги?

– Да я же был не против, – с досадой махнул рукой Мурилья, когда они отошли на достаточное расстояние от патруля. – Мое дело настолько важное, что аудиенция нужна немедленно, и скупость тут неуместна! Я выгреб все до последней монетки! А этот скот пересчитал деньги и заявил, что их слишком мало за аудиенцию у короля, но так уж и быть, он устроит мне встречу с королевским котом, а там как повезет. Мол, если дело действительно важное, королевский кот замолвит словечко перед его величеством. Кот! Замолвит! Он же надо мной гнусно посмеялся, этот ублюдок, сын шлюхи и нищего!

– К-каков мерзавец... – подтвердил Лучано, едва сдерживая смех. К счастью, распаленный обидой арлезиец не замечал этого, он размахивал руками, так что шляпа в них гоняла воздух, словно огромный веер, и возмущенно смотрел по сторонам. – Значит, встреча с котом? Это точно?

– С королевским! – рывкнул Мурилья. – С ко-ро-лев-ским ко-том! Благородный дон, меня так оскорбили третий раз в жизни! Первый – когда хотели повесить, хотя я дворянин и заслуживаю плахи, но уж никак не виселицы. Второй – ну, неважно... Поверьте, это было на редкость гнусное предложение. И третий – сегодня! Отправить меня не просто восвояси, как сделал бы обычный мошенник, а к проклятому коту! Я ушам своим не поверил! А этот негодяй увидел мое возмущение и шмыгнул в какой-то коридор. Поверьте, благородный дон, если бы я не растерялся, мерзавец не ушел бы!

– Мерзавец... – повторил Лучано, изнывая от необходимости сохранять серьезное лицо. – Действительно, какое оскорбление!

А неизвестный пройдоха даже наглее, чем сразу показалось! Действительно, легче всего добиться встречи с Альсом через него. Через Итлийского Кота его величества! Но брать за это деньги?! Вот это и вправду оскорбительно! Только не для бравого арлезийского моряка, а для самого Лучано, которым, оказывается, торгует некий поганец, словно сутенер – шлюхой. И при этом даже не делится!

– Вот что, благородный синьор Мурилья, – решительно сказал Лучано, справившись со смехом. – Читайте, что вам повезло. Так уж получилось, что я здесь не последний человек. И если ваше дело действительно важное, я помогу его решить. Но для этого мне нужно знать, что случилось.

– Мне может помочь только его величество король Дорвенанта, – безнадежно отозвался арлезиец, опуская руки и разом словно потухнув. – Ну или гранд Аранвен... Говорят, он почти всесилен и при этом честен в пример любому министру. Во всяком случае, он точно мог бы отвести меня к королю. Речь идет о жизни и смерти, благородный дон. И ладно бы только моей, право, мне не привыкать ходить по скользкому трапу. Но дело в одной девице... то есть даме... – И он смутился так явно, что Лучано безмолвно умилился, а Мурилья пылко закончил: – Это она в опасности! И клянусь, я бы пережил любое унижение, чтобы ей помочь, лишь бы оно не было бесполезным!

– Рассказывайте, синьор! – напомнил Лучано, наконец-то понимая, с кем его свела проказница-судьба. Да ведь эту парочку ищут по всему Дорвенанту! А вынесло красавца-капитана именно к нужному человеку! Ничего не скажешь, Мурилья – счастливец не хуже самого Фортунато! – Ну же!

– Меня должны были казнить за контрабанду и морской разбой, – нехотя отозвался арлезиец. – Хотя какой там разбой, всего-то позаимствовал несколько тюков парусины у одного итлийского купца. Ну и еще кое-что по мелочи... Но дело не в этом, благородный дон, а в том, что вместо казни я женился. На юной благородной донье, прекрасной, как море! Ее везли в храм, где должны были насильно выдать замуж, но она увидела меня у подножья виселицы,

вырвалась от мерзавцев-родичей и потребовала меня себе по святому праву невинной девы. Ну, знаете, наверное? Если непорочная девица захочет взять осужденного в мужа, его следует помиловать и освободить...

– Слышал такое, – подтвердил Лучано. – Правда, не помню, чтобы этим правом кто-то воспользовался. Так вы... лорд Логрейн?! – напоказ изумился он.

– Он самый, – криво усмехнулся Мурилья. – Не слишком-то похож, верно? Логрейны – они все на особую породу, как и остальные гранды Дорвенанта. Но так уж мне повезло, благородный дон. Клариче была в таком отчаянии, что доверилась мне, и мы заключили договор. Я пообещал, что отвезу ее в Дорвенну и помогу добиться справедливости, а потом дам ей развод. Она же... Это касается только нас, благородный дон, но поверьте, я ничем не оскорбил ее честь за это время! Проклятье, кракен меня сожри, я контрабандист, это правда, но не полный мерзавец! Погубить несчастную сироту, которой так не повезло с родней – это кем же надо быть?! А Клариче, она... О, это тоже неважно!

«Везет мне сегодня на влюбленных, – усмехнулся про себя Лучано. – Похоже, синьорина Кларисса, она же Клариче, взяла сердце капитана на абордаж, или как там говорят моряки? Жаль, если синьор Мурилья послужил для нее лишь средством добраться до столицы, парень-то бравый. Ну, не будем заглядывать слишком далеко вперед! А вот Альса эта история, возможно, позабавит! И я определенно знаю, как сделать ее еще забавней! Видят Благие, ми аморе в этом очень нуждается!»

– Я понял, благородный синьор, – сказал он вслух. – Что ж, идемте! Я обещал вам помощь и слово сдержу. Вы увидите с человеком, который способен решить ваше дело!

– Он представит меня королю? – недоверчиво уточнил арлезиец. – Благородный дон, простите за недоверие, но Клариче ждет меня в таверне... Я не могу вернуться к ней ни с чем! А вы говорите об этом так легко... Я ничем не могу отплатить за такую услугу!

– Будем считать, что я это делаю ради доброго имени Дорвенанта, – улыбнулся Лучано.

«И Королевского Кота, – добавил он мысленно. – Найду того, кто обобрал капитана, ох он у меня и попляшет!»

* * *

– Так вы говорите, для прокладки водопровода потребуются вырыть не простые колодцы, а особенные? – уточнил Аластор, глядя на разложенный на столе план Дорвенны.

– Именно, ваше величество, – подтвердил главный королевский архитектор Дорвенанта. Он же сударь Юджин Роверстан, почтенный батюшка магистра Дункана.

Но если бы Аластор увидел их рядом, не зная, кто они друг другу, ни за что не подумал бы, что эти двое находятся в родстве. Господин архитектор был невысок, даже ниже Бастельеро, но, в отличие от него, обладал солидным округлым брюшком и залысынами, которые продолжали неожиданно высокий лоб. Тщательно приглаженные на одну сторону светлые волосы, умные серые глаза, которые он почтительно потупил, входя в кабинет и кланяясь, но потом увлекся разговором и начал смотреть прямо на Аластора. Совершенно ничего арлезийского в облике!

«Наверное, Дункан пошел в мать, – решил Аластор, с любопытством поглядывая на архитектора. – Говорят, она была редкой красавицей...»

Воображение тут же беспощадно нарисовало ему женщину ростом с Дункана и такую же широкоплечую и смуглую. В руке дама, одетая нарядно, как и положено столь блистательной особе, держала веер, закрывая им нижнюю часть лица, так что видны были только дивные черные очи, полные южной страсти и неги... Но вот женщина кокетливо отвела веер в сторону, и Аластор содрогнулся, увидев усы и бородку, как у разумника...

«Тьфу, представится же такое! – передернулся он. – Хотя что я знаю об арлезийских красавицах...»

Женщина в его воображении лукаво усмехнулась, потом спрятала усмешку в усах и растаяла.

– Простите? – опомнился Аластор, выныривая из этого кошмара наяву и глядя на архитектора со смесью уважения и сочувствия. – Я отвлекся, не могли бы вы повторить?

– Конечно, ваше величество, – кивнул тот. – Я говорил, что под Дорвенной имеются значительные запасы воды, разведанные стихийниками. Если вывести их на поверхность и поставить достаточно мощные насосы, можно построить водопровод не хуже тех, что есть в крупных городах Итлии. Фонтанов в таком же количестве не обещаю, но воды хватит для всей столицы на очень долгое время. К сожалению, этот проект ранее считался невозможным.

– Почему? – поразился Аластор. – Это же так важно!

– Дорого, ваше величество, – пояснил Аранвен, сидящий за столом по правую руку от Аластора. – Последние несколько десятилетий в столице, да и в остальном Дорвенанте, не было никаких крупных строек. Последняя, если не ошибаюсь, случилась перед коронацией его величества Малкольма, для которой перестроили часть дворца и отреставрировали храм Семи Благих.

– Так и было, милорд, – грустно подтвердил архитектор и снова повернулся к Аластору. – Этим занималась моя семья. Хвала Благим, все мои мальчики, кроме старшего, продолжают наше семейное дело. Я вырастил для Дорвенанта прекрасных зодчих и витражистов! Впрочем, на Дункана мне тоже грех жаловаться, – добавил он с явной любовью и смутился: – Простите, ваше величество, виноват...

– Ничего страшного, – кивнул Аластор. – Я очень ценю магистра Дункана, и вы правы, что гордитесь им. Давайте подумаем, во сколько обойдется постройка водопровода? Сколько потребуется этих особенных глубинных колодцев? Сколько нужно денег и людей? Милорд Аранвен, мы сможем использовать для этого каторжников?

– Да, ваше величество, – после нескольких мгновений раздумий отозвался канцлер. – Это весьма выгодное решение, которое сэкономит нам значительные средства. Каторжники, конечно, работают хуже обычных землекопов и каменщиков, зато они гораздо дешевле. Возможно, ваше величество рассмотрит мысль о том, чтобы заменить смертную казнь некоторым преступникам на пожизненную каторгу? Например, браконьерам, не пригодным к службе в егерях? Или тем, кто неоднократно попадался на воровстве и подлежит каре путем повешения?

– А их вешают? – удивился Аластор. – Я не знал. Какая бессмысленная трата...

«Человеческих жизней, – хотел сказать он, но тут же про себя поправился: – Полезных средств. Потому что преступники, способные работать на благо королевства, это такое же средство получения пользы, как зерно, лес или вьючный скот».

Аранвен одобрительно блеснул глазами, уловив его невысказанную мысль, и чуть склонил голову.

– С вашего позволения, – негромко сказал он, – мы с сударем Роверстаном займемся этим немедленно. Он подготовит подробные планы и списки всего необходимого, а я рассчитаю, какие возможности сможет предоставить казна в ближайшее время. Признаюсь, это будет непросто, мануфактуры требуют огромного вложения средств. Но водопровод, подведенный к ним, значительно сократит будущие затраты на производство товаров и постепенно себя окупит.

– А жилые кварталы? – нахмурился Аластор. – Как быть с ними?

– Взгляните сюда, ваше величество, – почтительно попросил архитектор, ставя кончиком карандаша жирные точки на плане столицы. – Это места, где можно вывести воду наверх. Как видите, они в самых разных районах, от королевского дворца до северной окраины. Как только насосы заработают, люди смогут пользоваться водой, и это уже будет великим благом для бед-

няков, которым не придется ее покупать. Но провести воду в дома, как это делает итлийская знать, смогут лишь самые богатые семьи.

– Вот и пусть это делают те, кто может заплатить за удобство, – решил Аластор. – Лорд Аранвен, посчитайте стоимость самих колодцев и водопровода к важнейшим местам столицы: городским площадям, храмам и мануфактурам. А, ну и казармы с рынком, разумеется. В богатых кварталах у жителей имеются личные колодцы, из которых вода проведена в дом. Если кто-то пожелает провести воду из общественных – пусть, но за свой счет. А для бедняков казна оплатит колодцы и насосы. Это больше того, что они имеют сейчас.

– Намного больше, – подтвердил канцлер. – Уверен, ваше величество, это деяние войдет в историю Дорвенанта так же прочно, как ваш подвиг.

Смутившись, Аластор отвел взгляд от спокойно-торжественного, как обычно, лица Аранвена и посмотрел на маленького архитектора. Такой невзрачный человек, а сколько знаний и умений! Вот это настоящий подвиг – овладеть ремеслом как высочайшим искусством. Неудивительно, что у него такой сын.

– Сударь Роверстан, приступайте немедленно, – попросил он. – И когда работа успешно завершится, обещаю, я лично поздравлю вас с дворянством, не считая денежной награды.

– Ваше величество! – Толстячок-архитектор приложил руки к груди и взволнованно заявил: – Величайшей радостью и честью для меня будет, что в Дорвенне снова зазвонят инструменты на большой стройке! Столько лет, столько лет! Я уже думал, уйду в Сады, не сделав ничего полезного для родного города! Частные заказы – это ведь совсем не тот размах!..

– Идите, – чуть улыбнулся Аластор, и Роверстан-старший торопливо собрал свои документы и выкатился из кабинета, как упругий кожаный мяч, набитый шерстью, – забава, недавно привезенная из Фраганы.

Едва дверь закрылась за ним, как в приемной послышались невнятные протесты мэтра Вильмона, и почти тут же дверь распахнулась снова.

– Монсиньор! Вы должны это услышать!

В кабинет влетел Лучано, таща за собой какого-то южанина, очумело озирающегося вокруг. Сам Лу при этом сиял новеньким флорином и вид имел довольный и гордый, словно Паскуда, притащивший особенно крупную крысу.

«Да что там крыса, тут речь не меньше, чем о фаршированной курице, – хмыкнул про себя Аластор, откидываясь на спинку кресла. – Ну и кто это? Смазливая физиономия, дворянская рапира, но сам потрепанный, как старые охотничьи сапоги. И камзол какой-то странный. Вроде бы на арлезийский манер, но вместо галунов отделан шнуром со множеством хитрых узлов. Моряк, что ли?»

– Монсиньор, милорд! – Лучано поклонился куда-то в пространство между Аластором и Аранвеном. – Позвольте вам представить благородного дона Мурилью, капитана «Алмазной донны». Дон Мурилья расскажет вам прелюбопытную историю! Взамен я обещал помочь ему в одном очень важном деле. Думаю, когда вы все услышите, то поймете, что я не мог поступить иначе.

– Благородный дон, вы уверены? – хмуро спросил арлезиец, недоверчиво поглядывая на Аластора и с настороженной опаской – на Аранвена. – Не знаю, кто эти достойные люди, но дело довольно секретное. Если бы я болтал о нем на каждом углу, мы с Клариче не добрались бы живыми даже до первой таверны!

– Но мне же вы доверились! – возразил Лу, и на обветренном лице арлезийского капитана проявилось нешуточное сомнение.

Не иначе начал об этом сожалеть!

«Монсиньор, значит? – хмыкнул про себя Аластор. – Интересно, зачем Лу скрывает от этого занятого дона, куда и к кому его привел? Что за розыгрыш он затеял?»

Арлезиец упрямо молчал, искоса поглядывая то на Аластора, то на Лучано, то на канцлера. Его явно терзали подозрения, и Аластор, пожалуй, их понимал. Компания на чужой несведущий взгляд подобралась дивно странная!

Лучано – несомненный итлиец в траурно простом и черном, но при этом дорогом камзоле, превосходно сидящем на его изящной фигуре. Лорд Аранвен – безупречное воплощение величия в снежно – белом одеянии, серебряноволосый и тонколицый, словно альв, какими их изображали на старинных картинах и гобеленах. И сам Аластор.

После смерти Беатрис он разом перестал носить нарядные камзолы, которые так ей на нем нравились. В самом деле, для кого теперь стараться? Нет, конечно, в отрепья или ветошь королю одеваться негоже, но Аластор велел привезти из поместья свою прежнюю одежду, привычную, скромную и надежную, как проверенная рапира или потертое, но удобное седло. Поэтому в кабинете он сидел в простых черных штанах, полотняной рубашке и темном суконном камзоле, не застегнутом ни на одну пуговицу, – топили в королевском крыле на совесть. Ну и никакой короны, разумеется. Где вы видели болвана, который по собственной воле будет постоянно носить эту тяжесть? Хотя реликвия Дорве сидела на голове как влитая, следовало отдать ей должное, все-таки витой железно-золотой обруч – то еще украшение.

– Видите ли, монсиньор, – вкрадчиво начал Лучано, зорко присматривая за арлезийцем, будто боялся, что тот сбежит. – Оказывается, в нашем прекрасном дворце имеется личность, которая продает гостям аудиенции. И даже не у короля, а у королевского кота!

И с многообещающим азартом блеснул глазами.

– У Флориморда, что ли? – поинтересовался Аластор, а потом до него дошло. – Хм, вот как? Ну и что?

– Да то, что я возмущен! – Лучано всем видом и голосом изобразил это возмущение, и рядом с Аластором раздалось тихое хмыканье канцлера. – Так опозорить благородное звание перед нашим гостем! Ах да, позвольте вам представить... лорда Логрейна!

– Логрейн? – Аластор дернул уголком рта, глядя в арлезийца, и уверенно заключил: – Не похож. Логрейна я только сегодня утром видел, и выглядел он совершенно иначе.

– Полагаю, это другой лорд Логрейн, – невозмутимо подсказал канцлер. – Новый, так сказать.

– Ах, новый? – Аластор сплел перед собой пальцы. – Что-то многовато Логрейнов развелось... Ну и что дальше?

– А то, что лорд Логрейн явился во дворец, чтобы просить справедливости у его величества! – торжественно заявил Лучано. – Ну же, синьор Каэтано, изложите ваше дело!

– Неизвестно кому? – буркнул арлезиец. – Простите, но я даже вашего имени не знаю, а этих людей впервые вижу, и представляться они не торопятся. Впрочем, как и вы.

Он посмотрел с каким-то усталым, почти отчаянным вызовом, и Аластор вздохнул. Шутка вышла недурной, но вряд ли Мурилья, он же Логрейн, оценит ее по достоинству.

– Извольте, – вздохнул он. – Вот это его светлость Ангус Аранвен, лорд-канцлер Дорвенанта.

– О!

Арлезиец мгновенно подобрался, приложил шляпу к груди и отвесил на удивление изысканный поклон – откуда только манеры взялись?!

– Этот шут, который вас привел, – продолжил Аластор, – зовется Лучано Фарелли, он же лорд Люциан Фарелл, именуемый также Итлийский Кот Короля. Подозреваю, именно с ним вас и обещали свести, но лорд Фарелл, насколько мне известно, за протекцию денег не берет. В том числе и через посредников.

– Посредников?! – обиженно отозвался Лучано. – Монсиньор, они мне даже доли не предложили! Я бы не взял, разумеется, но дело в непочтительности! Между прочим, у нас в гильдии за такое отправляли на дно Ромериньи с камнем на шее.

– Итлийский кот?! Но... – Капитан Мурилья, по воле насмешницы-судьбы ставший лордом Логрейном, в замешательстве оглянулся на Лу, который ему слегка поклонился. – А вы...

Аластор снова вздохнул и выдвинул нижний ящик стола. Достал корону Дорве и не глядя привычным движением водрузил ее себе на голову. Растерянное лицо арлезийца немало бы его позабавило – в другое время. Жаль, конечно, Лучано так старался!

Но как ему объяснить, что на смех нужно слишком много сил – гораздо больше, чем у Аластора есть сейчас. На работу их пока хватает, на то, чтобы утешить Алиенору с Береникой, тоже нашлись, и с сестрами Аластор расстался, успокоив их и внимательно выслушав нехитрые девчоночьи рассказы, как им нравится в особняке тетушки Джанет и дядюшки Себастьяна. В самом деле, раз Аластор им приходится братом, то его родители – дядей и тетей. Очень понятно и правильно для потерявшихся в этом жестоком мире детей, которым отчаянно нужны близкие люди. И сколько бы у него ни осталось душевных сил, девочкам он их даст полной мерой. А вот на шутки и проказы, как раньше, совсем не остается...

– Молодой человек, вы стоите перед его величеством Аластором, – ровно подсказал канцлер. – Королем Дорвенанта.

– Ваше величество!

Арлезиец упал на одно колено, по-прежнему прижимая шляпу к груди! При этом умудрился гордо выпрямиться и глянул Аластору в лицо с отчаянием, надеждой и какой-то испуганной радостью.

– Ваше величество! – повторил он. – Прошу справедливости!

Глава 4

Таверна «Белый гусь»

– Так это вы тот арлезийский пират и контрабандист, который украл казну Логрейнов, саму девицу, обоз дорогой ткани, а также медный котелок и четыре мотка кружев?

Аластор, внимательно выслушавший пылкий рассказ капитана, спросил это так невозмутимо, что на миг у Лу появилась надежда – вдруг все-таки шутит? И тут же развеялась – ну какие шутки с такими пасмурными глазами? Мурилья и вовсе ни на что не надеялся, он принял вопрос короля за чистую монету и возмущенно вскинулся:

– Ваше величество! Клянусь честью дворянина! Контрабандист – это верно. Пират... Признаюсь, всякое бывало, хотя крови попусту никогда не лил. Так, собирал кое-что с купцов – таможня и та больше дерет! Но котелки и кружево?! Да пусть меня повесят, если вру! Чтобы я, Каэтано Мурилья, капитан «Алмазной донны», замарался такой пошлой мелочью?!

«Вот это настоящий благородный синьор! – восхитился Лу. – Чистый, как дистиллированная вода, беспримесный. Прекрасный экземпляр! Ну же, Альс, оттай хоть немножко, хоть глазами блесни... Вон, даже у канцлера уголки губ чуть растянулись! А ты как неживой... Проклятье, что же я все-таки натворил!»

– В самом деле, ваше величество, – мягко подсказал Аранвен, – котелки и кружево – это относилось к мнимым преступлениям купца Донована, а обоз уже нашелся. Вполне ожидаемо обнаружился в отдаленном поместье Логрейнов.

«Ага, все-таки нашли! Значит, синьор Эмерик мне точно должен...»

– А казна? – так же равнодушно уточнил Аластор. – К ней вы тоже отношения не имеете, милорд?

– Клянусь чем угодно, ваше величество, – твердо ответил Мурилья, глядя ему прямо в глаза. Нешуточное достижение, кстати, в последнее время взгляд Альса мало кто мог выдержать. – Все, что мы взяли, покидая замок, это пару лошадей, немного еды и шкатулку с самыми дешевыми украшениями, чтобы продать в дороге. У донны Клариче все эти годы ни монетки собственной не было – ее дядя за этим очень строго следил! Да разве бы он подпустил ее или меня к казне? И как бы мы ее увезли?

«Что ж, звучит логично, алмазные серьги да изумрудные ожерелья на постоялом дворе не продашь, а вот какие-нибудь серебряные шпильки, простенькие колечки-цепочки – совсем другое дело. Ну и про казну Альс уж точно спрашивает не всерьез. Похоже, просто испытывает синьора капитана на прочность».

– Значит, умыкнули вы только девицу... – задумчиво протянул Аластор, и тут Каэтано впервые дрогнул взглядом, замялся и выдавил:

– Можно и так сказать, ваше величество.

– Я думаю, – осторожно подал голос Лучано, молясь всем богам, чтобы шутка удалась, – это благородная синьорина умыкнула доблестного синьора капитана. Случай в Дорвенанте не так чтобы редкий, вы и сами, монсиньор, знаете похожую девицу.

Получилось! Тяжелые тучи во взгляде Альса рассеялись, будто сквозь них просияло солнце, а уголки губ дрогнули еще не в улыбке, но точно в ее подобии. Семеро, благословите Айлин! Даже намек на нее лучше всякого лекарства!

Мурилья ожег Лучано взглядом и уже открыл рот, чтобы ляпнуть какую-то возвышенную дворянскую глупость, но Альс хмыкнул и едва заметно потянулся, сбрасывая напряжение с каменных плеч, а потом уронил:

– Что ж, в это я вполне поверю. Не смущайтесь, капитан, в подобном даже мне признаться не зазорно.

– О да, девицы семнадцати лет способны привести в изумление кого угодно, – поддержал его Аранвен. – Ваше величество, позвольте спросить, кому вы намерены поручить это дело?

На миг Аластор задумался, оглядел напряженно застывшего капитана, величественно невозмутимого канцлера, Лучано, который едва сдерживался, чтобы не начать просить, и решил:

– Пусть лорд Фарелл продолжает то, что так успешно начал. Насколько я понимаю, леди Логрейн следует забрать из таверны и перевезти в безопасное место, подходящее для благородной девицы. То есть дамы, если их брак законен...

Он с сомнением взглянул на капитана.

– Вполне законен, – то ли успокоил, то ли расстроил его канцлер. – Обстоятельства, конечно, странные, однако этот обычай существует со времен Дорве и пользуется большим уважением. Своим поступком леди Кларисса обеспечила капитану Мурилье так называемое божественное помилование, а брак в храме и при свидетелях это закрепил и подтвердил статус капитана. Теперь по законам Дорвенанта он полноправный лорд Логрейн, хотя главой рода остается леди Кларисса по праву крови.

– Отвратительный обычай, – буркнул Альс. – Это что же получается, любого преступника, осужденного на смерть, может спасти романтично настроенная дурочка? Я сейчас не про вашу жену, Мурилью, не сверкайте глазами. У меня в королевстве глупых девчонок не меньше, чем негодяев, а леди Кларисса показала очень дурной пример. Милорд Ангус, этот закон можно отменить?

– Не думаю, что стоит, ваше величество, – рассудительно ответил канцлер. – Понимаю ваши опасения, но юные особы не так уж часто решаются на подобное. Девушек из порядочного сословия останавливает осуждение общества, да и кто захочет связать судьбу с преступником? А девицы из простонародья, может, и хотели бы спасти своих дружков, но обычай требует от невесты целомудрия и незапятнанной репутации, а с этим там обычно сложно. Если вы понимаете, о чем я говорю...

Лу спрятал улыбку, глядя, как Альс коротко кивнул. О да, деревенские синьорины! Ясные глазки, свежие щечки, еще не согнувшийся от тяжелой работы и частых родов тонкий стан. И законы нравственности в деревне соблюдаются не так уж строго, а если девица пойдет к алтарю со слегка округлившимся передником – невелика беда, законный брак все прикроет. Зато муж точно будет уверен, что жена способна понести. Так что канцлер прав, редкая деревенская красotka способна заявить на осужденного право девицы!

– К тому же подобные браки обычно не остаются без присмотра со стороны закона, – дополнил канцлер и многозначительно поглядел на капитана. – Если леди Кларисса раскается в своем поступке и попросит его величество о разводе...

– То я последний, кто станет ей в этом препятствовать, – огрызнулся капитан и еще сильнее выпрямился, так и стоя на одном колене и надменно вскинув подбородок. – Донна Кларисса вольна в своих решениях, я прекрасно понимаю, что на этот брак ее толкнуло отчаяние.

«Надо же, какое благоразумие, – умилился Лучано. – А в глазах-то нешуточная тоска. Да, похоже, синьор капитан крепко сел на любовные рифы и спасал девчонку не ради награды. Ну или не только ради награды...»

– Тогда я вас не задерживаю, – вздохнул Альс и уткнулся в бумаги, явно позаимствовав этот жест у канцлера.

Вскочив, арлезийский капитан поклонился, прижимая шляпу к груди, и, не поворачиваясь, отступил к двери, снова выказывая отменные манеры. Лучано посмотрел ему вслед и негромко осведомился у канцлера:

– Грандсиньор, могу ли я рассчитывать на ваши бесценные советы в этом деле?

– Как только они вам понадобятся, милорд, – едва заметно кивнул Аранвен. – Пока что вы и сами вполне справляетесь, насколько я могу судить. Помните, что я говорил об удаче? Она явно вас любит.

– О да... – Лучано улыбнулся и тут же посерьезнел. – Но мне, грандсеньор, прекрасно известно, что удача – дама ветреная, чем больше на нее полагаешься, тем больше может быть разочарование. Когда кому-то постоянно везет, он привыкает считать себя неуязвимым, а это опасное заблуждение.

– Очень мудро понимать это в вашем возрасте, – улыбнулся уголками губ Аранвен, и Лучано, тоже поклонившись, вышел из кабинета, с болью глянув на Аластора.

Тот не отрывался от бумаг, но взгляд был устремлен в одну точку, не скользя по чернильным строкам.

Капитан Мурилья ожидал в коридоре, скрестив руки на груди, привалившись спиной к стене и поглядывая на гвардейский караул с той невыразимой смесью гордости и опасливости, которой обладают лишь коты и не слишком ладящие с властями дворяне.

Увидев Лучано, он встrepенулся и стремительно шагнул ему навстречу. Вспомнив шуточку, которую сыграл с арлезийцем, Лучано испытал недостойное желание сделать шагок назад, но Мурилья отвесил ему глубокий церемонный поклон, пылко заверив:

– Благородный дон, я ваш должник! И если могу чем-то отплатить за эту величайшую услугу, я в вашем распоряжении! Разумеется, как только сложу с себя обязательства перед донной Клариче!

И снова неуловимо помрачнел, как всякий раз, когда речь заходила об их браке.

– Ну что вы, сеньор, – заверил его Лучано в ответ. – Я был рад помочь. И, кстати, прошу прощения за этот маленький розыгрыш. Надеюсь, вы не в обиде?

– В обиде? – Брови арлезийца взлетели на лоб. – Нисколько! Разумеется, если бы я знал, что это король, не стал бы вести себя так вольно. Восхищен великодушием его величества! А теперь не могли бы мы...

– Поспешить за донной Клариче? – улыбаясь, угадал Лучано. – Кстати, почему вы зовете ее на итлийский манер? В Арлезе ведь тоже говорят «Кларисса», м?

Он обменялся с караулом дружеским кивком и повел Мурилью к выходу из дворца.

– Ах, это... – почему-то вдруг смутился капитан. – Право, сущие пустяки... В море иногда сходишь с ума от скуки, вот я и забрал у кока книжку, из которой он крутил сигарильи с дурманной травкой... Оказалось, это был роман про девицу по имени Клариче. И когда я увидел донью Логрейн в этом ее белом платье... Как-то само собой к слову пришлось... Не берите в голову, в общем, просто шутка.

И окончательно сконфузился, даже, кажется, слегка покраснел.

– Понимаю, – серьезно поддакнул Лучано, про себя покатываясь со смеху.

Действительно, как же бравому моряку признаться, что зачитался куртуазнейшим романом о разлученных влюбленных?! «Прекрасная Клариче», любимое чтение старых дев и юных восторженных сеньорин. Возвышенный слог, описания душевных мук и радостей, героиня, которая в белоснежном платье встречала рассвет, каждую ночь тоскуя о женихе... Ох и нежная душа у сеньора контрабандиста, прямо удивительно!

За разговором они вышли в тот же самый холл первого этажа, и Лучано невольно подумал, что место удивительно богатое на удачные встречи. Здесь он второй раз увидел Эмерика Донована, здесь убил Фредо, а теперь вот и капитан Мурилья стал его личным уловом. Кстати, а вот и еще один полезнейший человек!

– О, Лионель! Вы удивительно кстати! Впрочем, как всегда! Познакомьтесь, господа. Это дон Каэтано Мурилья, капитан из Арлезы. Лорд Лионель Саграсс, маг-боевик на службе его величества.

Благородные синьоры, встретившиеся посреди холла, внимательно друг друга оглядели. Саграсс щелкнул каблуками, отвесив четкий и резкий армейский поклон, Мурилья описал широкий замысловатый круг шляпой, которую держал, и поклонился, положив свободную руку на пояс. А Лучано почему-то представилось, как принимают друг к другу домашний сторожевой пес и матерый бродячий кот, гроза окрестных помоек. Вот и взгляды точь-в-точь такие, один смотрит настороженно, не зная, чего ожидать, второй ждет команды... Ну что за прелесть эти дворяне! И почему ему раньше казалось, что они все одинаковые?!

– Фарелл! – раздался радостный возглас, и Лучано изумился. В самом деле, заколдованное место какое-то! Словно здесь его в засаде поджидает половина Дорвенны! – Рад видеть вас в добром здравии. Жаль, нам так и не удалось поговорить тогда.

– О, мне тоже жаль, грандсиньор, – улыбнулся Лучано молодому некроманту. – Простите, я должен был поблагодарить вас, но...

– Да бросьте, вам было не до того, – великодушно махнул тот рукой и с любопытством уставился на спутников Лучано. – Саграсс, доброго дня. Милорд...

– Милорд Логрейн, – представил Лучано нетерпеливо переминающегося с ноги на ногу арлезийца. – А это младший лорд Эддерли.

– Лорд Логрейн? – переспросил тот, пристально всмотрелся в капитана и расплылся в дурашливой улыбке, способной обмануть кого угодно, кроме Лучано, слишком недавно узнавшего, какие за ней прячутся клыки. – Так это за вас кузина Клари скоропостижно вышла замуж? Какое сча... то есть мое сердце разбито!

– Кузина Клари? – нахмурился капитан.

– Ваша кузина? – удивился Лучано.

– О, милорды, вам, южанам, простительно не знать, но все Три Дюжины друг другу родня, – продолжал улыбаться Эддерли. – Мой двоюродный дедушка был женат на сестре лорда Логрейна. Не вашей, разумеется, милорд, – обратился он к опешившему капитану, – а того Логрейна, что погиб на войне, отца Клари. С этим родством вечно такая путаница, что я предпочитаю звать Клари попросту кузиной. Мы давно не виделись, а тут эта история... Она в столице? Могу я ее увидеть?

– Мы как раз намереемся забрать грандсиньору из траттории, где они с мужем остановились, – вежливо сообщил Лучано, краем глаза косясь на стремительно мрачающегося капитана. – Если вы не против проехаться верхом туда и обратно...

В самом деле, не упускать же такой фонтан сведений обо всем, что происходит во дворце! И, главное, щедро расположенный ими делиться! Саграсс и его знания бесценны, но Три Дюжины – это такой гадючий клубок, про который лучше осведомляться у одной из гадюк, пусть юной, но уже вполне зубастой.

– Верхом? – изумился молодой некромант. – А как же моя кузина? На улице ветрено и сыро, неужели вы заставите леди мерзнуть на лошади? Ей нужен экипаж!

– Донна Кларице превосходно ездит верхом, – процедил арлезиец и тут же нехотя добавил: – Хотя мысль насчет экипажа превосходна. Право, если бы это можно было устроить...

– Легче легкого! – торжествующе заявил Саймон. – Я сопровождал во дворец мою матушку, мы приехали в экипаже. Уверяю вас, когда она узнает, для чего понадобилась карета, будет счастлива ее одолжить! Эй, мальчик! – Он щелкнул пальцами, подзывая пажа. – Бегом в лазарет, дождись леди Эддерли, которая беседует с лейб-лекарем, и скажи, что ее сын почтительно просит миледи матушку либо дождаться его во дворце, либо уехать домой в одной из дворцовых карет.

Он бросил пажу монетку, и тот, ловко поймав ее на лету, умчался выполнять поручение.

– Вы полагаете, это удобно? – усомнился Лучано больше для вида. – Мы тоже могли бы взять дворцовую карету.

– Я полагаю, моей кухне и... ее супругу нет никакой нужды останавливаться где-то еще, кроме нашего дома, – хмыкнул Саймон. – Будет гораздо удобнее поехать прямо туда. Вы же не против, милорд? – обратился он к арлезийцу. – Надо же, новый лорд Логрейн! Не могу дождаться, когда увижу лицо прежнего. Ну и мерзавец! Если бы моя семья знала, что Клари нужна помощь!..

Он решительно зашагал к выходу, вынуждая остальных следовать за собой.

– В самом деле, грандсиньор, вы разве не общались? – с любопытством спросил Лучано.

– О, если бы! – Саймон махнул рукой с явной досадой. – Извольте себе представить, когда Логрейн-старший погиб на войне, а брат Клари и ее мать стали жертвой разбойников, мои родители подали прошение, чтобы их назначили опекунами Клари в обход ее дядюшки. Он вдовец, а в доме без леди юной девице жить не пристало. Притом наша семья отлично ладила со старшей ветвью Логрейнов, и матушка любит Клари. Но его величество Малкольм отказал, уж не знаю почему. Ничего не хочу сказать дурного о покойном короле, – сообщил Саймон ханжеским тоном, ясно дающим понять его истинное мнение, – но он тогда не слишком интересовался делами. Пршение лорда Логрейна об опекунстве удовлетворил, не вникая в детали, а детям лорда Ревенгара, потерявшим отца вскоре после войны, и вовсе опекуна не назначил! Благо Айлин уже поступила в Академию, а ее брата с разрешения канцлера взял под опеку лорд Кастельмаро. Ну, это дело прошлое, милорды... – Ясноглазый и улыбчивый молодой человек на глазах помрачнел и продолжил с обидой: – А Логрейн-младший, став опекуном Клари, недвусмысленно дал понять, что в их доме мы нежеланные гости! Конечно, к праздникам Клари присылала нам поздравления и подарки, но было ясно, что это чистая формальность. Матушка осведомлялась о ней через кухню из рода Сазерлендов и других знакомых, но все сходились на том, что Клари живет в полном благополучии. Знаете, никаких ужасов, как в сказках про бедных сироток! У нее есть учителя, ее содержат и воспитывают, как положено леди, ну а что прежних знакомых дядюшка к ней не допускает, так это, увы, право опекуна – решать, с кем видаться и переписываться его воспитаннице. В общем, мы решили подождать совершеннолетия Клари и увидаться с ней в столице, а тут Разлом...

– Брат и мать стали жертвой разбойников, – повторил Лучано вслух. – Очень загадочная история, вы не находите, синьоры?

– Отвратительная история, – буркнул арлезиец. – Клари же до сих пор в глубоком горе. И если вы спросите мое мнение, благородные доны, из этой истории торчат шакальи уши ее дядюшки!

– Разберемся, – пообещал Лучано. – Вот это ваша карета, грандсиньор?

Он кивнул на роскошный синий экипаж с гербовой золотистой совой на дверце.

– Она самая, – весело подтвердил Эддерли. – На обратном пути будет тесновато, но мы с Саграссом можем проехать верхом. Что скажете, Лионель, уступим карету даме и уроженцам юга?

– Прекрасная мысль, Саймон, – кивнул боевик.

С молодым некромантом Саграсс держался гораздо свободнее, чем с другими дворянами из Трех Дюжин. Ах да, они же вместе сражались за Академию, а потом так же вместе лежали в лазарете, где Саймон ухаживал за прекрасной синьориной Иоландой. Которая, кстати, предпочла ему Лионеля. Мало что сблизает так же верно, как общая драка и соперничество, не ставшее враждой. Дружбой это, пожалуй, пока не назвать, но со временем – кто знает?

– И не подумаю отказаться, – заявил Лучано вслух, забираясь в карету.

Грум в сине-золотой ливрее прыгнул на запятки, привязав к специальным крючкам поводья пары лошадей, и Лучано напомнил себе, что нужно избавиться от солового жеребца, который так и скучает в столичном особняке. Лионелю, что ли, подарить? Так не возьмет же! Хотя можно чуть слукавить и проиграть ему коня в карты. Помнится, Альс как раз это советовал. Решено! Вот разберутся с этим дурно пахнущим делом...

Копыта мерно стучали по мостовой, которая с каждым поворотом становилась все хуже – похоже, траттория «Белый гусь», где остановились беглецы, располагалась на самой границе северной окраины, а то и дальше.

– Так вы уже давно не видели кузину? – осторожно поинтересовался арлезиец у Саймона. – Мне показалось, вы сказали про разбитое сердце?..

– Родители собирались нас обручить, – беззаботно признался тот. – В этом поколении родство достаточно дальнее, да и разница в возрасте подходящая! Последний раз мы виделись, когда Клари было десять, а мне – четырнадцать. Она едва не пристрелила меня из игрушечного арбалета, а потом за обедом слопала мое пирожное вместе со своим. Собственно, тогда я и понял, что жениться предпочту на ком-нибудь другом.

– Неужели боитесь остаться без пирожных? – фыркнул капитан.

– Еще как! – очень серьезно заявил Эддерли. – Никогда не встречал девицу, способную опустошить вазу с конфетами быстрее меня, а потом ускакать на пони, размахивая арбалетом в одной руке и саблей старшего брата – в другой. Если Клари в десять проявляла такие таланты, страшно представить, какова она сейчас! Ну и какие у нас родились бы дети?!

«Очень похожие на Перлюрена, – усмехнулся про себя Лучано. – К счастью, он хотя бы арбалетом и саблей не владеет».

– Так что можете не беспокоиться на мой счет, – снова проявил Саймон редкую пронырливость. – Кузина Клари мне дорога исключительно как родственница! Притом я всей душой чту супружеские узы, а в Дорвенне и без кузины множество прекрасных и совершенно свободных дам.

Арлезиец неопределенно хмыкнул, и в карете наступила тишина. Пристойные чистые дома за окнами сменились приземистыми и никогда не знавшими краски, с крышами из дранки вместо черепицы и крошечными окошками. Вместо цветников их дворы окружали кучи мусора, а дорога превратилась в сплошные выбоины. Вскоре впереди показалась траттория с облезлой вывеской, на которой едва-едва виднелись очертания гуся, но не белого, как обещало название, а посеребрившего и такого же жалкого, как все вокруг. Лучано с сочувствием посмотрел на капитана, который смущенно уставился в окно, и подобрал беднягу:

– Вы проявили похвальную осторожность, остановившись в таком неприметном месте. Грандсеньор Логрейн – королевский прокурор, у него наверняка есть люди в городской страже, которые приглядывали за тратториями получше. Но здесь не слишком любят стражников, я полагаю.

– Вы... так думаете, благородный дон? – дрогнувшим голосом уточнил капитан, покосившись на него.

– Уверен! – подтвердил Лучано. – Очень, очень осмотрительно!

В уме и деликатности Саграсса он и так не сомневался, боевик наверняка сам оценил потрепанный вид арлезийца, говорящий о пустом кошельке. Но Саймон Эддерли, к его удивлению, тоже промолчал, хотя глядел в свое окно, едва сдерживая гримасу брезгливости. Капитан еще раз глянул на Лучано и молча кивнул с признательным блеском в глазах.

И все-таки до самой траттории они не доехали, карета намертво увязла в очередной яме с жидкой грязью, погрузившись туда по самые ступицы высоких колес.

– Придется пешком, – сделал вывод Саймон, выглянув из дверцы. – Но сначала я эту грязь подморожу.

Прошептав что-то неразборчивое, он скрутил пальцы обеих рук в сложную фигуру, затем расплел их, встряхнул, и через несколько мгновений грязь вокруг кареты подернулась изморозью, а потом и вовсе заледенела. Лучано зябко передернулся от этого напоминания о близкой зиме, но выбрался из экипажа вместе с остальными и через несколько шагов оказался на сравнительно сухой земле.

– Оставим кучера и грума здесь, – предложил неунывающий некромант. – До таверны рукой подать, а они пока вытащат карету из грязи.

Из ближайших домов тем временем показались люди, одетые в лохмотья, каких Лучано в Вероккье не видел даже на мусорщиках.

– Как бы нам не остаться вовсе без кареты, благородные синьоры, – промолвил он, и Саграсс кивнул.

– Это здесь легко, – уронил он. – Но с дворянами окраинная шваль все-таки побоится связываться. А с магами – тем более.

На глазах у осторожно подобранных к экипажу местных жителей он щелкнул пальцами – и сорвавшийся с них огненный шарик влетел в ближайший забор. Сырые от недавнего дождя доски задымелись... Так же спокойно Саграсс достал из кармана серебряный флорин, швырнул под ноги тому, кто был одет чуть получше остальных, и велел:

– Карету вытащить из лужи и откатить назад. Сделаете – дам еще флорин, когда вернемся. Но если хоть одна бляшка с упряжи пропадет, спалю тут все к барготовой матери, а милорд некромант вас еще и проклянет вдогонку.

– Обязательно прокляну, – с ленивой уверенностью пообещал Саймон и поднял руку вверх – вокруг его пальцев заструился черно-зеленый дым самого зловещего вида.

– Не извольте беспокоиться, вашсветлости! – выкрикнул получивший деньги голодранец и первым кинулся к экипажу. – Сделаем в лучшем виде!

– Пожалуй, за карету я спокоен, – признался Лучано. – Ну что ж, синьор Мурилья, ведите!

Трактир, который он по итлийской привычке именовал тратторией, встретил гостей такой же грязью, через которую было переброшено подобие мостика из хвороста, и ужасающим зловонием. Устройством уборной здесь никто не озадачился, и содержимое ночных горшков лили попросту под забор. Туда же сбрасывали лошадиный навоз, печную золу, куриные перья, крупные кости и что-то еще, к чему Лучано предпочел не приглядываться. Ему хватило запаха, который разом превратил чувствительное обоняние в источник пытки. Про себя он недобрым словом помянул грандсиньора Логрейна-старшего, по чьей милости пришлось ехать в такую дыру, достал носовой платок, прижал его к лицу и... не сразу понял, что тень, метнувшаяся из-за сарая, принадлежит человеку. Слишком быстрая и какая-то смазанная, она мелькнула в трех шагах, потом у самого крыльца трактира – и рухнула на его ступени вполне обычным телом, одетым небогато, но добротнo, а для этого района даже роскошно. Лучано взгляделся в незнакомца – коротко стриженные волосы, длинный тонкий нос, щеголеватые тонкие усики...

Саграсс опустил руку и как-то сдавленно хмыкнул, то ли смущенно, то ли неуверенно.

– Кровь Барготова! – изумленно выдохнул арлезиец. – Кто это? И... зачем вы его?!

– Рука сама дернулась, – буркнул боевик. – Три раза эту тварь прихватывал на горячем, и все три раза он как-то выкручивался. Извольте познакомиться, мэтр Колин Баус по прозвищу Крыса, большой умелец всяких грязных дел. Кстати, ваш коллега, милорд Эддерли.

– Некромант? – поразился Саймон. – Но что он здесь...

Не сговариваясь, они вчетвером посмотрели наверх, на слепые окна трактира, плотно прикрытые ставнями от холода и ветра.

– Похоже, стоял на страже, – очень спокойно сказал Лучано.

Точнее, уже Фортунато.

Глава 5

Охота на крыс

– Клариче... – прошептал арлезиец. – Она там! Если...

– Если там засада, нельзя ломиться в открытую, – мягко возразил Лучано. – Спокойнее, синьор, мы ведь не хотим, чтобы дама пострадала.

Капитан уже всем телом качнулся к двери трактира, но при этих словах остановился, словно кто-то рванул его за плечи назад.

– Вы правы, – признал он с мгновенно прорезавшимся арлезийским акцентом. – Не время идти на абордаж. Но что еще мы можем?!

Валявшийся у их ног Баус тихо застонал и попытался приподняться, его руки бессильно скребли по стылой земле. Саграсс придавил правую кисть некроманта сапогом, наклонился и сдернул с его пальца орденский перстень с аметистом, не таким крупным и чистым, как у покойного Денвера, но все же недурным. Убрал ногу, рывком перевернул Бауса на спину, вlepил ему пару звонких пощечин и очень убедительно пообещал:

– Будешь придуриваться, арестом и штрафом не отделаешься. Я сегодня не в патруле и давно мечтаю тебе что-нибудь оторвать. На кого работаешь, Крыса? Сколько человек внутри, какой у тебя приказ?

Некромант открыл мутно-серые глаза, с трудом сосредоточился на лице боевика и выдохнул:

– Сдохни, тварь!

Его рука, лишенная перстня, дрогнула, пальцы скрючило и повело...

Прозрачная пленка мгновенно возникла перед лицом Лучано сразу с двух сторон – от Лионеля и Саймона. Окружила его и Мурилью почти невидимым щитом, растянувшись на всех четверых.

Не успел Лучано испугаться, как Саймон, с интересом наблюдавший за происходящим, радостно заявил:

– А вот так выглядит проклятие «гнилой воды», которое пытаются бросить без перстня. Если вам интересно, оно за несколько мгновений превращает кровь человека в жидкую грязь. Будь это лорд Бастельеро, нам бы стоило переживать. Но поскольку это всего лишь какая-то крыса, я сейчас попрошу вас, милорды Фарелл и Саграсс, отвернуться – вы же все-таки представители королевской власти. А капитан, я надеюсь, возражать не станет. И мы с мэтром Баусом проверим, сколько витков «алой лозы» способен выдержать человек, прежде чем сойти с ума от боли. Я лично ставлю на то, что мэтр нам все выложит после второго. Но с «лозой» всегда есть опасность не рассчитать и нечаянно наложить еще дюжину витков сверху. Правда, мэтр Баус? Но знаете, коллегу, который пытается использовать «гнилую воду», не очень-то и жалко. Сдохнете в муках – туда вам и дорога.

Выглядел он при этом так безмятежно и весело, что от сочетания слов и тона, которыми они были сказаны, по спине бежали мурашки. Вот любопытно, Айлин, с которой он был милым, как любящий братик, хоть раз видела его таким? И если у очаровательного синьора Саймона столь темная потайная сторона, что скрывается в ледяной глубине синьора Дарры?

– Я отвернусь, – пообещал Лучано. – И лорд Саграсс – тоже, если понадобится.

– Там моя жена, – уронил арлезиец. – Если ваша «лоза» не сработает, благородный дон, я нарежу этого человека ломтиками и начну с того, что у него в штанах. Никогда не любил крыс, я же все-таки моряк.

– Пятеро, – прохрипел Баус, по очереди переводя тревожный взгляд на каждого из них. – Там пятеро из шайки Роба Вертела. Меня позвали караулить и ждать южанина. Этого, – кивнул

он на Мурилью. – Дали описание... Как будто не все южане одинаковые, ха! – Он попытался улыбнуться. – Что один, что другой...

«Перепутать арлезийца с итлийцем или фраганцем? – хмыкнул про себя Лучано. – На это способны только в Дорвенанте!»

– Кто их нанял и зачем? – Голос боевика источал холодное терпение. – Они профаны или маги?

– А я знаю, кто их нанял? – огрызнулся синьор Крыса. – Он же не с нами, а с Робом договаривался! Нам сказали ждать южанина, а пока приглядывать за девкой. Ну, мы ее схватили, заперли в спальне. Рикош ее малость потискал, так девка ему чуть горло не перегрызла...

Арлезиец зарычал. Тихим горловым звуком, который вмиг напомнил Лучано другого благородного дона – серого, полосатого, с клыками и когтями. И тоже умеющего управляться с крысами.

– Маги или профаны? – повторил Саграсс. – Баус, если соврешь, я тебя Ордену сдавать не стану, прямо здесь глотку перережу. А лорд Эддерли попрактикуется в поднятии трупов.

– Подниму и опять упокою, – бодро пообещал Саймон, то ли подыгрывая боевику, то ли совершенно всерьез – Лучано не поручился бы ни за то, ни за другое. – И так раз дюжину! А потом отвезу первокурсникам на опыты. И станете вы, Баус, новым штатным умертвием, пока совсем не рассыплетесь. Знаете, во что вы вляпались? В похищение девицы из Трех Дюжин. Так что если вам просто горло перережут, считайте это милостью. В службе канцлера отменные палачи.

– Я не знал! – придушенно взвизгнул Крыса. – Нам сказали – это просто девка! Пиратская подстилка!

И снова Лучано услышал нутряной тяжелый рык со стороны арлезийца. Потом Каэтано Мурилья сделал шаг вперед, и его лицо оказалось убедительнее, чем все, сказанное до этого. Баус поперхнулся и зачастил:

– Трое! Трое профанов и два мага! Один боевик – не наш, из Фраганы, зовут месьор Жак. И стихийник, чтобы портал потом поставить и девку заказчику отправить. Я все расскажу, только обещайте, что... – Он попытался отползти от нависшего над ним арлезийца и снова вскрикнул: – Да уберите вы его! Обещайте, что сдадите Ордену! Милорд Саграсс, вы же сами маг! Милорд Эддерли! Прошу! Я честный член гильдии, всегда платил взносы, чту вашего батюшку... Обещайте! А я все-все! И на суде, если нужно! Кто их нанял – я не знаю. Он с Робом Вертелом договаривался. А Роб нашел этого фраганца и меня на дело подрядил. Сказал, что как девку в портал закинут, а южанина убьют, я должен всех проклятием положить. Фраганец тот еще угорь, увертливый, хитрый, хоть и боевик. У него щитовой артефакт от проклятий, даже я пробить не смогу. Поэтому Роб велел Рикошу фраганца после дела ножом ткнуть. А мне, значит, убрать Рикоша и остальных. Видно, девка очень дорого стоит...

– А кому он велел потом убрать тебя? – бесстрастно поинтересовался Саграсс. – Не думал об этом, Баус?

– Что я, совсем дурень безмозглый? – искренне возмущился некромант. – Думал, конечно! Мы с Рикошем сговорились всех в Сады отправить, как Роб велел! А потом в Итлию вдвоем дернуть! Там, говорят, ценят умелых людей!

На миг Лучано стало смешно. Вот это вот ничтожество решило, что сможет перейти дорогу Шипам, отбивая клиентов у гильдии?! А потом он вспомнил скрюченные пальцы и невидимую смерть, от которой его прикрыли Саграсс и Эддерли. «Гнилая вода», так? И смеяться резко расхотелось. Но какая дивная банка с пауками! Словно домой вернулся! Беллissimo!

– Кто такой этот Вертел? – спросил он тихонько, но Лионель тут же отозвался:

– Ночной король Дорвенанта. Да простит меня его величество Аластор за такое оскорбление королевского титула. У нас в Дорвенанте, милорд, нет ни гильдии наемных убийц, как

в Иглии, ни бретерской гильдии, как во Фрагане, ни общества вольных контрабандистов, как в Арлезе. Так, просто преступная шайка, которая именует себя ночными братьями, а своих вожаков – ночными лордами. Ну и король у них имеется, само собой. Этот самый Роб Вертел. По слухам, получил свой титул, вертелом заколов прежнего вожака.

– Боевик и стихийник, – задумчиво сказал Эддерли. – Неприятно. Если у них опытный маг, знающий координаты этой помойки, ему поставить портал – как мне уморить крысу. В смысле – настоящую! Откроет портал, нырнет в него с кухней Клари, и – сами понимаете!

– Я могу его выманить, – торопливо предложил Баус, пытаясь преданно заглянуть в глаза то Саграссу, то Саймону. Лучано он всерьез не принимал, похоже, а на синьора капитана старался не смотреть. – Позову из комнаты подальше от девицы, там вы его и возьмете! А хотите – параличом всех накрою? Только на фраганца не подействует, но он же один останется...

– Что, Баус, жить хочешь? – усмехнулся Саграсс уголками губ.

– Вообще-то, параличом и я могу всех накрыть, – обиженно вмешался Саймон. – Причем ничуть не хуже этого мерзавца, а то и получше. Спорим, даже фраганцу щит пробью?

– Артефактный щит? – усомнился Саграсс. – При всем уважении, милорд, позвольте усомниться. Впрочем, боевик – моя забота. Портальщик опаснее, если у него есть ключ, нужно действовать очень быстро. Или в самом деле выманить его подальше от леди. Что скажете, милорд? – обратился он к Лучано. – Вам решать.

Лучано оглядел невозмутимого Лионеля, похожего на смазанный, собранный и взведенный арбалет – лишь тронь спусковой крючок. Саймона, азартно сверкающего глазами, – сын магистра рвется в бой, как молодой охотничий пес с поводка, только что не повизгивает от нетерпения. И капитана, мрачного, напряженного, с холодным уверенным взглядом, в глубине которого тлеет пламя гнева. Четверо на пятерых, но магов поровну. У синьора Саймона вряд ли много опыта в настоящей драке, зато у Саграсса – вдоволь. Да и капитан вряд ли станет бестолково путаться под ногами. Что ж, не самый худший расклад. Только вот пленник...

Можно ли положиться на его желание выслужиться? По законам Дорвенанта Баусу светит либо казнь, либо пожизненная каторга, так что терять ему нечего. И плоха та крыса, у которой нет запасной норы для побега.

А еще Лучано очень смущала парочка мелочей, которые могли не значить ничего, а могли – очень много. Что поделат, крысам он тоже не доверял, поддерживая в этом синьора капитана. Как ни крути, коту с крысами не по пути. А Баус очень уж путался в обещаниях и признаниях.

– Когда вас должны сменить? – спросил он, с беспокойством поглядывая на слепые окна трактира.

Слишком долгие разговоры не к добру, но что поделат? Даже уличные певцы должны сыграть заранее, а у него в подручных три виртуоза, но каждый знает лишь свою партию.

– Да как скажу, так и сменят, – угодливо улыбнулся некромант. – На улице сыро, как в болоте, никто не удивится, что я решил шамьета попить. Но стихийник на смену не выйдет, ему велено рядом с девицей быть. Могу его просто в коридор позвать – мало ли о чем два мага поговорить решили?

И снова улыбнулся так заискивающе, что Лучано даже через жуткую трактирную вонь почувствовал страх, словно Баус источал его вокруг себя.

– Хорошо, – кивнул он, не уточняя, к чему это относится. – Здесь еще есть постояльцы?

– Были какие-то, – замаялся некромант. – Мы их выгнали, зачем лишние глаза и уши?

– А что вы должны были сделать, когда вернется южанин? – Лучано вкрадчиво улыбнулся, наблюдая, как Баус растерянно хлопает ресницами. – Какой сигнал подать?

– Сигнал? Да никакого сигнала, м-милорд! – Похоже, до Крысы дошло, кто здесь главный. Он опасливо покосился на капитана и признался: – Мы его даже в трактир пускать не собирались – к чему? Я бы его прямо во дворе проклятием и приложил...

Проклятием? Что ж ты тогда рванул обратно в трактир, м? Испугался Саграсса? Может быть. Но через несколько мгновений попытался убить его проклятием, даже лишившись перстня. Потому что крыса труслива, пока ее не загонишь в угол, а тогда уж она кидается с отчаянной смелостью, не разбирая размеров и силы врага. Кто бы ни дал мэтру Баусу прозвище, мудрый был человек.

– Капитан, куда выходят окна вашей комнаты? – не оборачиваясь, спросил он, и арлезиец мгновенно ответил:

– Во двор. Сюда, на вход, окна смотрят у хозяина. Там и комнат всего три, одну заняли мы, еще в одной жил какой-то ремесленник, а одна пустовала. Наша как раз посередине оказалась.

– Беллissimo, – улыбнулся Лу и точным ударом носка сапога в висок отправил Крысу в беспамятство. – Лионель, помогите занести его в дом.

– Давайте я! – вскинулся капитан, и они с боевиком легко затащили Бауса в крошечную темную прихожую, свалив у стены.

Саграсс тут же взмахнул рукой, и комнатку окутала серебристая дымка – защита от подслушивания. Ну что за помощник ему достался! Прелесь, м?

Оглядевшись, Мурилья заткнул некроманту рот какой-то тряпкой, извлек из недр камзола обрывок шнура и мгновенно опутал им запястья Крысы, затянув хитроумную петлю заодно и на горле. Ну да, чтоб у моряка не нашлось веревки?! Лучано, который тоже знал этот узел, молча одобрил. Ни крикнуть, ни шевельнуться Баус не сможет, вот и славно.

– Думаете, он хотел нас обмануть и предупредить своих? – на удивление рассудительно спросил Саймон, заходя в прихожую последним. – А вдруг не врал?

– Может, и не врал, – пожал плечами Лучано. – Но жизнь вашей кухни я бы на это не поставил. Вы и правда сможете сделать паралич? Хотя бы на мага с порталом.

– Накрою всех, – самодовольно заверил Саймон. – Боевика если не уложу, то замедлю точно. Паралич – очень надежное заклятие! И бросить его можно прямо из-за двери!

– Тогда пойдете первым, – кивнул Лучано. – Кидайте заклятие – и в сторону. Стойте в коридоре и следите, чтобы никто не сбежал. Лионель, за вами дверь, потом фраганец и порталщик. Дон Мурилья, ваше дело – жена! Хватайте ее в охапку и несите в коридор. А если внутри начнется заваруха, не рискуйте, забейтесь в угол и прикройте даму собой. Профанов оставьте мне, слышите?

– Слышу, – недовольно буркнул арлезиец. – Не беспокойтесь, на чужом корабле абордажем командовать не стану. Но если что-то пойдет не так?

– Уводите жену, – повторил Лучано и оглядел свой маленький отряд.

Обычное оружие только у Лионеля – рапира, положенная к мундиру. Эддерли, кажется, ее вообще не носит, как и сам Лучано, а капитан если и был при шпаге, то на входе во дворец ее сдал и не успел забрать. Но это ничего, внутри все равно такая теснота, что длинные рапиры только помешали бы.

Словно отвечая на его мысли, оба мага характерным движением размяли пальцы, словно собираясь играть на лютне или гитаре. Красный и фиолетовый перстень в полутьме зажглись крошечными цветными искрами. А потом Саграсс отстегнул свою рапиру и протянул ее Лучано, пояснив:

– Мне все равно свободные руки нужны.

– Мне тоже, – улыбнулся Лучано. – Синьор капитан, хотите взять?

– Благослови вас Пресветлый Воин, – выдохнул арлезиец, хватая оружие и с удивлением глядя на Лучано, который вытащил один метательный нож из-за манжета, второй – из-за отворота камзола. – Да вы полны сюрпризов, благородный дон.

– Если все пойдет как надо, драться нам не придется, – пожал плечами Лучано. – Хотя рассчитывать на это не стоит. Саймон, сколько вам нужно пройти?

– Пяти шагов до двери хватит, – заверил некромант. – Ну, с Претемнейшей!

Азартно блеснул глазами, бесшумно приоткрыл дверь и рванул к трем дверям в конце недлинного коридора. Шаг, второй, третий...

Лучано отсчитывал их так же мерно и спокойно, как удары сердца. Рядом напряженным отражением друг друга застыли Лионель и Мурилья. Один – светловолосый, прямой, как рапира, резкий и четкий, второй – темный и смуглый, чуть пригнувшийся, как кот перед прыжком, готовый сорваться в гибкий длинный бросок.

Саймон пробежал половину коридора. Сердце стукнуло еще дважды, и, когда до средней двери оставались те самые пять шагов, некромант взмахнул рукой, словно что-то швырял. Лионель тут же метнулся за ним. Для гвардо он бежал совсем неплохо, даже отлично бежал! Оно и понятно, тайная служба Ордена – это все-таки не совсем армия. И невидимый Молот Пресветлого в его руках Лучано разглядел даже со спины, синьорина бросала любимое заклятие боевиков таким взмахом с разворота. Он почти увидел, как тяжелый упругий сгусток силы влетел в дверь, от которой в сторону отпрыгнул Эддерли. Мгновенная вспышка – и сорванная с петель дверь влетела в комнату.

– Наш черед! – выдохнул Лучано, и они с капитаном тоже рванули вперед.

Двенадцать шагов! Сердце ликующе пело в ритме престо, и Лучано успел насладиться этим дивным чувством, пока ноги несли его к цели. На последних шагах он пропустил вперед Мурилью и остановился в дверном проеме, разом окидывая взглядом комнату, полную людей.

Лионель с тем же спокойно сосредоточенным лицом замер в углу – у его ног два тела. Разбросанные вокруг яркие карты, несколько монет – синьоры изволили коротать время за игрой, тут их и застал паралич. Еще двое у другой стены, один привалился к ней, сжимая чашку шамьета, второй развалился на кровати, поза странная и неестественная, словно оцепенение застало его посреди движения. На лицах живы только глаза – яркие, полные ужаса и ненависти. Но где пятый? И где Кларисса?!

Беллissimo, у окна Каэтано что-то тревожно, ласково и виновато бормотал, кутая в свой камзол молоденькую синьорину. Бедная куколка, она ведь тоже не может пошевелиться.

– Все хорошо, Клариче, – почти стонал арлезиец, подхватывая девушку на руки. – Все кончилось, ма донна! Прости, я не знал... не должен был... не мог...

Отчаявшись что-то объяснить, он вынес ее в коридор, и Лучано услышал, как капитан требует от Саймона немедленно снять заклятие. Лионель тем временем сорвал с человека, лежащего у его ног, перстень, взгляделся в лицо, повернув к свету, и радостно-изумленно выдохнул:

– Жак! Ах ты, тварь! Я до последнего не верил! Надеялся, что это ты, но чтобы две таких удачи в один день?!

– Старый знакомый? – поинтересовался Лучано, обходя выбитую дверь. – Я смотрю, вам и вправду сегодня везет. Кстати, где пятый?

– Вы на него наступили, – сообщил Саймон, заглядывая в проем. – Вон он, под дверью! Между прочим, этот пятый – некромант! С удовольствием послушаю, как мэтр Баус будет объяснять свою забывчивость.

«А вот и козырь в рукаве, – усмехнулся Лучано про себя. – Крыса все-таки приберег его на крайний случай. Должно быть, тот самый Рикош, с которым они сговорились бежать в Итлию. И если бы Крыса смог подать приятелю сигнал... Кто знает, какой неприятный сюрприз нас бы встретил?»

Оставив фраганца, Лионель помог снять дверь с распростертого под ней тела.

– Знаете его? – поинтересовался Лучано, однако боевик покачал головой. – А вы, милорд?

– Откуда? – Саймон с любопытством взгляделся в искаженное лицо темноволосого крепыша и пожал плечами: – Нет, не помню. Но искра у него фиолетовая, не сомневайтесь. Навер-

ное, частные уроки брал. Или просто ушел из Академии раньше, чем я в нее поступил. Ничего, отец разберется. Интересно, зачем им понадобились целых два некроманта и боевик? Стихийник – это понятно, для портала. Но остальные?! Спорим, эта тварь тоже аккуратно платила налоги в гильдию?

Он брезгливо потрогал поверженного коллегу носком сапога, и Саграсс хмыкнул:

– Эддерли, вам прошлого раза мало? С демоном, что уложил вас в лазарет?

– Он в параличе, не укусит, – обиженно парировал молодой некромант. – А напоминать о таких вещах недостойно дворянина! Лучше скажите, откуда вы знаете фраганца?

– Однокурсник. – Саграсс брезгливо дернул уголком рта, глянув на Жака, ответившего ему бессильно яростным взглядом, и так же хмуро добавил: – Он и правда фраганец. Простолюдин из Люръезы. Приехал к нам учиться, получил перстень вместе с дворянством Дорвенанта и завербовался в армию – как раз шла война с Фраганой. И месьор Жак переметнулся на другую сторону. Если бы просто уехал домой и там пошел на королевскую службу, кто бы его осудил? Верность родине – это достойно. А он предал тех, кто ему доверял. Право, милорды, знал бы точно, что это он, попросил бы обойтись без паралича. Мне бы одной минуты хватило... Но теперь я не удивлен, что нашелся боевик, способный сговориться с Вертелом. Чего еще ждать от этого позора гильдии?

– От некромантов, значит, вы этого ждали? – вспыхнул Саймон.

– Справедливости ради, милорд, некромантов здесь оказалось целых двое, – невозмутимо парировал Саграсс. – И Баус давно известен темными делами, а теперь и Рикоша стоит потрясти.

«Ох уж эти гильдейские разборки! – фыркнул про себя Лучано. – Тоже в точности как дома!»

А вслух вежливо поинтересовался:

– Синьоры, вам не мешает обстановка? И то, что мы здесь некоторым образом на службе?

– Простите, милорд! – опомнился Саграсс. – Жду распоряжений.

– Сможете открыть портал во дворец? – подумав, спросил Лучано. – Не тащить же нам этих красавчиков к экипажу, они туда попросту не поместятся.

– Да, милорд! – кивнул Саграсс и деловито уточнил: – Найти капитана дворцовой стражи, взять людей и определить арестованных в тюрьму, все верно? Милорд Эддерли, сколько продержится паралич?

– За час ручаюсь, – обиженно буркнул Саймон и язвительно добавил: – Обратите внимание, щит боевика я все-таки пробил! Надо было с вами поспорить!

– Признаю свою неправоту, – церемонно поклонился ему Саграсс, а потом ехидно добавил: – Впрочем, связь между резервом и количеством дури в голове давно известна.

– Не забудьте Бауса, – напомнил Лучано и так же задумчиво добавил: – И постарайтесь сохранить все в тайне, насколько будет возможно. Не хочется, чтобы господин Вертел заранее узнал о нашем интересе к его персоне. Иначе явимся с визитом, а его не окажется дома.

– С визитом? К Вертелу?

Боевик просиял так, словно ему пообещали в подарок на Солнцестояние весь мир и синьорину Иоланду в придачу.

– Ну, раз уж заказчика знает лишь он, – пожал плечами Лучано. – Грандсиньор Эддерли...

– О, можете звать меня Саймоном! – торопливо отозвался тот. – Кстати, вам же понадобится некромант, когда сунетесь в логово этого Вертела! Паралич накинуть, ловушки обезвредить...

– Я подумаю, грандсиньор, – серьезно пообещал Лучано. – И благодарю за неопенимую помощь сегодня. Помнится, вы собирались пригласить синьору Клариссу в гости? Вместе с мужем?

– Точно! – Саймон хлопнул себя по лбу. – Кузина Клари!
И бросился прочь из комнаты.

Посмеиваясь, Лучано глянул, как боевик выкладывает на стол три перстня, уже знакомый порталный ключ, несколько ножей и еще какие-то безделушки.

«Даже подраться не удалось, – мелькнуло в мыслях. – Может, оно и к лучшему, конечно. Старшему мастеру уже не по чину махать ножом с какими-то бандитто. Но не рано ли я поднялся до старшего мастера, м? Если бы не Саграсс и Эддерли, мы с капитаном сунулись бы сюда вдвоем, и дело точно кончилось бы кровью, а то и смертью. Возможно, нашей. Альс прав, я должен помнить, что сейчас за мной вся мощь короны Дорвенанта! И нужно было идти сюда с магами, опытными в таких делах. Подготовить пути отступления, да хоть целителя с собой взять! А если бы кого-то ранили?! Претемнейшая, какой же я идиотто! Безрассудный и ничего не смыслящий, но самоуверенный, как едва вставший на лапы щенок!»

– Лионель, – окликнул он мага. – Сделайте одолжение, поговорите с вашими прежними сослуживцами, не пожелает ли кто-то из них сменить службу Ордену на королевскую? Гранд-синьор Саймон безусловно прекрасен, однако хотелось бы иметь под рукой кого-то опытнее и серьезнее. Некроманта, целителя, артефактора... Да нам бы кто угодно не помешал! Жалованье и прочие привилегии я обсужу с грандсиньором канцлером, но постараемся не обидеть господ магов.

– Да, милорд, – кивнул Саграсс.

– И спасибо вам, Лионель, – выдохнул Лучано с искренним чувством. – Право, что бы я без вас делал?!

– О, милорд, не стоит...

Смутившись, боевик торопливо отвернулся, но Лучано успел заметить, что глаза у него подозрительно блеснули. Так, словно беднягу вообще первый раз в жизни похвалили! Гранд-синьор Баргот, найдите Денверу котел погорячее, или что там у вас на такой случай, м?

Чтобы не конфузить Саграсса еще сильнее, Лучано вышел из разгромленной комнаты и огляделся в поисках остальных. Как и ожидалось, голоса слышались из соседней комнаты.

– Ну что вы, кузина, вы несколько нас не стесните! – заверял Саймон. – Матушка с отцом будут счастливы! Мы очень любим гостей, к тому же таких долгожданных! А наш особняк совершенно безопасен. Ради Претемной, мы же потомственные некроманты! Вы хоть представляете, что случится с ненормальным, который попробует силой забрать кого-то из наших гостей?! И не представляйте, вы же дама, вам это вредно! А, Фарелл! Умоляю, скажите хоть вы моей кухне, что они с мужем несколько нас не стеснят!

– Прекрасная грандсиньора! – Лучано низко поклонился девушке, сидящей на узкой кровати, застеленной простым шерстяным покрывалом. – Счастлив, что вы в безопасности. Умоляю простить нас за неприятные минуты.

– Ма донна Кларице, – торопливо сказал капитан, чей камзол так и красовался на плечах девушки. – Это благородный дон Фарелл, он...

– Особый королевский следователь, – подсказал Саймон. – Именуемый Рука короля. Очень достойный человек, известный мужеством и честностью!

И выразительно посмотрел на Лучано, предлагая оценить свои старания.

«Да-да, непременно, – ответил ему Лучано не менее выразительным взглядом и понял, что избавиться от грандсиньора Саймона будет посложнее, чем казалось. – А может, и не избавляться? Только как проследить, чтобы синьор наследник рода не свернул себе шею от излишней лихости? Боги, вот когда начинаешь понимать, что пережил со мной самим мастер Ларци!»

– Примите мою искреннюю благодарность, милорд, – сказала синьорина, то есть синьора, на удивление твердым голосом.

Никакого беспомощного и наивного лепетанья! Красота какая, м?!

Да и сама юная синьора прехорошенькая! Сколько ей, восемнадцать? Невысокая, круглолицая, с чудесными каштановыми волосами, заплетенными в простую косу, и огромными зелеными глазами немного темнее, чем у Айлин, цвета не весенней зелени, а мха. Кожа как топленые сливки, губы пухлые, подбородок маленький, а на щеках очаровательные ямочки.

Взгляд Лучано против воли скользнул на камзол капитана, который с трудом сходил на высокой полной груди синьоры. Надо же, как ей идет! Хотя такую грудь хоть мешком обтяни, все равно глаз не отведешь! Да-а-а, бедный арлезиец... Если даже у них в дороге что-то было, от этого ему сейчас только больнее и тоскливее.

– Кай, вы не против принять любезное приглашение кузена Саймона? – обратилась Кларисса к капитану. – Милорд и миледи Эддерли всегда были очень добры ко мне. Если лорд Фарелл не против, чтобы мы поехали туда...

И она вопросительно глянула на Лучано, который едва сдержал улыбку.

Кай, значит? Это вместо фамилии, титула или хотя бы полного имени? Ммм, отлично звучит! Пожалуй, шансы у капитана определенно имеются! Если сам ничего не испортит.

– Как пожелаете, ма донна, – сдержанно отозвался арлезиец. – Пойду поищу ваш плащ, на улице прохладно.

И стремительно вышел, провожаемый взглядом всех троих.

– Я вам очень благодарна, кузен, – вздохнув, сказала Кларисса, она же Клариче, она же Клари. – И вам, милорд Фарелл. Если бы не вы... Эти негодяи хотели убить Кая и привести сюда порталом дядюшку, чтобы выяснить, кому и что я успела рассказать. А потом они собирались убить меня тоже и спрятать наши настоящие тела, подменив их, чтобы нельзя было поднять и допросить останки. Я не очень хорошо в этом разбираюсь, но если отпустить душу в Сады Претемной, ее нельзя призвать без какой-то частицы тела, так ведь?

Лу вопросительно взглянул на Саймона.

– Лорд Бастельеро смог бы, пожалуй, – неуверенно отозвался тот. – Он Избранный Претемной, никто до конца не знает всех его сил. Но даже моему отцу, а он мастер призраков, нужен череп, кости, прядь волос – в общем, хоть что-нибудь! Да, у них вполне могло получиться... Понимаете, ведь лорд Бастельеро призывал бы души убитых, используя подмененные тела! Матрицы наложились бы одна на другую... Да, пожалуй, даже у него ничего не вышло бы! Он бы просто не понял, в чем дело! И это придумал Логрейн?!

Вскочив, Саймон заметался по комнате, шипя что-то слабо различимое и возмущенно размахивая руками.

– Я думаю, – бесцветно добавила Кларисса, – что-то похожее случилось с матушкой и братом. Да, в замок привезли их тела, но они были так обезображены... Матушку узнали только по волосам, ее чудесным белокурым локонам... А брата – по фамильной родинке. У нас у всех на правой лопатке темное пятно, похожее на трилистник клевера. Но... разве это нельзя подделать?

– Можно, – уронил Лучано. – Проще некуда. Но доказать это будет сложно. Нам очень пригодятся ваши показания, синьора. Но люди, которые вас хотели убить... Хм, получается, в этом Крыса тоже соврал? Он сказал, что не знает заказчика, что тот договаривался с их главарем, Робом Вертелом.

– Конечно, соврал, – уверенно сказал Саймон. – До последнего рассчитывал выкрутиться. Они здесь и так наворотили на три смертных приговора каждому, но одно дело – просто сбегать в Итлию, как испуганные крысы, а совсем другое – иметь в должниках королевского прокурора, вернувшего себе фамильное состояние. Ради этого стоит рискнуть!

– Что ж, надеюсь, недостойный синьор Вертел не откажется тоже кое-что прояснить, улыбнулся Лучано. – Поезжайте в гости к родственникам, прекрасная синьора, и ни о чем не беспокойтесь. Мы непременно докопаемся до правды и переловим всех крыс, не будь я коро-

левский кот. Ах да, вы же не знаете этой шутки... Ничего, грандсиньор Саймон вам ее расскажет.

– А Кай? То есть дон Мурилья... – прелестно смутилась юная синьора, отчего ямочки на ее щеках стали еще заметнее. – Ему же ничто не грозит? Он только спасал меня! И если сделал при этом что-то незаконное, я... готова взять на себя всю ответственность! Пожалуйста, милорд Фарелл, передайте его величеству, что дон Мурилья – истинный дворянин! Если бы не он...

– Обязательно передам, – истово пообещал Лучано. – Уверен, его величество примет во внимание ваши... обстоятельства.

Зардевшись, Кларисса встала и присела в грациозном реверансе, который не испортили ни камзол на ее плечах, ни платье из простого темного сукна, ни дешевые прочные башмачки, чьи носки предательски выглядывали из-под подола.

– Каэтано Мурилья – мой муж перед богами и людьми, – сказала она с удивительным достоинством. – Он ничем не опозорил родовое имя Логрейнов, и какую бы судьбу нам ни назначил его величество, мы примем ее вместе. Прошу, передайте и это тоже.

«Непременно нужно познакомить их с синьориной, – подумал Лучано, склоняясь в очередном поклоне – на этот раз с искренним уважением. – А если Альс помилует синьора капитана и оставит этих двоих вместе, какая красивая пара получится! Что ж, недурная вышла охота, не стыдно с такой вернуться, м»?

Глава 6

Семейные дела лорда Аларика

– Вот здесь нам будет удобно, – шепотом сообщил лорд Аларик и за руку подвел Айлин к стене, увешанной потемневшими от времени картинами. – Смотрите, под портретом этой леди в трауре есть небольшая щель. С той стороны ее трудно заметить, она скрыта полкой с книгами, но мы сможем увидеть и услышать все. Вам не трудно стоять, моя дорогая?

– Нисколько, – так же шепотом заверила Айлин и жадно приникла к узкой щели.

По другую сторону от лорда Аларика то же самое сделал Лучано.

Затаив дыхание, Айлин прижалась лбом к теплой, обшитой деревом стене, невольно отметив, что даже в потайной каморке, которой давно никто не пользовался, нет ни следа пыли. То ли какие-то артефакты работают, то ли слуги в особняке Бастельеро – настоящие волшебники! И это замечательно, а то вдруг у нее зачесется нос и придется чихнуть? Иоланда сразу что-то заподозрит! Ее и так было сложно заманить в библиотеку, пришлось пообещать какой-то редкий роман, который подруга долго и безуспешно искала в книжных лавках Дорвенны. Ну и соврать, что Айлин видела его совсем недавно, когда искала книгу на ночь, а вот обложку, увы, не помнит... И все равно Иоланда, отправляясь в библиотеку, смотрела очень недоверчиво!

Вот с лордом Саграссом оказалось куда проще! Едва приехав, Лу прямо с порога попросил его принести трактат по зельеварению, и боевик мгновенно пошел выполнять поручение, не споря и никого ни в чем не подозревая. Что значит дисциплина! Во-о-от... Вот сейчас они друг друга увидят... Внимательно оглядывая полки, Иоланда шла по библиотеке с одной стороны, а с другой навстречу ей двигался лорд Саграсс. Нежно-голубое платье в тон глазам удивительно шло Иоланде, ее белокурые локоны рассыпались по плечам, лишь слегка присобранные такого же цвета лентой. Боевик в парадном черном мундире с тонкой золотой отделкой тоже был изумительно хорош собой! Такой высокий, широкоплечий, с отменной выправкой... Какая же они красивая пара! Хоть бы все получилось! Айлин затаила дыхание... Еще шаг... И...

– Ах, вот оно что, – мрачно сказала Иоланда и присела в безупречном реверансе. – А я еще думаю, с чего это Ревенгар вдруг романами заинтересовалась? Доброго дня, милорд.

– Миледи! – Изумленный ее появлением боевик поклонился, а потом оглядел совершенно пустую, не считая их двоих, библиотеку, торопливо сделал шаг назад и заверил: – Прошу прощения, миледи Иоланда! Я никоим образом не хотел... Позвольте вас немедленно оставить!

– Ну, попробуйте, – скептически согласилась Иоланда. – Но если я хоть немного знаю свою драгоценную подругу, обе двери заперты с той стороны.

– Я могу выбить одну из них, – неуверенно предложил боевик, и Айлин едва не взвыла от ужаса. – А у хозяев попрошу прощения за это недоразумение. Уверен, они поймут!

Выбить дверь?! Кто мог подумать, что лорд Саграсс действительно такой!.. Ну неужели эти двое сами все сейчас испортят?!

– Вы еще в окно прыгните! – язвительно предложила Иоланда. – Подумаешь, всего-то третий этаж! Милорд, это была шутка!

Она махнула веером, с непередаваемым выражением лица глядя на боевика, который в самом деле двинулся к окну. Веер, кстати, отказался тот самый, подаренный Саграссом, который его заметил и капельку просветлел лицом, но тут же нахмурился и опять поклонился.

– Простите, миледи. Но вы же понимаете, ваша репутация... Как я могу позволить, чтобы на нее легла хоть малейшая тень?! А для этого мне следует покинуть вас как можно скорее!

– То есть вы предпочитаете прыгнуть из окна и разбиться? Лишь бы не спасти эту самую репутацию, женившись на мне? – безжалостно уточнила Иоланда и снова нервно взмахнула веером, словно в библиотеке вдруг стало очень жарко.

Щеки у нее, во всяком случае, мигом порозовели.

– Идиотто... – послышался страдальческий шепот Лу. – Ну кто же говорит девице такие вещи?!

Лорд Аларик только молча сочувственно вздохнул и ободряюще сжал руку Айлин, у которой сердце стучало так, словно она пробежала вокруг всей Академии с дюжиной упырей за плечами.

– Миледи... – Саграсс посмотрел на нее с отчаянием и тихо сказал: – Вы же знаете мои чувства к вам! Я прошу поверить, что не имею никакого отношения к этой... опасной для вашего будущего затее. Ваш батюшка ясно дал понять, что не стоит рассчитывать на его позволение. Но клянусь, я сделал бы вам предложение, будь весь мир против нашего брака. Только бы знать, что вы...

– Что я?... – тихо уронила Иоланда, сложив веер перед собой и вцепившись в него, словно в защитный артефакт.

– Что вы отвечаете на мои чувства настолько, чтобы его принять, – так же тихо ответил боевик и сделал шаг ей навстречу.

У Айлин зашипало в глазах, и она торопливо вытерла их свободной рукой.

– Что ж, милорд, – сказала Иоланда тоном, которого Айлин у нее ни разу не слышала. Серьезным, спокойным, но полным внутреннего напряжения. – Сделайте его и узнаете, что я к вам испытываю.

– Всеблагая Матушка, – снова послышался страдальческий шепот Лу. – Дай подзатыльник этому идиотто, пусть у него в голове просветлеет!

Лорд Аларик тихонько на него шикнул, но Айлин подозревала, что даже разразись рядом еще один прорыв демонов, Иоланда и лорд Саграсс могли бы его не заметить, так они вглядывались друг в друга.

– Леди Иоланда... – выдохнул боевик с такой растерянностью и надеждой, что у Айлин екнуло сердце. Лорд Саграсс и правда любит Иоланду, не может быть никаких сомнений! И правильно делает! Но в следующий миг боевик поспешно поднял руку, словно готовясь поставить щит, и заговорил с лихорадочной торопливостью. – Леди Иоланда, я прошу вас выслушать меня прежде, чем вы примете решение. Любое решение. Клянусь, я подчинюсь вашему выбору, каким бы он ни был! Я люблю вас, видит Всеблагая... и Пресветлый... Все Семь Благих и Баргот! Но я ничего не могу вам дать. Дело не в титуле, хотя я и хотел бы сохранить его для наших детей, и даже не в деньгах... Впрочем, какого Баргота? Разумеется, и в них тоже! Как я могу просить вас довольствоваться меньшим, чем вы привыкли? И все же иди речь только об этом, я был бы счастлив положить свою свободу к вашим ногам. Но у меня нет этой свободы. И я не желаю лгать – не будет никогда. Я не смогу оставить службу не только по приговору, но и потому, что впервые счастлив служить. Я никогда не смогу дать вам даже ничтожной малости, на которую имеют право жены самых бедных крестьян: знания, что муж принадлежит только им!

– Понимаю, – невозмутимо согласилась Иоланда. – Батюшка мне это все прекрасно объяснил. Только... – Она вдруг замялась, сердито насупившись. – Только пусть лучше мне будет тяжело с вами, чем без вас!

– Так вы... – начал боевик, осекся, ошеломленно взглянул на нее, упал на одно колено и, поймав Иоланду за руку, повторил громче: – Леди Иоланда, могу ли я считать, что вы...

– Конечно согласна, – буркнула Иоланда с такой неестественной небрежностью, что в нее не поверил, кажется, даже Саграсс, и, порозовев от неловкости и оглядевшись, громко позвала: – Ревенгар, выпусти нас, наконец! Выхожу я замуж, выхожу!

– Ревен... – начал Саграсс, вскочил на ноги и тоже осмотрелся. – Моя леди, вы полагаете, что за нами наблюдают?

– Если нет, извинюсь, что слишком хорошо о ней подумала, – фыркнула Иоланда и грозно притопнула. – Ревенгар! Сколько нам ждать?!

– О да... – выдохнул Лучано с таким восторгом, что Айлин едва не прыснула со смеху. – Боги, какая синьорина! Повезло же моему Саграссу! Идемте, выпустим этих голубков. Хотя будь моя воля, я бы подождал пару часиков... Надеюсь, Лионель не совсем идиотто и успеет хотя бы ее расцеловать, пока мы дойдем до библиотеки. Грандсиньор, а здесь есть дорога подлиннее?!

– Через галерею, – невозмутимо отозвался лорд Аларик, и Айлин показалось, что он тоже едва сдерживает смех. – Думаю, через галерею будет в самый раз. Ну что, моя дорогая невестка, милорд, вы довольны?

– Я чрезвычайно вам признателен! – заверил Лучано. – И мне, право, неловко, ведь из-за моей просьбы вы рискуете вызвать недовольство грандсиньора... главы вашего рода. Если я могу чем-то искупить...

– О, что за глупости, – усмехнулся батюшка Аларик. – Право, юноша, это я обязан вам за участие в столь очаровательной аванюре. Пусть я уже слишком стар, чтобы примерять роль счастливого влюбленного, но сыграть доброго волшебника, покровительствующего нежным сердцам, мне еще вполне по силам. Я искренне желаю счастья и лорду Саграссу, и сударыне Иоланде.

Он умолк, бросив на пару за стеной быстрый взгляд с такой грустной нежностью! Айлин тоже посмотрела на Саграсса, на сияющую подругу и едва не вскрикнула, так Иоланда была похожа на Аделин Мэрли! Не ту, что страшно погибла в Академии, так и не став невестой мэтра Ирвинга, а другую, жену лорда Аларика! Светлые волосы – пусть пшеничные, а не золотистые, как у Мэрли, и вьющиеся, а не прямые, зато очень похоже уложены, голубые глаза, милое лицо... Даже цвет платья! Призрак леди Аделин носил траур, но при жизни, судя по портретам, она любила нежные голубые цвета, и сегодня подруга выбрала платье точь-в-точь такого оттенка! Нет, за родную сестру покойной леди Аделин Иоланда, конечно, не сошла бы, а вот за дальнюю родственницу – запросто!

– Всеблагая матушка, – прошептала она. – Пусть они будут счастливы...

* * *

Подробный доклад камердинера о визите лорда Фарелла, лорда Саграсса и сударыни Донован, а также о том, чем этот визит закончился, Грегор выслушал с каменным спокойствием. Увы, только внешним. В его доме! Такая непристойность! Благо все это закончилось договоренностью о помолвке, иначе пришлось бы принимать самые решительные меры!

Вопрос только в том, к кому именно?

Взглядом отпустив камердинера, Грегор встал из-за стола и подошел к окну кабинета. Ранние зимние сумерки уже окутали сад темнотой, в которой терялись дальние деревья, но клумбы возле дома были освещены магическими шарами, и сад имел торжественно сказочный вид. Обнаженные ветви едва заметно серебрились на фоне густо-фиолетового неба, иней покрывал каменные бордюры и статуи, искрясь в голубоватом магическом сиянии. Сейчас бы взять Айлин под руку, пройти по извилистым дорожкам... Но гнев на отца, допустившего это возмутительное безобразие – да что там допустившего, он же прямо этому способствовал! – этот закономерный и оправданный гнев мешался с раздражением на жену.

Видит Всеблагая, он прекрасно понимал, почему Айлин так поступила! Она хотела устроить счастье подруги, и следует признать, что этот союз может быть удачным. Да, Саграссы – старинный род, и брак с купеческой дочкой для Лионеля несомненный мезальянс. Но его

отец разорен, сам боевик может рассчитывать лишь на королевское великодушие... Кстати, ему же платят хоть какое-то жалованье? А еще младшие братья!

Грегор попытался вспомнить, видел ли среди вороха счетов бумаги на содержание Кайлана Саграсса, которые просил подготовить секретаря гильдии. Ну, если они были, то наверняка подписаны, а Райнгартен собирался позаботиться о своем адепте. В любом случае приданое сударыни Донован должно уравновесить сословную гордость Саграссов, а сама Иоланда – сильная магесса и достойно воспитанная девица. Да, вполне подходящая партия... Но зачем устраивать это тайком?!

Отойдя от окна, вид за которым сразу перестал радовать взгляд, Грегор зашагал по просторному кабинету от стены к стене. Портрет деда, висящий над камином, осуждающе следил за его метаниями, будто призывая к хладнокровию и рассудительности. К Барготу рассудительность!

У него в доме! За его спиной! Сговорившись с его собственным отцом и этим итлийцем... О чем она только думала?! Безрассудная глупышка! А если бы Саграсс отверг девицу и рассказал об этом в обществе?! Леди Бастельеро получила бы клеймо сводни?! Конечно, он не мог этого сделать, Лионель – приличный человек. И наверняка он ухаживал за сударыней Донован, раз уж Айлин была уверена в успехе. Но Грегор же обещал ей помощь! Он бы сам поехал сватать для Саграсса девицу, и не родился еще тот купец, который в чем-то откажет лорду Бастельеро! Все было бы законно и прилично! Благие Боги, хорошо, хоть у Айлин хватило соображения устроить все здесь, в особняке, где слуги точно будут молчать. Лишь бы сами участники этого действия не проговорились!

Снова упав в кресло, он на несколько мгновений приложил ладони к пылающему от гнева лицу. Так, нужно сосредоточиться.

О том, что произошло, знают Айлин, Иоланда Донован и Лионель Саграсс, разумеется. А еще итлиец и лорд Аларик! Фарелла бесполезно винить в нарушении приличий. Понятия об этикете у него как у кота, с которым итлийца вечно сравнивают – такие же... гибкие. К счастью, он вроде бы не болтлив, когда дело касается Айлин. И явно покровительствует Саграссу, а протекция Лионелю не помешает. Все равно при следующем визите Грегор потребует от Фарелла быть осмотрительнее в словах и поступках. Жаль, что вовсе отменить эти визиты не получится, потому что хитрый итлиец почти всегда сопровождает короля... Ну, хоть без него тут обошлось, кстати!

Потерев щеки и виски, Грегор положил руки на приятно прохладную мраморную столешницу и снова глубоко вздохнул. Да, можно понять и оправдать Айлин, она всегда хочет как лучше, забывая при этом о своей собственной репутации. Можно даже простить итлийца, в конце концов, Грегор ему изрядно должен.

Но вот кого совершенно точно нельзя ни понять, ни простить, ни, тем более, одобрить, так это лорда Аларика! Собственного драгоценного батюшку, Баргот его побери со всем старанием! Он-то чем думал, когда компрометировал жену главы рода?! Камердинер, правда, сказал, что Айлин не оставалась наедине ни с кем из мужчин, лорд Аларик ее повсюду сопровождал, но это его не оправдывает! Если уж этот болван на старости лет захотел поиграть в посланца Всеблагой Матери, мог хотя бы предупредить об этом Грегора и спросить позволения!

Да, определенно, лорд Аларик позволяет себе слишком много. То, что он заботится о невестке в отсутствие Грегора, это похвально, однако для этого у Айлин есть сударыня Эванс. А если почтенная женщина никак не может угодить его супруге, следует просто ее заменить. Кем-нибудь более подходящим...

Кстати, любопытно, неужели сударыня Донован отложит брак до окончания Академии? Или будет посещать ее уже замужней? Нет, последнее – вряд ли. Скорее всего, Лионель наймет ей учителей, на последних курсах все равно уже идет усиленное обучение выбранной специ-

альности, так что занятий гораздо меньше. А раз так, у нее появится свободное время, и почему бы не пригласить ее в компаньонки к Айлин? Замужняя дама, дворянка, хоть и не урожденная, магесса, а главное, Айлин ее искренне любит! Решено, так и следует сделать. Быть компаньонкой у леди Бастельеро не зазорно никому, такую особу примут при дворе, и это поднимет репутацию Саграссов. Ну и приличное жалование компаньонки их семье точно не помешает. Конечно, леди Саграсс может рассчитывать на куда большее вознаграждение, чем сударыня Эванс, но лишь бы Айлин была довольна.

Мысль о том, что она обрадуется частым встречам с подругой, согрела Грегора, и он даже подумал, что следует поговорить с женой прямо сейчас. Объяснить, что ничего непоправимого она не совершила, но в будущем следует все-таки быть осторожнее и больше доверять законному супругу. Разве он ей враг? Разве не старается исполнить любой ее каприз? Разве не позволяет ей куда больше, чем многие мужья женам? И взамен просит лишь об одном – быть разумной и осторожной там, где может пострадать ее здоровье или репутация.

«Приглашу ее погулять, – решил Грегор. – В саду так красиво, а от холода можно поставить магический щит. Но сначала нужно сделать одно неприятное и, увы, необходимое дело. Видит Претемная, я и так долго терпел! Сегодня лорд Аларик едва не навредил моей жене, а что будет завтра? Или после рождения ребенка?! Как я мог подумать, что этот человек исправился и больше не совершит никакой непристойности? Ясно же, что честь семьи для него по-прежнему пустой звук! Что ж, надеюсь, обойдется без скандала, это все-таки не Люциус...»

Тронув колокольчик, он велел камердинеру подать шамьет и передать лорду Аларику просьбу немедленно увидеться. Откинулся на спинку кресла и посмотрел на портрет деда. Показалось, что глаза того одобрительно блеснули из сумрака. Это, конечно, лишь воображение, но Грегору вдруг отчаянно захотелось, чтобы дед хоть ненадолго оказался рядом. Увидел все, чего достиг его внук благодаря правильному воспитанию, познакомился с Айлин, увидел их ребенка – будущее рода Бастельеро.

Принято считать, будто в Садах Претемной известно о том, что происходит на земле, однако доподлинно этого никто не знает. Даже призванные оттуда души весьма уклончивы в этом вопросе, и непонятно, действительно ли они следят за земными делами или получают знания в момент призыва. Но Грегор был свято уверен в одном: дед гордился бы им, как при жизни.

Горничная тенью скользнула в кабинет, быстро накрыла стол и так же тихо исчезла. А еще через несколько минут в дверь вошел лорд Аларик. Сухо, но достаточно вежливо поклонился, дождался приглашающего кивка и сел напротив Грегора за стол. Пригубил шамьет, поставил чашку и с той же вежливой прохладцей поинтересовался:

– Чем могу служить, милорд?

Именно в этот миг Грегор понял, что разговор будет тяжелым. Возможно, даже грязным, недостойным чести Бастельеро, потому что человек, которого Грегор должен был звать отцом, вызывал у него не просто злость, а бессильный гнев, смешанный с брезгливостью и отвращением. И, возможно, пришло им время поговорить начистоту. Если только лорд Аларик не поймет все правильно и сам не согласится избавить семью Грегора от своего затянувшегося присутствия.

– Насколько я понимаю, осенью поместье, которое вы покинули так давно, особенно живописно, – уронил Грегор, беря себя в руки.

Лорд Аларик изогнул бровь, снова неторопливо сделал глоток шамьета и ответил, тщательно выговаривая каждое слово:

– Позвольте выразить вам свое восхищение, милорд. Вы поразительно хорошо осведомлены, особенно для человека, ни разу не посетившего это поместье. Должно быть, столь поразительная проницательность свойственна всем... Великим Магистрам?

– Полагаю, – продолжил Грегор, заставив себя проигнорировать эту любезную издевку, – вам следует оставить Дорвенну в ближайшие дни, в противном случае вы рискуете не успеть туда до морозов. Стационарного портала в поместье нет, и я не смогу открыть для вас личный, так как не имею координат. Следовательно, вам придется ехать верхом, и нужно воспользоваться последними теплыми днями. В вашем возрасте следует поберечь себя.

– Премного благодарен за заботу, – благодушно кивнул лорд Аларик, и только в его разом похолодевших глазах Грегор прочел нечто похожее на вызов. – Но позволю себе не последовать вашему совету. Я совершенно не тороплюсь возвращаться в поместье и намерен задержаться в Дорвенне по меньшей мере до следующего лета.

Грегор скрипнул зубами. Видит Претемнейшая, он старался быть учтив и любезен, но если отец предпочитает не понимать намеков... Что ж, сам виноват!

– Я предпочел бы, чтобы вы оставили мой дом прежде, чем мой ребенок появится на свет, – процедил он.

Лорд Аларик откинулся на спинку кресла и сплел перед собой пальцы.

– Так, – кивнул он совершенно невозмутимо и даже с некоторым удовлетворением. – Что ж, по крайней мере, вы откровенны. Могу ли я узнать, чем вызвано такое желание?

– Я не хочу, чтобы мой ребенок рос рядом с таким дедом, – резко бросил Грегор. – Видит Претемнейшая, милорд, я проявлял терпение и гостеприимство ради Айлин, но не позволю моему сыну или дочери жить под одной крышей с человеком, обесчестившим собственную сестру! Вы хотели откровенности, надеюсь, я достаточно откровенен?

– Вполне, – снова кивнул тот. – И очень рад, что вы решились об этом заговорить спустя столько лет. Скажите, а вам никогда не приходило в голову, что вы знаете далеко не все?

– Не все?! – поразился Грегор. – Я знаю достаточно, чтобы понимать, какой вы человек! Или вы думаете, что можете чем-то оправдаться? Ну что ж, попробуйте.

Он не сдержался, зло усмехнувшись прямо в невозмутимое лицо собеседника. Тот pokrутил чашку в пальцах, снова ее поставил и положил руки перед собой, сплетя пальцы на столе.

– Оправдываться я не собираюсь, – уронил он тем же ровным и бесстрастным голосом. – При всем уважении к вашему титулу главы рода, милорд, не вам требовать от меня оправданий. Но раз уж вы решили потревожить этот семейный скелет, извольте, сегодня вам придется узнать правду, которую скрыл от вас лорд Стефан. Он, конечно, считал, что делает это из самых благих побуждений. Собственные побуждения он всегда считал исключительно благими, это у вас от него. Но в данном случае... Право, лучше бы он рассказал вам все начистоту. Хотя тогда ему и самому пришлось бы выглядеть не слишком благовидно.

– Слова, слова! – нетерпеливо перебил Грегор. – Если вы решили в чем-то признаться, говорите уже!

– Признаться? – Человек, которого Грегор даже про себя не мог и не хотел назвать отцом, вдруг искривил рот в удивительно узнаваемой фамильной усмешке, которую Грегор видел на множестве портретов и вживую – у деда. А вот у самого лорда Аларика – никогда. – Я обещал вам правду, а не признания. Правда такова: ваша мать и моя сестра принудила меня к этой связи некромантским приворотом. До этого я любил ее как сестру. Исключительно как сестру, извольте это понять и запомнить. После – возненавидел. А кто бы поступил иначе на моем месте? Когда лорд Стефан узнал о ее поступке, он снял с меня приворот, но заявил, что истинный Бастельеро мог бы сопротивляться и получше, а значит, я не менее виновен. Очень удобно – обвинить жертву вместе с преступником, не так ли? Это ведь баран виноват, что волк его задрал, нужно было получше точить рога и копыта.

В его голосе слышалась такая злая и не прикрытая больше спокойствием горечь, что Грегор едва не поверил сказанному. А потом опомнился. Приворот? Некромантский?! На собственного брата?! Его мать не могла такое сотворить! Просто не могла – и все тут. А значит,

этот человек лжет. Подло и грязно лжет, пытаюсь через много лет заслуженного презрения со стороны Грегора обелить себя.

– Тогда почему вы дали мне имя в ее честь? – со злой насмешкой бросил Грегор, подумав, что лорд Аларик либо не в себе, если забыл о такой важной детали, напрочь разрушившей весь его рассказ, либо... либо попросту недалекий лжец, в чем, следует отдать ему должное, Грегор его прежде не подозревал.

– Имя вам дал ваш дед, – ответил Аларик с чудовищным спокойствием. – О причинах вы можете спросить сами, если решитесь потревожить его прах. Полагаю, после этой неприятной истории он возненавидел нас всех: вашу мать – за использование запрещенного заклинания, меня – за позорную слабость и, как он изволил выразиться, недостаток воли. Мою дорогую Аделин за то, что она вмешалась, не закрыв глаза на этот позор, который, как надеялся лорд Стефан, мог бы прекратиться сам по себе... И, разумеется, себя – за то, что не заметил всего этого. Он дал вам имя Валериус, чтобы мы не забыли... Чтобы всегда, всю жизнь, глядя на вас, мучились виной и раскаянием. Разумеется, о том, что вы не заслужили носить имя этой твари одним из родовых имен, он даже не думал. Или посчитал это такой же незначительной мелочью, как наши с Аделин чувства. Призовите вашего деда, милорд, спросите его – солгал ли я! И если он не подтвердит мои слова, клянусь, я в тот же день удалюсь в поместье и не покину его до самой смерти!

– Вы... – Грегор рванул воротник, мельком удивившись, какой же тот невыносимо тесный. – Вы лжете. Вы не можете не лгать! – сорвался он на крик. – Дед никогда не поступил бы так со мной! И с вами, если вы ни в чем не были виноваты! Он был воплощением справедливости! Да, не милосердия, но справедливости – точно!

– С вами, – устало бросил Аларик и тоже расстегнул одну пуговицу на вороте домашнего камзола. – Потому что вы были единственным живым существом, которое он любил. Вы сменили в его сердце обожаемую Валери, потому что она его разочаровала, ну а мне, профану, его любви и раньше не слишком полагалось. А уж после того, как он обвинил меня в семейном позоре, отнял даже те крохи внимания, что причитались мне как наследнику рода. Вы помните, как он ждал вашего двенадцатилетия? Страстно, мучительно, алчно жаждая, чтобы вы оказались магом. И лучше всего – некромантом, разумеется! И вы его не разочаровали. Клянусь Благими, мне было все равно, профан вы или маг. Я всегда считал вас прежде всего сыном. И даже когда вы убили Аделин, я смог бы это простить... Хотя бы понять – я все-таки вырос в семье магов и знаю, что такое выплеск! У Валери они бывали так часто, что слуги научились прятаться при одном ее гневном взгляде, а уж сколько она убила мелких животных и птиц... Да, видит Благие, я постарался простить. Если бы вы поняли, что сотворили! Если бы раскаялись в том, что убили невинную женщину! Вся ее вина была в том, что она не вынесла боли от смерти дочерей и сорвалась на вас, ребенке, которого любила всем сердцем, которому заменила мать. Всего однажды! И этого было достаточно, чтобы вы ее выбросили из души и памяти. А ваш дед... Он это поддержал. Не ужаснулся тому, что его внук начинает путь мага с убийства, не объяснил вам, какой кошмар вы сотворили. Нет, он лишь сказал... Вы помните, что он вам сказал?

– Что я... должен лучше себя контролировать, – с трудом проговорил Грегор. – Но он же был прав. Ей не следовало этого говорить...

– Не следовало?! – рявкнул Аларик, перегибаясь к нему через стол и глядя в упор. – Она потеряла трех дочерей! Трижды она носила дитя, рожала его в муках, любила и растила, а потом смотрела, как ее ребенок угасает у нее на глазах! Вы способны понять, что это такое?! А если бы ваша жена, не дай Благие, потеряла троих ваших детей одного за другим?! Что бы вы сделали с тем, кто ее проклял? И что бы вы сделали с сыном этого убийцы?!

На Грегора словно опустилась темная пелена, не давая вздохнуть. Он смотрел в искаженное гневом лицо отца, в яростные синие глаза, так похожие на его собственные, но видел

глаза мачехи, когда она рыдала и кричала, рыдала и кричала... Он же просто хотел, чтобы она замолчала! Чтобы не произносила всех этих ужасных слов! Но он никогда, никогда, никогда не думал о том, каково ей было. Да, ее дочери умирали, но дед однажды сказал, что так бывает. Если тело женщины слишком слабое и не может выносить здоровых крепких детей. «Этот брак был ошибкой», – сказал дед, но после добавил, чтобы Грегор никогда не говорил этого ни мачехе, ни кому-либо еще. И Грегор восхитился его великодушием...

– Видят Всеблагие, все эти годы я хранил ваш покой, – сухо бросил лорд Аларик, садясь обратно в кресло. – И это было ошибкой. Знай вы с самого начала, как все случилось, возможно, выросли бы другим человеком. Не склонным доверять каждому слову лорда Стефана, как личному слову всех Благих разом. Ваш дед не желал отдавать дочь в Академию отнюдь не из-за слабости ее здоровья. Он, видите ли, считал, что в Академии ее непременно совратят, ведь девицы учатся там наравне с юношами! А он желал оградить Валери от всех, кем она могла бы увлечься. Лорд Стефан считал, что девица может быть достойной женой и матерью, только если в ее сердце нет места ни для кого, кроме собственного мужа. Весьма забавно, – добавил он тоном, явственно говорящим, что ничего забавного в своих словах не видит, – что сам Стефан женился на девушке, отнюдь не желавшей этого брака. Эдаланы вели переговоры о помолвке дочери с наследником старшей ветви Вольдерингов, но когда руки девушки попросил сам Стефан Бастельеро... Пойти против семьи матушка, к несчастью, не решилась, вышла замуж и была безупречно верна супругу, как вы понимаете. Вот только любви, которой требовал от нее ваш дед, она так и не смогла дать, и очень скоро Стефан разочаровался в этом браке. Сначала он возненавидел молодого Вольдеринга, укравшего его счастье, затем жену, не давшую ему ни любви, ни сына-мага. Рождение Валери подточило здоровье матушки, и она угасла через неделю после родов. Возможно, если бы к ней вызвали целителей... Впрочем, теперь это неважно. Через несколько лет после смерти матушки были убиты Вольдеринги. Все, включая детей. Виновного так и не смогли найти, но я этому нисколько не удивлен. Все-таки лорд Стефан был сильнейшим некромантом своего поколения. А я хорошо помню ночь, когда это случилось. Ваш дед вернулся под утро, заперся у себя в кабинете – вот этом самым, где мы сейчас сидим, и не выходил из него до полудня. А когда ему сообщили об этом убийстве, сказал, что не все достойны жизни.

Он помолчал, а Грегор, едва дыша от нахлынувшего ужаса, попытался понять, могло ли это быть правдой? Дед о Вольдерингах никогда не говорил, только однажды обронил, что не стал бы ставить им защиту особняка ни за плату, ни за услуги, ни даже попроси его об этом сама Претемнейшая... Так могло ли это быть правдой?! Мог ли он обагрить руки кровью целой семьи?! Не только мужчин, но и женщин, и детей?! Всего лишь потому, что один из Вольдерингов заглядывался на его жену и вызвал ответное чувство в ней? Даже не за измену?!

«А что бы сделал я сам с тем, кто захочет украсть у меня Айлин? – спросил он себя и тут же ответил: – Это другое! Она меня любит! И я обязан защитить нашу любовь, это право и обязанность мужчины! И если какому-то глупцу или мерзавцу не хватит соображения это понять... Сам виноват! Но я бы не стал трогать никого невиновного... Хотя если деду кто-то помешал... И я не знаю всех обстоятельств, как я могу верить в его преступление? Как могу его судить?! Претемнейшая, помоги мне не сойти с ума от всего этого!»

А лорд Аларик мерно и безжалостно продолжал:

– Ваш дед поклялся, что Валери не повторит судьбу матери. Как видите, клятву он сдержал. Валери была совершенно лишена общества мужчин, если не считать семьи и слуг. Для занятий ей приглашали метресс из Академии, разве что танцы преподавал мужчина, но на этих уроках всегда присутствовал я, ведь ей нужен был партнер. Полная добродетель, вы понимаете? Ей позволялось приглашать подруг, но никаких выездов за пределы особняка даже со мной. Стефан же был слишком занят, чтобы ее сопровождать, а компаньонкам не доверял и оказался

прав. Иных запретов, кроме абсолютного целомудрия, для Валери не существовало, и любое ее желание выполнялось в кратчайшие сроки. Очень опасно для некромантов, не так ли?

Он помолчал, глядя на онемевшего Грегора со странным сожалением.

– Валери привыкла получать все, что пожелает, – снова заговорил лорд Аларик через несколько мгновений. – И, как всех Бастельеро, ее переполняли страсти. Пожелав мужского внимания, она не стала ждать замужества, тем более что лорд Стефан был намерен выдать ее не менее чем за принца Арлезы или Фраганы, а такие союзы требуют долгой подготовки. Мужчин, кроме брата и отца, в ее окружении по-прежнему не было, а ни один из нас не взглянул бы на нее так, как ей того хотелось. Но к услугам Валери всегда имелась магия, и если лорд Стефан, обожаемый ею просто болезненно, был куда более сильным магом, то меня Благие, к несчастью, не одарили. Валери применила заклятие «Медовая сеть»... судя по вашему лицу, вам знакомо это название? Тогда, полагаю, вы знаете, что оно делает с рассудком жертвы?

Грегор ошеломленно кивнул. И некстати вспомнил, что за применение этого заклятия адептов-простолоудинов отчисляют с выжиганием дара, а дворян наказывают с максимальной суровостью. Если ловят, конечно. Такая подлая и мерзкая дрянь эта «Сеть»...

– Я... – с трудом выдавил он через онемевшие, как от боли, губы. – Я не понимаю... Почему он обвинил вас?.. Хотя вы же сказали... Допустим, это правда... Понятно, почему он запер мою мать в поместье... Почему любил меня и воспитывал сам – тоже понятно. Но почему не рассказал мне об этом?! Почему позволил все эти годы думать, что я... что вы...

– Потому что он хотел вас себе, – с убийственной прямоотой ответил Аларик. – В полную собственность. А вы думаете, от кого Валери унаследовала мысль, что ее желание – единственное, что имеет значение? Мне было сказано, что, если я намерен прожить долгую безопасную жизнь, я должен удалиться в поместье и молчать обо всем, что произошло. Ради вашей же пользы, чтобы не сломить вас этим знанием. Что вы будете считать меня подлецом, а свою мать – несчастной жертвой, но это необходимая цена за ваше спокойствие и правильное воспитание. Узнай вы, что в вашей беде виновата мать-некромантка, можете «возненавидеть благородное искусство некромантии», – проговорил он таким знакомым тоном, что Грегор вмиг узнал интонации деда. – А это уменьшит ваши силы и доверие к магии.

– И вы... согласились, – хрипло уточнил Грегор.

– Полагаете, у меня был выбор? – Аларик иронично приподнял бровь. – Я обязан был повиноваться главе рода, а он взял с меня слово, что я буду молчать. И к вашему воспитанию он меня попросту не подпустил. В собственном доме я был менее желанным гостем, чем Люциус, этот подлец и скотина! Лорд Стефан отослал меня в поместье и приказал не выезжать оттуда. Я, конечно, мог выйти из рода, отказавшись выполнять его распоряжения, да только к вам это меня не приблизило бы. Совсем напротив. Он искал только повода, чтобы от меня избавиться, и дай я его... А когда я снова увиделся с вами на его похоронах, было уже поздно. Вы стали точной его копией и словами, и мыслями, и поступками. Что вы сделали в ту нашу единственную встречу?

– Я...

«Я отказался с ним разговаривать, – мелькнуло у Грегора в мыслях. – Подтвердил приказ деда возвращаться в поместье и писать мне исключительно по делу. И все эти годы было именно так!»

– Что вы хотите? – выдохнул он, поднимая чашку и в пару глотков выпивая остывший шампет, чтобы смочить пересохшее горло. – Я... ничего не могу исправить. За все эти годы. Но...

– Я профан, – ответил лорд Аларик, помедлив. – Мне шестьдесят три года. Не знаю, сколько еще отвела мне судьба, но остаток жизни я хочу прожить в окружении семьи. Рядом с моей милой невесткой и внуками, сколько бы их ни было. И если вы откажете мне в этом... пожалуй, я готов подать прошение о пересмотре завещания лорда Стефана. Полагаю, вы согла-

ситесь, что мои шансы не слишком плохи. Я не пьяница, не игрок, не мот и не развратник, а умение управлять имуществом доказал, многократно увеличив доходы с поместий и шахты. Возможно, мне придется объяснить причины, побудившие Стефана сделать наследником вас, но я успел узнать его величество. Уверен, он будет достаточно великодушен, чтобы выслушать меня за закрытыми дверями. Не заставляйте меня делать это, милорд, потому что, клянусь вам, я искренне не хочу вносить смуту в наш и без того обедневший людьми род. Отмените распоряжение о моем отъезде, и мы снова похороним эту историю.

– Согласен. – Грегор поднялся, давая понять, что беседа окончена. – Располагайте собою, как считаете нужным. И... если вам угодно продолжать жить в этом доме, извольте. Прошу только не забывать, что в моем доме действуют мои правила, и события вроде сегодняшних не должны повторяться.

– Я это учту, милорд, – бесстрастно ответил лорд Аларик и тоже встал. – Желаете еще что-то мне сказать?

«Я должен попросить прощения, – подумал Грегор, глядя в застывшее лицо... отца. – За то, что с ним сделал дед. За жену, которую он потерял, за детей... Неважно, что в их смерти я не виноват, это сделала моя мать... Но как заставить себя сказать это все? И... зачем? Что это изменит? Узы крови – это не всегда родство, и по-настоящему родными людьми мы уже никогда не станем. Эти годы всегда будут стоять между нами. Я не смогу звать его отцом, он меня – сыном. Но если мой ребенок объединит род Бастельеро, то... пусть будет так. Хочет жить в этом доме и смотреть, как растет его внук или внучка, пусть живет. А я подумаю об этом позже... Я обязательно об этом подумаю, но прямо сейчас понять и принять, что дед лгал мне всю мою жизнь... Что лишил меня отца и даже правды о нем... Не могу! Что, если все это сейчас тоже ложь? Да, я могу вызвать душу деда... В семейном склепе лежат его кости, он откликнется на зов... Но что я сделаю, если это все окажется правдой?! Потеряв деда, не приобрету отца? И тогда все, во что я верил, все заветы, по которым жил, все это тоже вмиг станет ложью?! Не могу! Не хочу! Не сейчас...»

– Благодарю за беседу, – бесцветно сказал он вслух. – Я обдумую все, что вы сказали.

– Да, милорд. – В глазах лорда Аларика – Грегор все-таки не мог назвать его отцом! – не отразилось ничего. Только у самой двери он обернулся и тем же бесстрастным тоном сообщил: – Сегодня утром на имя лорда и леди Бастельеро пришло письмо. Поскольку вы дали жене позволение открывать адресованную вам обоим почту, она его прочла и познакомила меня с содержанием. Лорд Эддерли с супругой и спутниками просят позволения навестить вас послезавтра по неотложному и важному делу.

– Спутниками? – измученно переспросил Грегор, мечтая заранее послать к Барготу любых гостей, пусть даже Эддерли.

– Лорд и леди Эддерли, лорд и леди Аранвен, – педантично перечислил лорд Аларик и неожиданно добавил: – А также лорд и леди Логрейн.

– Логрейны?! Которые?

Зачем королевскому прокурору – а о ком еще может идти речь? – понадобился Грегор, ему даже думать не хотелось. А леди... это юная Кларисса, что ли?

– Леди Кларисса с супругом, – небрежно сообщил лорд Аларик и окончательно добил Грегора: – Ваша жена уже известила свою тетушку, что ей понадобится помощь в организации малого приема. Все-таки шестеро гостей такого ранга! Очень интересно, что им нужно, не так ли, милорд?

Глава 7

Цена правды

С Лионелем Саграссом, растерянно счастливым, пьяным от взаимной влюбленности и обожающим прямо сейчас весь мир, Лучано расстался за воротами палаццо Бастельеро. Отпустил ошалевшего от восторга боевика со службы и посоветовал хорошенько отдохнуть. Соглашение синьорины – это прекрасно, однако тропа к семейному счастью длинна и терниста. Нужно навестить почтенного батюшку будущей невесты и сообщить ему радостную весть, с которой синьору Доновану предстоит смириться, да и с собственным отцом переговорить не мешало бы. С этим Лионель, немного придя в себя, согласился и, пылко заверив, что никогда не забудет оказанной услуги – примерно в пятый или шестой раз! – отправился домой.

Лучано с умилением посмотрел ему вслед и решил побеседовать со знакомым банкиром. Даже если Саграсс-старший согласится с этим браком, Лионелю нужен свой дом, чтобы не приводить молодую жену туда, где ее может оскорбить потерявший человеческий облик пьяница. Интересно, сколько в Дорвенне стоит небольшой уютный палаццо в приличном районе? И как уговорить боевика принять подобный свадебный подарок, не задев его дурацкую гордость благородного синьора?

Может, напомнить о спасении своей жизни? Увы, чутье подсказывало, что на такой довод Лионель обидится еще сильнее. Спасать дорогого начальника этот прекрасодушный идиотто предпочитает совершенно бескорыстно! И ведь не объяснишь, что денег у Лучано теперь больше, чем он может издержать за всю жизнь, в Сады Претемной с мешком золота не пускают, а наследников у лорда Фарелла нет и не будет, так что беречь состояние не для кого. Остается только тратить в свое удовольствие!

«Все равно что-нибудь придумаю и подарю ему дом, – решил Лучано и зажмурился то ли удовольствия, то ли от яркого солнечного луча, вдруг пробившегося через низкие зимние тучи. – Вот, оказывается, для чего нужны деньги! Чтобы хоть немного изменить этот несправедливый мир, где богатство и титулы зачастую достаются совсем не тем, кто их достоин. Грандсиньоры Джанталья и Риккарди могут выбросить на ветер огромную сумму, чтобы всего лишь удовлетворить любопытство, а кто-то экономит каждый флорин или скудо. Я и сам, признаться, не привык задумываться о деньгах, но много ли мне было нужно? Шипу Фортунато всегда хватало на вкусную еду и выпивку, на подарки красивым девушкам и мужчинам, на ингредиенты для опытов и на прочее, что делает жизнь легкой и приятной. Лорд Фарелл тратит куда больше, но того, что торговые принцы заплатили за историю о резне в Капалермо, хватит на многие годы, особенно, если выгодно вложить средства в покупку поместья или торговое дело. А еще я владею ремеслом аптекаря и парфюмера, которое всегда прокормит мастера. Нет, бедная старость мне вряд ли грозит! Так почему бы не оставить после себя в мире что-то хорошее? Хотя бы благодарность нескольких достойных людей, которым меньше повезло в жизни?»

Он тряхнул поводьями Донны, направляя кобылу в сторону дворца, и та послушно зацокала копытами по мостовой. Палаццо Бастельеро располагался в старом богатом районе, и Лучано с удовольствием смотрел на величественные, хоть и слишком мрачные дома. Дорвенне бы не помешало больше мрамора и ярких красок, цветной плитки, мозаики и легкой ажурной архитектуры, которая идет Италии, как подвенечное платье – счастливой невесте. А столица Дорвенанта похожа на немолодую вдову, которая в юности, пожалуй, была хороша, и следы былой красоты еще угадываются в резких чертах, но бедность и привычка к лишениям превратили цветущую женщину в угрюмую неухоженную тетку.

«Не зря Альс хочет перестроить город, – подумал Лучано. – Провести водопровод, расширить и выпрямить некоторые улицы, возвести мануфактуры, которые дадут работу беднякам, а значит, крышу над головой и еду. Будет больше людей, способных платить, оживится торговля, в том числе мелкая, и в жилы Дорвенны вольется свежая кровь. Лавочники, ремесленники, земледельцы, которые кормят город – от расцвета столицы выиграют все! Только бы у него получилось. Только бы его бешеного трудолюбия и упрямства хватило на такую огромную ношу! Если бы я мог чем-то помочь... Конечно, кое-что я делаю и сейчас. Да вот хоть эта история с Логрейнами! Роб Вертел уже сидит в подвале моего палатца, ожидая допроса, и сам грандсеньор канцлер любезно попросил разрешения прислать человека для участия в расследовании. У него, мол, имеется несколько вопросов относительно других дел Вертела, не связанных с Логрейнами. Конечно, пришлось согласиться. Когда такой человек просит то, что мог бы потребовать, лучше соглашаться с почтением и благодарностью. Да и опыта в подобных делах у людей из Тайной службы явно больше моего, стоит посмотреть да поучиться. Но дело грандсеньоров Логрейнов начал все-таки я! И Аластор об этом знает. Если Претемная будет милостива, я его и закончу, вернув миленькой синьорине и ее случайному супругу веру в справедливость...»

Проехав дворцовые ворота и спешившись, он отдал поводья Донны дежурному груму и привычно раскланялся с караулом. Сегодня на воротах дежурил лейтенант Эдль, и в другое время Лучано непременно остановился бы поболтать, но сейчас нетерпение гнало его вперед. Вчера вечером, а потом и сегодня утром Альс был занят чем-то очень срочным, и Лучано не успел рассказать ему о поездке на Северную окраину. А хотелось! Оказывается, это горячит кровь ничуть не хуже удачно выполненного заказа, только душу вдобавок греет мысль, что в этот раз он не убивал, а спасал. Благодарность капитана Мурильи, сияющий взгляд синьорины Клариче... Непривычно, однако приятно, м? А еще непременно стоит сесть и хорошо подумать, как расширить службу Руки короля. Сколько и каких мастеров нанять, какие правила дежурства установить... Дух захватывало от грандиозности того, что хотелось устроить! Работа для грандмастера, которым Альс его посчитал, доверив такое важное дело!

– Король в кабинете? – осведомился он у пажа больше для приличия, но тот покачал головой и сообщил, покосившись на дверь:

– Никак нет, милорд, его величество еще не изволил покинуть спальню. – Потом помялся, но добавил: – Тренировку сегодня тоже отменил. А час назад прибежал курьер от лорда-канцлера, приносил какие-то бумаги, так его величество приказал секретарю их отдать, а его не беспокоить.

– Не беспокоить... – медленно повторил Лучано, и в сердце шевельнулась тревога. – Что ж, пойду к себе.

В конце концов, он ведь мог и не знать о приказе Альса, м? Так что нужно сварить шамьет с медом и сливками по его любимому рецепту, постучаться в спальню... Но что случилось-то?!

Впрочем, понятно – что. Проклятая гадюка Беатрис Риккарди случилась, но с этим уже ничего не поделать. Аластор держится, но право, лучше бы он дал волю своему горю. Лучше бы напился – один раз, упаси Благие пить дольше! – и выплеснул все, что его терзает. Покидался секирами, поорал до хрипоты, прорыдался, проклиная судьбу и богов. Те поймут, они привычные... Только бы перестал медленно жечь себя изнутри, выгорая дотла!

Шамьет получился отличный, как и все, что Лучано делал в последние дни. Когда удача идет полосой, это видно. Чудесное спасение от проклятия, смерть Беатрис, к которой он даже руку не приложил, хватило нескольких слов, знакомство с капитаном Мурильей и дело на Северной окраине... Даже сватовство Лионеля – все просто беллиссимо! И только Альс как темное пятно на великолепном радужном полотне жизни, незаживающая рана, которая болит и тревожит, не дает чувствовать себя самым счастливым, удачливым, все сделавшим правильно... Не все, если другу плохо, а помочь ему не получается!

Может, стоило выждать? Хотя бы дождаться, пока Альс отойдет от потери ребенка, пока эта рана, первая и такая страшная, прочно затянется в его душе... Но синьорина?! Беатрис не остановилась бы, как не может остановиться бешеная собака. Она снова и снова посылала бы к Айлин убийц! Альсу все равно пришлось бы узнать об этом, и неизвестно, что подкосило бы его сильнее, смерть жены или такое разочарование в ней?

«Что бы я тогда ни решил, я все равно сделал бы ему больно, – тоскливо признал Лучано, переливая ароматный сладкий шамьет в любимую фарфоровую чашку Аластора – большую, расписанную по кругу охотничьей сценой во фраганском стиле, с оленем, летящим от охотников, и стремительной погоней. Крошечные фигурки лошадей, всадников и собак были выписаны так искусно, что казались живыми, только застывшими от какого-то заклятия, и Альс не уставал рассматривать эту чашку всякий раз, как пил из нее шамьет. Говорил, что мастер прекрасно передал стати лошадей, и очень жалел, что его любимую дорвенантскую породу гнедых так не рисуют...»

«Я знаю о нем больше, чем иная жена о муже, – подумал Лучано, подходя к двери между их спальнями. – Что он любит и чего терпеть не может, о чем мечтает и чего боится в такой глубине души, что даже себе в этом вряд ли признается. Я видел его счастье и отчаяние, гнев и радость... Я сделал бы что угодно, лишь бы ему помочь! Но что я могу?!»

Он толкнул дверь и переступил порог, втайне страшась учуять резкий запах карвейна, что бы там ни думал немногим раньше. Слишком яростно Альс отрицает свое сходство с отцом по крови, чтобы это не было его уязвимым местом. Для него карвейн способен стать не лекарством, а страшным ядом, который убьет разум и душу раньше тела. К счастью, сам Альс отлично это знает, да и не любит крепкие напитки, но боль часто диктует свои желания и правила в обход рассудка.

Карвейном в королевской спальне не пахло. Только печеньем и апельсинами, которые Дани, устроившись на ковре, сосредоточенно скармливал Перлюрену. Енот ради такого праздника живота проснулся и уплетал угощение, похрюкивая от удовольствия, мальчик чесал его за ухом, а хозяин спальни смотрел на это, развалившись в кресле... Когда Лучано подошел и поставил чашку с шамьетом на столик рядом, Альс поднял на него совершенно больные, измученные глаза и выдавил:

– А, это ты... Как все прошло? Ну, вчера...

– Беллissimo, – без всякой радости отозвался Лучано, вдруг сообразив очень простую и страшную вещь: никаких срочных дел вчера и сегодня утром у Альса не было, друг и монсьенор просто не хотел никого видеть, вот и отговорился королевскими заботами.

Совсем никого, даже самого Лучано! Или у него просто не было сил, в горе так бывает. Человек пытается с ним справиться, цепляясь за повседневные заботы и обязанности, а потом силы однажды заканчиваются – и невозможно даже разговаривать с кем-то. Думать, выполнять обязанности, принимать помощь... Даже попросить о ней не получается, как тонущий не может крикнуть, что погибает!

Альс кивнул, словно эти несколько слов и вправду были для него неподъемной ношей. Дани увлеченно возился на ковре с енотом, и Аластор не отрывал от них взгляда, а потом тихо сказал не то для Лучано, не то для себя:

– Мой сын был бы таким же. Или дочь. Но никогда не будет. Уже никогда.

Слова, что у него родятся другие дети, встали у Лучано поперек горла тяжелым горьким комом. Как можно сказать такое отцу, потерявшему еще не рожденного ребенка, которого он уже любил? Этого Лучано не знал, поэтому промолчал. Опустился на ковер рядом с креслом Аластора, взял его бессильно свесившуюся руку, сжал в ладонях, и осторожно, словно шагая по веревке над немыслимой высотой, проговорил:

– Ты был бы прекрасным отцом. И еще будешь, если в мире есть хоть капля справедливости. Но многие женщины теряют детей...

– А мужья – жен, – ровно перебил его Аластор. – Знаю, мне говорили. Она ждет меня в Садах Претемной Госпожи, мы еще встретимся... Все знаю. Не трудись.

Лучано еще крепче сжал крупную горячую кисть, изнывая от мучительного желания сделать хоть что-нибудь. Или сказать! Неважно что, лишь бы оно оказалось тем самым, необходимым именно сейчас!

– Я ничего не мог для нее сделать, – монотонно продолжал Аластор, словно не замечая, что Лучано держит его руку. – Это мне тоже говорят. Или напротив – я сделал все, что мог. И все считают себя правыми, а меня – ни в чем не виноватым. Только знаешь?.. Это все ложь! Грязная подлая ложь. Я – мог! Я должен был что-то сделать! Быть рядом с ней, сказать то, что она хотела... Я должен был ее спасти, уберечь... Я должен был!

Он выкрикнул последние слова, и елот, вцепившись в полуочищенный апельсин, кинулся под кровать, а Дани испуганно поднял голову.

– Не бойся, бамбино, – ласково сказал ему Лучано. – Все хорошо. Сходи на кухню, синьоре Катрине, должно быть, требуется помощь. А за Перлюреном я сам пригляжу.

– Да, милорд, – послушно отозвался мальчик, поднялся и вышел из комнаты.

Когда дверь за ним закрылась, в спальне наступила тяжелая вязкая тишина. Только Перлюрен шуршал под кроватью, явно рассудив, что апельсин все-таки нужно съесть. Аластор обмяк в кресле, откинув голову на высокую спинку, уставившись на тени от мечущегося в камине пламени, но вряд ли видя их.

– Но ты действительно не виноват, – обреченно сказал Лучано, сам удивившись, как беспомощно и фальшиво это прозвучало. – Альс, ты...

И замолчал, потому что слова внезапно кончились, а на их место пришло ясное и пронзительное осознание, что у него все-таки не получилось пройти по этой проклятой веревке над пропастью. Можно быть сколько угодно умным, умелым и удачливым убийцей. Можно расправиться с той, кого ненавидишь, чужими руками, и быть уверенным, что правда никогда не выплывет наружу. Можно думать, что наказания не будет, потому что все, что от тебя требуется – просто молчать. Это же так легко!

Молчать и смотреть, как тот, кто и вправду ни в чем не виноват, заживо себя замуровывает в темнице вины. Молчать и знать, что он платит за твое решение мучительным истязанием себя. Молчать и предавать его каждым мгновением этого молчания! Потому что есть время для лжи, но оно не бесконечно. Рано или поздно наступает время правды, которая обойдется тебе очень дорого, но не дороже чужой боли. Потому что можно любить и себя, и кого-то другого, но однажды придется выбирать, кто тебе дороже. И Лучано знал, что он выберет, какова бы ни была цена.

– Это я виноват в ее смерти, – выдохнул он, с трудом выталкивая слова в тишину.

Плечи Альса едва заметно вздрогнули, закаменели, его ладонь отдернулась, и Лучано торопливо заговорил, холодея от ужаса не успеть, не сказать самого важного, единственного, что могло бы... нет, не оправдать его в глазах Альса, но, может быть, хотя бы объяснить, почему не вышло поступить иначе!

– Альс, ми аморе! Выслушай меня, прошу! Потом хоть на плаху, хоть на каторгу отправь, воля твоя, и в мыслях не упрекну. Помнишь, в той избушке ты спросил, на кого я работаю, а я ответил – на королеву? Это была правда, но не вся verita... не вся истина! Ее величество действительно приказала тебя охранять, но еще – убить синьорину. А чтобы я не ослушался, повесила на меня проклятие. Альс, сейчас я не лгу, клянусь... чем угодно клянусь, слышишь?

Альс молчал, и Лучано безмолвно возблагодарил всех Благих и Баргота разом за то, что не видит его лица.

– Это проклятие, – продолжил он, – подарил ей когда-то грандсиньор Бастельеро, она сама так сказала... Впрочем, неважно. Я не смог, понимаешь?! Просто не смог. Охранял тебя... сначала – потому что так мне было велено, потом – потому что сам этого хотел. Да ты сам все

помнишь! Но убить синьорину... нашу Айлин... Я не смог! А когда мы вернулись, я постарался объяснить ей, что синьорина... что она совсем не такова, как думает королева. Что она считает тебя братом, а ты ее – сестрой. Что она не угроза ни власти Беатрис, ни ее планам на тебя. Королева поверила мне... Тогда – поверила. А потом... после того как она потеряла ребенка... Меня позвали к ней, едва я вернулся из Вероккьи, я даже одежду переменить не успел – и получил повторение заказа. «Как можно быстрее, – сказала она. – Мне не будет покоя, пока Айлин жива!» Я согласился. Надеялся выиграть время, сообщить тебе или канцлеру, хоть кому-то, но выдал себя, и тогда она спустила проклятие с цепи. Я даже из дворца выйти не успел, не то что добраться до кого-то! В то утро... я действительно умер и чудом вернулся из преддверия Садов. Меня убила она. Ты же помнишь, Альс? И тогда... нет, не тогда, а когда я вернулся, я обо всем рассказал лорду Бастельеро. Потому что я отказался, но придет другой Шип. И еще один. Или не один. Сколько потребуется. Помнишь того убийцу из Итлии? Он приехал не ради меня, о нет! Его вызвали на случай, если я откажусь... Он уже примерялся, как проникнуть в дом синьорины, сам признался в этом...

Он беспомощно смолк. Слова продолжали тесниться на языке, но пересохшее, словно после целого дня на жаре, горло отказывалось их выпускать.

– Кто может подтвердить ваши слова? – очень тихо спросил Альс, и Лучано словно окатило ледяной водой.

Альс обращался к нему будто к чужому!

– Лорд Бастельеро! – истово выдохнул он. – Альс, ты... Ты мне не веришь?! Но я клянусь! Думаешь, я лгу? Тогда я и лорда Бастельеро мог обмануть... Дункан! Грандсиньор Роверстан... Альс, он же нас лечил, он заглядывал в мой разум! Он видел все это в моей памяти, спроси его! Альс... Ваше величество!

Его речь звучала все бессвязнее, но сейчас Лучано совершенно не было до этого дела. Он думал, что готов ко всему, боялся, что Альс его не простит, и все же это оказалось невыносимо жутко! Хуже, чем проснуться в могиле! Хуже, чем что угодно! Потому что его сердце, вывернутое наизнанку и брошенное под ноги, даже не растоптали, а просто отодвинули ногой, словно что-то не слишком опасное, но противное.

– Дункан... – медленно повторил Аластор. – Нельзя доверять человеку, выдавшему чужую тайну. Он должен был молчать и промолчал. Значит, в нем я не ошибся. А вы, лорд Фарелл...

Он замолчал, по-прежнему не поворачиваясь.

– Запомните этот день, – уронил он наконец после невозможно долгой паузы. – Запомните как следует и учтите: если вы солжете мне снова... Даже один раз, даже в самой мелочи, даже из самых дружеских чувств, сочтя, что так будет лучше... Клянусь, я больше не стану слушать ни одного оправдания. Ни одного слова. Я не отниму у вас ни поста, ни титула, но похороню нашу дружбу так, что ее не воскресит и самый лучший некромант. Вы слышите меня, лорд Фарелл? Решайте сами, подданный вы мне или друг.

– Альс... – простонал Лучано, опуская голову. – Прости! Я виноват! Я знаю, что виноват! Но я не хотел сделать тебе больно! Я только хотел спасти Айлин. Даже не себя, Претемной клянусь!

– Будь это иначе, я бы с тобой не разговаривал, – холодно сказал Аластор и встал, в последний момент покачнувшись и схватившись рукой за спинку кресла.

– Альс! – Лучано вскочил, готовый кинуться, чтобы поддержать или броситься перед ним на колени – он сам не знал. – Что ты...

– Помолчи, – тем же холодным, как речная полынья голосом, велел Аластор. – Сейчас просто помолчи.

Дернул за шнурок и велел появившемуся пажу: – Лорда Аранвена и леди Аранвен ко мне. Сейчас же. И скажи леди, чтобы взяла все необходимое для вызова призрака.

– Да, ваше величество, – пролепетал паж и умчался так, словно за ним сам Баргот гнался.

Лучано его понимал, он и сам предпочел бы еще раз встретиться с Барготом, чем увидеть такого Аластора. Отступив к стене, он сплел пальцы, отчаянно пытаясь понять, что происходит. Альс хочет вызвать чью-то душу! Беатрис, кого же еще... Для этого он зовет грандсиньору Немайн, королевскую некромантку, а канцлер ему зачем?!

«Например, чтобы подписать одному не в меру говорливому Шипу приговор, – подумалось отстраненно, и Лучано понял, что даже не боится. Если это цена за то, чтобы Альс пришел в себя, так тому и быть. Только бы Айлин это не повредило! – вспыхнуло вдруг в его разуме гораздо живее. – Она беременна, если я... если меня казнят или станут пытаться, вдруг она это почувствует? Нет, Аластор не захочет рисковать ею. Если меня до исполнения приговора закрыть в темнице – это ведь будет безопасно, м? И отравиться нельзя... тоже из-за Айлин. И еще из-за него самого. Проклятый аркан! Неужели вместо веревки, которую бросили утопающим, он станет нашей удавкой? Не хочу! А впрочем, теперь не мне решать... Все равно люблю его, – подумал он с горечью. – И ни в чем не буду винить. Только... что он решит?! Несколько минут назад мне казалось, что я его вижу насквозь, а теперь понимаю, как это было глупо. Я совсем его не знаю! Думал, он впадет в бешенство, как тогда... с братом Айлин или синьорами на Совете... Но если это ярость, то ледяная, как самая холодная зима в Дорвенанте... Лучше бы кричал. Дал по физиономии, да хоть избил! Только не смотрел так... словно на пустое место!

Пока он думал, Аластор принялся расхаживать от стены к стене упругими короткими шагами, словно разминаясь перед поединком, и Лучано не выдержал:

– Альс, пожалуйста, не молчи! Я понимаю, что ты злишься...

– Да, – яростно бросил Альс, не переставая мерить комнату, но у Лучано сердце запело от этой злости: все лучше, чем жуткое равнодушие! – Я просто в бешенстве! Проклятье, Лу, почему ты мне не рассказал все это раньше? Если уж не до свадьбы... Хотя какого проклятого демона ты не сделал этого еще тогда?! Но хотя бы потом, когда вернулся с этих Троп, чтоб их Баргот побрал! Мне, а не Бастельеро?! Опять решил, что так будет лучше?! Но я – король, чтоб эту корону тоже Баргот побрал! Это я должен был решать, что делать, и отвечать за решение – тоже я, ясно тебе?!

– Перед свадьбой? – растерялся Лучано. – Альс, но ведь ты дал слово жениться, а я думал, что у меня получилось ее отговорить... да и что бы изменилось?!

– Что?! – рявкнул Аластор, останавливаясь и поворачиваясь к нему. – Не знаю! Может, и ничего! А может, и все! Может, я смог бы объяснить ей, что я – не ее бывший муж! Может, смог бы обезопасить вас! Может, взял бы с нее клятву, что она тебя не тронет! Показал бы ее разумникам! Дал бы ей ту проклятую клятву, о которой она молила! А теперь я никогда не узнаю, изменилось бы что-то или нет! Никогда, понимаешь?!

Лучано обреченно кивнул. И как стоял, так и стек по стене, сев прямо на ковер. Да, теперь он понимал. Сам ненавидел всю жизнь, когда за него что-то решают, оставляя это право одному-единственному человеку – мастеру Ларци. Но с чего он решил, что может выбрать за Аластора? Потому что хотел как лучше? Благими помыслами выстелена дорога в Бездну! Этого ему Альс не простит... Причем тоже – никогда. Хотя он что-то говорил про ложь, что если Лучано солжет еще раз...

Казнить, выходит, не собирается. И даже оставит при себе. Наверное. Но если в самом деле даст ему последний шанс, а Лучано упустит и его... Нет, пожалуй, Альс его действительно не убьет. Может быть, даже не прогонит. В конце концов, и лорд Фарелл и Фортунато – оба принадлежат ему! Один по решению гильдии, второй – потому что дал вассальную клятву. А главное, потому что сам обещал не покидать... Но если Аластор окажется для него не другом, а повелителем... Благие Семеро, как же страшно это будет!

Он же станет самым лучшим господином на свете! Требовательным, но бесконечно справедливым, даже великодушным... Станет давать задания, не позволять же пылиться такому

ценному инструменту как мастер Шип, а потом будет награждать за их выполнение, как одного из своих людей. Щедро награждать! Как Бастельеро после Разлома. Наградил так, что гранд-синьор, пожалуй, предпочел бы опалу, а то и более суровое наказание. Вот и с Лучано будет так же... Невыносимо даже думать!

– Прости, – выдавил он с трудом. – Я понимаю... И больше никогда... Клянусь... тобой и Айлин. Только ее не вини... Она не знала, что королева приказала во второй раз...

– А в первый – знала? – с обманчивой мягкостью уточнил Аластор, и Лучано прикусил язык, понимая, что снова сделал это поздно. Лучше бы сам зелье немоты выпил! – Она знала, зачем ты едешь с нами? Оба приказа?

– Алессандро ей рассказал, – равнодушно от чудовищной усталости отозвался Лучано, обнимая колени руками. – Помнишь моего личного призрака? Эта тварь была рядом, когда твоя... когда ее величество давала мне задание. Ну и выложил все синьорине, пытаюсь перетянуть ее на свою сторону. Да, она знала, что я должен ее убить. С самого первого дня, как мы встретились. Но... она все равно не собиралась возвращаться. И взяла с меня клятву, что я не позволю тебе умереть, когда она шагнет в Разлом. Ни от демонов, ни от своей руки, если ты сдуру решишь, что виноват. – И опять не удержался, потому что слова слетали с языка невыносимо легко, будто под зельем правды: – Хорошо она тебя знает, правда? А я вот не знал... совсем.

Неизвестно, что бы он еще вывалил мрачному, как зимнее небо, Аластору, но тут дверь наконец открылась...

– Милорд, миледи! – коротко бросил Аластор церемонно поклонившемуся канцлеру и присевшей в реверансе грандсиньоре. – Мне нужны ваши услуги. Леди Аранвен, вы можете призвать душу моей жены?

– Мне понадобится материальная связь, – невозмутимо сообщила грандсиньора некромантка. – Если позволите послать за прядью ее волос...

– Не нужно, у меня она есть.

Аластор рванул из-за воротника рубашки небольшой золотой медальон, шелкнул крышкой, протягивая. Лучано не было видно, что там, но грандсиньора Немайн кивнула.

– Этого вполне достаточно, ваше величество. – Она взяла медальон у него из рук, запустила туда пальцы и что-то пощупала: – Взято еще при жизни, я полагаю? Очень хорошо... Перейдем в другую комнату или проведем ритуал прямо здесь?

– Как можно быстрее, – бросил Аластор, наливаясь тяжелым лихорадочным нетерпением, едва ли не более пугающим, чем недавнее равнодушие. – Лорд Ангус, вы пока можете присесть. С вами я поговорю потом.

– Да, ваше величество.

Степенно склонив голову, канцлер опустился в свободное кресло у кровати, посмотрел в сторону так и сидящего у стены Лучано, однако ничего не сказал, только сложил руки на набалдашнике трости, которой уперся в пол. Лучано так же равнодушно подумал, что в Итлии в такой трости непременно прятался бы клинок, но зачем грандсиньору канцлеру такие сложности? Он словом убьет куда вернее, чем кто-то другой – рапирой. А ведь Аранвену тоже предстоит держать ответ перед Альсом... В бешенстве или нет, Аластор ничего не забывает! И вряд ли он поверит, что канцлер ничего не знал. Ох, плохо-то как! Ответить перед ним самому – это правильно! Однако подставить под его гнев самого грандсиньора Аранвена...

Тем временем королевская некромантка готовилась к вызову призрака так же размеренно и невозмутимо, как и все, что она делала. Выглядело это... благопристойно, если так можно сказать про магию, еще и подобного толка. Необходимые принадлежности почтенная дама принесла с собой в маленькой сумочке, такой же белоснежной, как и ее траурные одеяния, только расшитой жемчугом. Лучано показалось, что узор складывается в какие-то руны. Расставив по комнате семь фиолетовых свечей, грандсиньора зажгла их магическим огнем.

ком и соединила меловыми линиями, начертив сложную фигуру прямо на ковре. Линии получились едва заметные, однако грандсеньору это не смутило. Вслед за свечами из сумочки появилось несколько кристаллов дымчатого кварца и крошечная жаровенка, уже заполненная углями, которую некромантка быстро разожгла, положила на нее крошку благовония и несколько волосков. Над углями тут же поднялся тоненький дымок ладана, потом запахло паленым волосом. А некромантка что-то быстро прошептала, сделала шаг назад с напряженно застывшим лицом, и Лучано смутно удивился – это и все? Похоже, грандсеньора Немайн и вправду прекрасный мастер своего дела, потому что цену вот такой кажущейся легкости и простоте в любом ремесле он давно знал.

Несколько ударов сердца протекли в полной тишине, а потом случилось это. Не было ни беззвучного грома, ни даже порыва ветра – Беатрис просто появилась в центре звезды, и Лучано на какой-то ужасный миг показалось, что она жива! Через бесконечно долгое мгновение он понял, что смутно видит сквозь алый шелк ее платья кресло с канцлером и медленно выдохнул.

Беатрис огляделась – так растерянно, словно ее только что разбудили, увидела Аластора и, ахнув, прижала руки к лицу.

– Ваше величество, попрошу вас спрашивать как можно быстрее, – с бесподобной невозмутимостью промолвила грандсеньора Немайн, однако Лучано, готовый смотреть куда угодно, лишь бы не на болезненно искажившееся лицо Альса, заметил, как она побледнела. Нет, белоснежное лицо не изменилось, однако губы, не тронутые косметикой, словно стали еще тоньше.

– Да, миледи, – деревянно кивнул Альс, не отрывая взгляда от лица жены. – Беа... Это правда, что ты приказала Лучано Фарелли убить... леди Бастельеро?

Призрак отшатнулся так, словно его ударили.

– Леди Бастельеро? Леди Бастельеро?! – вскрикнула она гневно. – Ты думаешь о ней, а не о том, что меня убили?.. – И вдруг метнулась к самой границе звезды с невозможной быстротой. – О, ми аморе... мой Аластор... Прости! Прости меня! Да, я приказала это сделать! Мне была невыносима мысль, что ты можешь выбрать ее, ведь вы были так близки! Я все бы отдала, лишь бы быть тебе не только женой и возлюбленной, но и другом! Но... О, прости меня, молю! Я не хотела, не хотела тебя покинуть! Но эти кошмары... Мои мальчишки... Мои бедные мальчишки! Они умирали на моих глазах снова и снова, я больше не могла вынести это! Прости, ми аморе! Я любила тебя... и сейчас люблю...

– Я прощаю, – шепнул Аластор так тихо, что Лучано едва услышал эти слова. – Прощаю, Беа. Пусть тебе будет тепло в Садах. Прости и ты меня, если сможешь. Я... тоже очень тебя любил, клянусь. И не бойся, я позабочусь о девочках. Миледи...

Немайн, поняв невысказанный приказ, взмахнула рукой. Беатрис еще что-то говорила, но ее уже не было слышно – рот открывался беззвучно, а само видение поблекло, растворяясь в воздухе. Аластор не отрывал от нее взгляда до последнего мгновения, и Лучано до судорожной боли сплел пальцы, отчаянно желая помочь, но понимая, что он сейчас последний, кого Аластор хочет и может видеть.

– Благодарю, миледи, – проговорил наконец Аластор в той же полной тишине. – Ваша помощь была неоценима. Полагаю, мне нет нужды просить вас хранить эту тайну.

– Рада служить вашему величеству.

Почтенная дама снова присела в реверансе, и Аластор, вздохнув, уронил:

– Вы свободны, миледи. Лорд Фарелл, помогите...

Помочь?! О, сколько угодно! Взлетев на ноги, Лучано бросился к звезде, торопливо собрал огарки свечей, кристаллы, жаровенку... Принес грандсеньоре, и она поблагодарила его кивком, а потом положила все в сумочку и выплыла за дверь, такая же невозмутимая и величественная, как всегда.

– Милорд Ангус, что вам известно об этом деле? – повернулся Аластор к Аранвену.

Лучано затаил дыхание, ожидая ответа канцлера. Знал бы заранее, что так получится, постарался бы предупредить! Но грандсеньор отозвался совершенно спокойно, будто королевский гнев не чувствовался в спальне тяжелым предчувствием грозы:

– Полагаю, самое важное, ваше величество. Некоторые детали я мог упустить, но в целом дело состоит в том, что ее покойное величество Беатрис наняла убийцу для леди Айлин Бастельеро, своей мнимой соперницы за вашу благосклонность. Тем самым она совершила коронное преступление исключительной тяжести, поскольку убийство дамы из Трех Дюжин, вдобавок беременной наследником рода, в высшей мере непростительно и карается смертной казнью по закону о защите крови. Далее мне известно, что она собственноручно убила с помощью проклятия известного вам лорда Люциана Фарелла, который выжил только благодаря немыслимому стечению обстоятельств. Мне также известно, что лорд Фарелл предупредил лорда Бастельеро об опасности, которая угрожает его жене и еще не рожденному наследнику, после чего лорд Бастельеро наложил на вашу супругу ответное проклятие. В результате него она покончила с собой, будучи в помутнении рассудка. Согласно тому же закону, лорд Бастельеро не подлежит наказанию, поскольку защищал свой род и его продолжение. Однако если вы пожелаете дать этому делу ход...

Лучано на миг показалось, что канцлер произнес это не без тайной надежды. Интересно, почему? Хотя все просто! Его сын влюблен в Айлин, а вдова – это совсем не то же самое, что замужняя женщина. Вдова может выйти замуж во второй раз...

И снова молчание повисло в спальне удушливой пеленой. Канцлер терпеливо ждал, а Лучано и вовсе притаился у стены, боясь привлечь к себе внимание движением, словом или взглядом. Однако Аластор, едва размыкая губы, уронил, тяжело выговаривая каждое слово:

– Не пожелаю. Бастельеро защищал свою жену и ребенка, у меня нет права винить его в этом. Случись все иначе... Если бы я мог это предотвратить... Но вышло как вышло, и его казнь уже ничего не изменит. Милорд Ангус, я приказываю вам хранить молчание об этом деле. Лорд Бастельеро получает мое прощение... – Он запнулся, а потом исправился: – Нет, не прощение. Помилование. Но сам он ничего не должен об этом знать. И я клянусь всеми Благими, что это последний раз, когда я спускаю Грегору Бастельеро какую-то вину. Сегодня все счета между нами закрыты, и больше я ему ничего не должен ни за Дорвенант, ни лично за себя.

– Да, ваше величество, – склонил канцлер седовласую голову. – Какое наказание ожидает остальных участников этого дела? Признаю, что совершил непростительный поступок, скрыв от вас правду, и не смею оправдываться.

– Перестаньте, милорд, – поморщился Аластор. – Что мне вас, казнить, что ли? И с кем я останусь? С Логрейном и Сазерлендом? Считайте, что тоже помилованы. Но на тех же условиях! Как и лорд Фарелл!

Он коротко глянул в сторону Лучано, у которого закололо где-то внутри. Опять лорд Фарелл! Как чужака! А вдруг теперь только так и будет?! С другой стороны, раз уж он помиловал Бастельеро... Значит, все понял, верно?! То, что это последнее помилование, грандсеньор некромант, в отличие от них с канцлером, не знает. И это важно. Насколько Лучано известен характер Альса, узнает об этом Бастельеро, лишь когда королевский гнев обрушится на него при следующем проступке самой тяжелой мерой.

– Да, ваше величество, – снова кивнул Аранвен не благодаря, но очень почтительно.

– Ступайте, – велел Аластор, тяжело вздохнув и садясь в кресло, скорее даже оседая. – Не беспокойтесь, я... не натворю никаких глупостей. Пришлите лейб-лекаря, пусть даст снотворное, а завтра... вернемся к делам.

– Ваше величество!

Поклон канцлера, вставшего из кресла, был очень низким и... благоговейным, другого слова Лучано при всем желании не смог бы подобрать. Более подходящего мгновения ждать не

стоило, и Лучано тоже шагнул от стены, подхватил Перлюрена, который незаметно выбрался из-под кровати и теперь внимательно нюхал испачканный мелом ковер.

– Монсиньор, – сказал Лучано тихо и очень ровно, – надеюсь, завтра вы уделите время и мне? Главарь разбойничьей шайки сегодня вечером будет допрошен. Однако уже нет сомнений, что лорд Логрейн, опекун своей племянницы Клариссы, виновен во множестве преступлений...

– Завтра, – согласился Аластор. – Жду вашего подробного доклада, лорд Фарелл. – И добавил, пока у Лучано тревожно и болезненно тянуло внутри от этого обращения: – Кстати, я получил письмо из Итлии. Мой бывший тесть желает видеть тебя и просит нанести ему визит как можно скорее. К этой просьбе присоединяется его высочество Джанталья, который гостит у Риккарди... Странное письмо. Теперь я думаю, что тебе лучше не ехать. Я найду для Риккарди причину тебя не отпустить.

«Нужен! – возликовало глупое измученное сердце, тут же пустившись в радостный галоп. – Я ему все-таки нужен! Не гонит, не отпускает и даже готов защищать! О Всеблагая, за что мне столько милости! И каким же я буду мерзавцем, если в благодарность поссорю его с Риккарди?!»

– Я думаю, – осторожно сказал он вслух, – их высочества торговых принцев интересует... не это дело. Джанталья в нем и вовсе ни при чем. Полагаю, речь пойдет об одной истории, которую я рассказал им во время прошлого визита. Это дело гильдии, к Дорвенанту оно не относится совершенно. А вот если я не поеду, Риккарди может заподозрить неладное. Лучше дать ему то, что он хочет, это гораздо безопаснее.

– Хорошо, сам решай, – устало бросил Аластор и откинул голову на высокую спинку кресла. – Но помни, что я тебе говорил. Друг или подданный – выбирать только тебе.

Слова застряли в горле, и Лучано только поклонился, прежде чем выйти, прижимая к себе Перлюрена.

Глава 8

Тайны Логрейнов

– У вас чудесный дом, лорд Бастельеро, – прошептала леди Логрейн, приседая в реверансе. – Так уютно и изысканно!

– Благодарю, миледи, – откликнулся Грегор. – В этом заслуга моей дорогой супруги.

И с трудом удержался от легкой гримасы. Все время до приема Айлин вдвоем с сударыней Арментрот украшали особняк, как праздничное дерево. Благородные темно-фиолетовые драпировки сменились на светло-лиловые, перехваченные золотистыми лентами, и темно-зеленые, цвета мха. В малой гостиной появились странные букеты – не из пышных роз или модных чинских хризантем, а из вереска! Да кто вообще украшает дом вереском?! Еще госпожа Арментрот привезла новые шторы – не из тяжелого гладкого шелка, спадающего ровными складками, а легкие, почти невесомые, присборенные и украшенные пышными бантами. Цвет, правда, остался тем же, светло-серебристым, однако смотрелась ткань совершенно иначе, да и в комнатах посветлело. Словно этого было мало, свет магических ламп сменился с чисто-белого на бледно-золотой, причем о последнем Айлин просила лично Грегора. Видит Благая, он рад был оказать жене такую мелкую, но приятную им обоим услугу, однако если бы лампами все ограничилось!

Чем дальше заходили преобразования, тем сильнее Грегору казалось, что знакомый с детства дом, где ему был известен каждый уголок, становится каким-то... неправильным. Нет, он все равно не походил на особняк Ревенгаров, Аранвенов или, к примеру, Эддерли, ничего общего! И все-таки со сменой обстановки исчез присущий родовому гнезду строгий сдержанный дух, а на смену ему пришло некоторое... легкомыслие.

Грегор уговаривал себя, что ему должно быть приятно, ведь таким их общий дом сделала Айлин, однако внутри то и дело тянуло разочарованное недоумение: чем ей не нравилось, как особняк выглядел раньше? Последний раз его перedelывали еще при жизни деда, а у Стефана был отменный вкус. Ничего лишнего, ничего вульгаритэ, как говорят фраганцы. Возможно, обстановку следовало обновить по старому образцу, но зачем же что-то менять?

И напоследок, при обсуждении торжественного обеда, из кухни изгнали повара, дав ему отпуск, а его место занял привезенный сударыней Арментрот немолодой арлезиец, который принялся распоряжаться кухонной прислугой, словно в собственном доме. Об этом Грегору сообщил дворецкий, изо всех сил соблюдающий должную невозмутимость и все же заметно возмущенный.

Грегор и сам готов был возмутиться, но Айлин с таким очаровательным простодушием объяснила, что новый лорд Логрейн – арлезиец, а значит, будет хорошим тоном устроить обед в арлезийском стиле, что Грегор махнул рукой. Пусть делает, что пожелает. Это же прекрасно, что она увлеклась домашними заботами, как и подобает леди! Пусть меняет шторы, драпировки и ковры, покупает новую посуду, если ей чем-то не нравится старая, пусть составляет букеты хоть из вереска, хоть из пурпурного упокойника! В конце концов, если леди Бастельеро считает это красивым, так оно и есть! Лишь бы ее глаза светились, как светятся сейчас, а щеки оставались розовыми...

Ради этого Грегор как можно глубже загнал недовольство новой обстановкой и бесцеремонностью сударыни Элоизы, даже выразил ей как можно любезнее свою благодарность и предложил возместить расходы. Однако дражайшая родственница еще любезнее заверила, что не стоит об этом говорить. Она, мол, счастлива оказать услугу любимой племяннице и любые расходы предлагает считать подарком на близкое Солнцестояние. Грегору пришлось поблагодарить еще раз, хотя лично он предпочел бы расплатиться по счетам, а потом, через некоторое

время, предложить Айлин вернуть прежнюю обстановку. Стоит ли вообще так стараться ради всего лишь одного обеда?

Впрочем, глядя на восхищение юной леди Клариссы и одобрительный интерес других дам, Грегор почувствовал, что почти рад обновлению особняка. И даже гостям благодарен за то, что их появление вывело Айлин из уныния, которым она страдала последний месяц.

– О, я так мечтала познакомиться с вашей женой! – Кларисса Логрейн улыбнулась, показав очаровательные ямочки, и обратилась к своему мужу, который заботливо поддерживал ее под руку: – Представляешь, дорогой, леди Бастельеро, тогда еще леди Ревенгар, вместе с его величеством спасла Дорвенант! А может, и другие земли, ведь порождения Бездны не оставились бы... Ах, я так восхищаюсь ее подвигом! Столько верности, благородства, отваги! Милорд Бастельеро, вы счастливец!

– Я тоже так думаю, миледи, – поклонился Грегор и про себя подумал, что Кларисса Логрейн очень странно воспитана, если считает великим достоинством его жены то, за что в обществе принято осуждать. Нет, разумеется, она права! Айлин действительно совершила великий подвиг! Только вот Грегор предпочел бы, чтобы его жене как можно меньше напоминали о тех ужасных временах. А Кларисса... Собственно, чего и ждать от девицы, которая сняла своего будущего мужа с виселицы? Контрабандиста! Разбойника! Еще и арлезийца!

– Женщины Дорвенанта восхитительны, – согласился этот самый арлезиец. – Право, если бы я раньше знал, что найду здесь такое счастье, я бы поторопился навстречу ему.

И он поднес руку своей жены к губам, а Кларисса бросила на супруга кокетливый взгляд из-под густых ресниц, и ямочки на ее щеках обозначились еще сильнее.

«Иными словами, постарался бы как можно быстрее оказаться на виселице? – усмехнулся про себя Грегор. – Удивительно, что король, как намекнул Аранвен, намерен подтвердить этот брак и сохранить за новоявленным Логрейном все права. Каэтано Логрейн! Подумать только! А виноват, между прочим, болван Логрейн-старший! Выполняя он обязанности опекуна как положено, представил бы племянницу ко двору и постарался найти ей достойного мужа!»

– Прошу в столовую, миледи, милорды, – снова поклонился он, а потом постарался проявить учтивость: – Я слышал, милорд Логрейн, вы моряк? Жаль, что у Дорвенанта нет своего флота, ваш опыт был бы оценен по достоинству.

– Мне тоже искренне жаль, м-милорд, – отозвался арлезиец, едва заметно запнувшись на учтивом обращении. – Море – моя страсть, я не хотел бы разлучаться с ним надолго. Хотя это решать моей донне, – и он вернул жене страстный взгляд.

«Еще бы, – снова усмехнулся про себя Грегор. – Как бы этот арлезиец ни любил море, но быть полунищим капитаном одного-единственного корабля, еще и не в ладах с законом – совсем не то же самое, что стать мужем леди из Трех Дюжин. Впрочем, возможно, он искренне увлечен, эта юная Логрейн и в самом деле прехорошенькая».

Предложив по обязанности хозяина руку леди Аранвен, он проводил гостей в столовую, сияющую праздничными огнями. Айлин, которой этикет позволял не встречать гостей в холле, снисходя к ее положению, уже была там. Приняв поклоны от мужчин, она, в свою очередь, сделала безупречный реверанс, а потом очень искренне и мило улыбнулась Клариссе, которую представила леди Эддерли:

– Я так рада знакомству, миледи!

– О, я тоже! – вскрикнула юная леди Логрейн, распахнув огромные зеленые глаза и глядя на Айлин с восторгом. – Вы... совсем не такая! – И тут же опомнилась! – О, простите! Я имела в виду, вы не такая, как я представляла, но намного лучше. Я думала, что героиня Дорвенанта – это что-то очень...

– Монументальное? – лукаво улыбнулась Айлин.

Леди Кларисса пару мгновений смотрела на нее с изумлением, потом хихикнула, прикрыла лицо веером, снова убрала его и призналась:

– Что-то вроде того. А вы такая... такая милая... Правда же, Каэтано? Леди Айлин такая красавица, гораздо лучше меня!

– Благородная донна Бастельеро обворожительна, – подтвердил арлезиец и поцеловал Айлин руку – очень изящно и сдержанно, выказывая на удивление хорошие манеры. – Однако позвольте мне вас не сравнивать. Как можно выбрать между розой и лилией, когда обе прекрасны по-своему? А я сегодня попал в прекраснейший цветник!

И он обвел выразительным взглядом всех четырех дам, так что губы Немайн Аранвен тронула понимающая улыбка, а леди Эддерли рассмеялась и негромко проговорила:

– Ах уж эти арлезийцы. Айлин, девочка моя, вы сегодня чудесно выглядите. После обеда я вас осмотрю, хотя не думаю, что в этом есть необходимость – румянец говорит сам за себя.

– Да, миледи, – отозвалась Айлин и с достоинством пригласила: – Прошу к столу. Милорд мой супруг...

Оставив Немайн Аранвен ее мужу, Грегор поторопился провести жену к стулу и с удовлетворением подумал, что прислуга исполняет обязанности должным образом. Столовое серебро и бокалы сияют, скатерть накрахмалена так, что складками можно порезаться, фамильный сервиз Бастельеро в сиренево-синих тонах идеально сочетается с букетиками вереска в низких вазочках – кто бы мог подумать! Закуски тоже хороши, хотя выглядят непривычно. Интересно, какие блюда Айлин выбрала, чтобы блеснуть в арлезийском стиле?

Супы и закуски уже стояли на столе, а теперь слуги начали вносить горячее, благоухающее пряностями мясо, потом большое блюдо, при виде которого он едва сдержал неприятное изумление. Это еще что за кадавр?! Огромная рыба, плоская и круглая, словно тарелка, и покрытая запеченной корочкой сливочного соуса, тарасилась с фамильного фарфора сразу двумя глазами, неестественно расположенными на верхней стороне головы...

– О, камбала, – одобрительно сказала Немайн Аранвен. – В это время года настоящая редкость. В честь нашего арлезийского друга, не так ли?

– Какой прекрасный экземпляр! – восхищенно отозвался новоявленный Логрейн, глядя на чудовищную рыбу с умилением, как на добрую старую знакомую. – Вы же знаете, камбала тем вкуснее, чем крупнее! А это... неужели мурены?!

Только сейчас Грегор рассмотрел, что эту... камбалу окружают со всех сторон узкие длинные рыбы с не менее уродливыми головами, похожие на змей. Нет, в Дорвенанте тоже ловят угрей, но угри – пища простонародья, а это... Это вообще можно есть?!

– Неужели ваш повар – арлезиец? – приятно изумился Каэтано Логрейн и добавил то, что Грегора отнюдь не порадовало: – Только в Арлезе умеют готовить мурен так, чтобы это было безопасно. Хотя, конечно, вкус их мяса стоит некоторого риска.

– Их совершенно точно готовил арлезиец, – уверила Айлин. – Мы хотели напомнить вам о родине, милорд. Но если кому-то не нравится рыба, вот седло барашка с ароматическими травами.

– И вправду, совершенно как дома! – восхищенно сказал арлезиец, втянув ноздрями запахи, идущие от блюд. – Благодарю вас, прекрасная донна!

«Надеюсь, есть этих рыбных кадавров он будет сам, – желчно подумал Грегор. – Айлин к муренам не притронется! Если понадобится, я сам ей об этом скажу, и плевать на этикет!»

И содрогнулся, увидев, что она с интересом присматривается именно к ним.

– Попробуйте камбалу, дорогая, – невозмутимо посоветовала леди Немайн. – Когда я носила Дарру, это была единственная рыба, которая не вызывала у меня отвращения. К тому же она полезна, не так ли, Мариан?

– Исключительно! – подтвердила леди Эддерли, глядя на рыбу с алчностью, недостойной благородной дамы. – А я, пожалуй, отведаю мурен! Говард, дорогой, а ты что будешь, рыбу или мясо?

– С удовольствием отдам должное и тому и другому, – заулыбался Эддерли-старший. – Люблю разнообразие! – И добавил, хитро усмехаясь: – Почти во всем. С тех пор, как женился на моей дорогой Мариан, разнообразие в женщинах мне уже недоступно, сами понимаете.

– Ну что ты, дорогой, разве я запрещаю? – насмешливо пропела леди Эддерли. – Просто учти, что излишнее разнообразие в твоём возрасте уже небезопасно. Это я тебе как целительница говорю!

Лорд Эддерли расхохотался первым, за ним рассмеялся арлезиец, хихикнула юная Кларисса, и на губах Аранвенов появились совершенно одинаковые сдержанные усмешки. Улыбнулась и Айлин – смущенно, застенчиво, но так мило, что у Грегора дрогнуло сердце от нежности, восхищения и желания уберечь ее, сделать для нее что-нибудь такое... такое... чтобы ее любовь к нему, в которой и так невозможно было сомневаться, стала еще ярче и яснее. И тогда все у них будет хорошо, несмотря на мелкие глупые разногласия или даже серьезные ссоры вроде той, после ночной поездки во дворец. Неважно! Вдвоем они преодолеют что угодно и обязательно будут счастливы!

Тем временем обед шел своим чередом. Из первых блюд подали густой рыбный суп и мясную похлебку из зайчатины со спаржей. Седло ягненка, очень нежное и аппетитное, пришлось Грегору по вкусу, и ему было бы гораздо спокойнее, отдай Айлин предпочтение этому блюду. Однако она выбрала рыбу... как же ее... камбалу! И даже отщипнула крошечный кусочек мурены, отчего Грегор напрягся, но к тому времени страшную змеевидную рыбу отведали уже все за столом, и арлезиец авторитетно подтвердил, что приготовлена она по всем канонам.

За горячим последовали паштеты, маринованные и свежие овощи, крошечные мясные рулеты, разнообразные сыры и прочие закуски. Айлин пробовала всего понемножку, и Грегору нарадоваться не мог, слушая, как она болтает с Клариссой Логрейн и старшими дамами о всяких пустяках вроде новых штор, моде на фраганские безделушки и даже не совсем женские темы вроде лошадей. Леди Логрейн оказалась страстной охотницей и, узнав, что Айлин владеет арлезийской кобылой, немедленно поинтересовалась, какова та в преследовании дичи. Грегору про себя поблагодарил богов, что в столовую не проскользнуло умертвие, иначе, пожалуй, и оно стало бы предметом обсуждения.

Сам он выполнял долг хозяина, занимая легкой беседой мужчин и гадая, зачем гости приехали. Аранвен хранил на этот счет полное молчание, следовательно, тема была далека от приличного застольного разговора, но держался доброжелательно и учтиво. Конечно, Грегору это не обманывало: точно с такой же любезной улыбкой канцлер и попросит перец, и вытаскает приказ о взятии лорда Бастельеро под стражу за убийство королевы. Но зачем ему тогда Эддерли и Логрейн?

После горячих и холодных основных блюд он ждал, что на столе появятся десерты, однако Айлин мило улыбнулась и предложила перейти в гостиную, сообщив, что шамьет и сладкое подадут туда. Похоже, это было еще одной особенностью арлезийского застольного этикета, потому что лорд Логрейн кивнул с полным пониманием и поспешил встать, чтобы подать руку супруге. И действительно, стоило разместиться в парадной гостиной, как прислуга мгновенно принесла и расставила на столе странного вида сладости. Никаких привычных пирожных, муссов и желе, вместо них горки крошечных золотистых кусочков теста, политые медом, куски белой рыхлой массы с вкраплениями орехов, полупрозрачные цветные кубики и что-то, напоминающее леденцы... Знакомым было разве что вино, поданное для мужчин, а вот шамьет выглядел странно.

– Шоколад! – выдохнул арлезиец, взирая на стеклянный кувшин почти так же страстно и нежно, как на собственную жену. – Как я по нему скучал! Здесь, в Дорвенанте, его то ли не любят варить, то ли просто не умеют.

– Этот повар умеет, – заверила Айлин, сияя от законной гордости хозяйки, которой удалось порадовать гостя. – Он варит несладкий шоколад с пряностями, как раз как мы с тетуской любим.

Она разлила еще дымящийся напиток, и Грегор сделал глоток из вежливости. Совершенно непонятно, о чем столько разговоров, но с этими южными новинками всегда так. Когда все отведали шоколад со сладостями и расхвалили десерт, канцлер, сделав последний глоток, поставил свою чашку на стол и церемонно сказал:

– Миледи Айлин, милорд Грегор, ваше гостеприимство выше всех похвал. Увы, причина, которая нас привела сюда, не позволяет и дальше отдавать должное угощению и беседе. Я прошу прощения, что речь пойдет о событиях весьма печальных, даже трагических.

– Милорд канцлер, – нахмурился Грегор. – Вы уверены, что моя жена...

Он выразительно покосился на Айлин, которая притихла и даже руки сложила перед собой, как примерная ученица.

– Предоставлю вам самому это решать, милорд, – с достоинством ответил Аранвен. – Но сначала позвольте изложить наше дело...

Продолжая хмуриться, Грегор откинулся на спинку кресла и выслушал неторопливый рассказ канцлера о расследовании по делу Логрейнов. Принуждение к браку? Растрата денежных средств опекаемой сироты? Что ж, это позорно, однако в истории Трех Дюжин бывало. Но Аранвен подозревал Логрейна-старшего в куда более страшном преступлении – убийстве супруги и наследника главы рода, своего старшего брата. Если это подтвердится, о помиловании даже речь идти не может! Неужели Логрейн настолько жадный и при этом безмозглый мерзавец? Или он рассчитывал, что военные действия и отдаленность от столицы скроют что угодно?!

– Так вы хотите, чтобы я попробовал призвать душу молодого лорда Логрейна и его матери? – уточнил он.

– Именно так, – со вздохом подтвердил Эддерли и признался: – Не далее как сегодня мы с дорогой Немайн изо всех сил пытались это сделать. Увы, даже мне, мастеру призраков, эти бедные души не отозвались. Сами знаете, такое редко, но бывает.

И он развел руками, а Немайн величественно склонила голову, подтверждая слова магистра.

Ну, в том, что души лорда и леди Логрейн не пришли на зов леди Аранвен, Грегор не видел ничего особенного. Она, кажется, ритуалистка, и довольно сильная, раз уж канцлер назначил ее королевским некромантом, а лорд Эддерли не увидел в этом ничего возмутительного. Во всяком случае, магистр и раньше отзывался о Немайн Аранвен с почтением. Однако призыв души – особое искусство, требующее такой же специализации, как и проклятия. Грегора куда больше удивило, что это не вышло у Эддерли!

– Физическая основа? – уточнил он.

– Волосы и частицы костей, – спокойно сообщила Немайн. – Тела оказались сильно изуродованы, однако их опознали доверенные слуги и сам Логрейн-старший, а потом останки были захоронены в семейном склепе. Сегодня ночью их доставили оттуда порталом, и я попросила лорда Говарда помочь расследованию, когда поняла, что моих возможностей не хватает.

Грегор краем глаза увидел, как леди Кларисса вцепилась в свою чашку побелевшими пальцами, и мимоходом посочувствовал бедняжке. Для непосвященных разговоры некромантов часто неприятны и пугающи. А вот Айлин держалась прекрасно, она внимательно слушала, а потом участливо накрыла ладонью свободную руку сидящей рядом с ней Клариссы.

– Я уверен, вы сделали все необходимое, – ответил он. – Чем же я могу помочь?

– Вы Избранный! – В голосе Эддерли слышалось вполне понятное волнение. Старшие Логрейны, насколько помнил Грегор, были его друзьями, а мать леди Клариссы еще и родственницей. – Возможно, Претемнейшая окажет вам особую милость! Прошу, попробуйте!

– Я к вашим услугам, – просто сказал Грегор, наткнувшись на умоляющий взгляд Клариссы. В глазах юной леди стояли слезы, и он увидел, как вторую ее руку молча взял арлезиец. – Не могу ничего обещать, но приложу все усилия. Прошу, пройдемте в ритуальную комнату. Леди Логрейн, возможно, вы предпочтете остаться здесь? – предложил он без особой надежды. – Призыв души не всегда приятное зрелище, а моя жена могла бы составить вам компанию...

– Милорд Бастельеро, это же мои брат и матушка! – вскинулась девчонка, упрямо сверкая фамильными зелеными глазами. – Если у вас получится их позвать... Я рада увидеть их любимыми, понимаете?! И я... хочу знать правду. Я столько лет ждала этого!

– Понимаю, миледи, – кивнул Грегор. – Айлин, дорогая, а вы...

– Милорд супруг, вы же не думаете, что я испугаюсь призраков? Я некромантка! К тому же с нами леди Эддерли. Пожалуйста, миледи, скажите, что мне это не повредит!

Если бы сейчас пожилая целительница отсоветовала его жене смотреть на ритуал, Грегор простил бы Саймону свои преподавательские заботы и неприятности за все годы кураторства. Увы, Мариан Эддерли преспокойно кивнула. Что ж, двое Логреинов – это совсем не те толпы яростных призраков, что напугали Айлин в доме Аранвенов, да и он будет рядом.

– Тогда прошу, – со вздохом согласился Грегор.

Ритуальная комната в особняке Бастельеро располагалась в подвале, как и положено. Рядом с ней была лаборатория, и, пока Айлин с гостями полукругом рассаживались у стены на стульях, которые торопливо принесли слуги, Грегор взял из лаборатории все необходимое. Быстро начертил звезду призыва, расставил концентрирующие кристаллы и зажег благовония. Немайн Аранвен извлекла из сумочки небольшую шкатулку и подала Грегору. Внутри в разных отделениях лежали две пряди волос и кусочки черепной кости, очищенные от остатков плоти.

– Слева – леди Логрейн, справа – ее сын, – подсказала леди Немайн.

Кивнув, Грегор установил шкатулку в центр звезды, не став разделять останки. Если души явятся, они могут сделать это и вместе. Следом за частицами тел почтенная дама передала ему записку с полными именами покойных. Взяв листок, Грегор шагнул к звезде, как всегда в таких случаях испытывая легкое тоскливое недоумение хрупкостью жизни. Две строчки на бумаге, волосы и кости – вот и все, что осталось от двух людей, которые жили, чего-то хотели, кого-то любили... Некроманты, как никто, понимают мимолетность человеческого существования, но каждый должен уходить в свой срок. Притом, если бы леди Кларисса не лишилась матери и старшего брата, ее жизнь могла бы сложиться совсем иначе.

Словно отвечая на его мысли, молодая наследница рода плотнее сжала губы, пытаясь сохранить хладнокровие, и прижалась к супругу, который обнял ее за плечи, будто пытаясь защитить. Обе старшие четы сохраняли полнейшее хладнокровие, впрочем, это как раз понятно. Профан среди них только канцлер, а его вряд ли вообще можно чем-то напугать. Уж точно не обычным некромантским ритуалом, к тому же в присутствии Архимага и магистра Фиолетовой гильдии. Айлин же подалась вперед, блестя глазами и жадно всматриваясь во все, что он делает.

– К милости Претемнейшей моей Госпожи прибегаю... – начал читать Грегор форму призыва, и намертво впечатанные в памяти слова привычно зазвучали в пустом гулком пространстве ритуальной комнаты, отражаясь от стен и потолка. – Мирабелла Розамунда Кларисса Летиция Логрейн, приди ко мне! Эмерик Артур Себастьян Дорс Логрейн, приди! Придите на мой зов, заклинаю вас милостью Претемной Госпожи!

Он влил в слова столько силы, что язычки пламени над свечами качнулись, будто от ветра, и тени заплясали по стенам и потолку. Отклика не было. Грегор принялся читать формулу снова, наращивая вложенную мощь на каждом слове. В комнате уже было трудно дышать от магии, свечи трещали, сгорая куда быстрее обычного, воздух над ними плыл и мерцал от жара...

– Приди! – выдохнул Грегор, поднимая руку. – Приди! Именем Претемной Госпожи!

Пустота. Темная безмолвная пустота была ему ответом. Грегор закусил губу, злясь и стыдясь одновременно. Конечно, души не обязаны являться на зов, хотя чаще всего не отказываются это сделать. Зачем им отказываться? В Претемных Садах время бесконечно, можно выделить малую часть, чтобы вернуться в мир живых, ответить на вопросы и самим что-то узнать...

Бывает, что душа не хочет возвращаться даже ненадолго, тогда сила некроманта принуждает ее, вытягивая из Садов, заставляя прийти. Но это совершенно другое ощущение! Борьба, преодоление... Сейчас, Грегор готов был поклясться, ему не отвечал вообще никто, словно Логрейнов не было в Садах. Но не могут ведь они быть живы! А останься они в этом мире, появились бы все равно, потому что на призраков этот призыв действует еще лучше. Что же там случилось, на этой проклятой лесной дороге?! Похоже, Логрейн-старший не зря не боялся разоблачения!

– Придите! – выкрикнул он, уже понимая, что никто не отзовется, и досадливо дернул уголком рта.

Взглянул поверх звезды на молчащих зрителей и раздраженно бросил:

– Прошу прощения... Не понимаю, что это за аномалия!

– Вот и у нас с Немайн было то же самое, – отозвался лорд Эддерли так сочувственно, что это разозлило еще сильнее. – Никакого отклика. Будто живого человека призвать пытаешься, но это ведь невозможно!

– А вдруг? – прошептала Кларисса. – Лорд Бастельеро, лорд Эддерли, вдруг мои родные живы? Вдруг дядюшка не смог поднять на них руку, и они где-то...

Ее голос сорвался на всхлип, и все с жалостью посмотрели на бедняжку. Даже Грегор ощутил, как сочувствие стирает злость от неудачи.

– Моя дорогая девочка, – удивительно ласково сказала всегда сдержанная леди Немайн. – Если дознание найдет хоть какой-нибудь след, разумеется, мы пройдем по нему до конца, но вы же понимаете, надежды очень мало.

– А можно... можно мне попробовать? Милорд... Грегор! – выпалила вдруг Айлин так жалобно и жадно, что Грегор только вздохнул.

Бедная девочка, как нелегко ей носить ограничители! Правда, она упоминала, что видела призраков без всякой магии, но сейчас ей видеть попросту некого. Впрочем, даже не будь ограничителей, не думает же Айлин, что сможет преуспеть там, где потерпели поражение Избранный Претемной и мастер призраков?

Что ж, если его жене так хочется, нет ни одной причины запретить ей подобную мелочь. В конце концов, Эддерли и Аранвен должны понимать, что у беременных могут быть капризы, не так ли? К счастью, обе старшие четы знают, что Айлин способна видеть призраков даже в браслетах, и эта просьба их не удивит. А Логрейны – профаны, так что ничего не поймут.

– Разумеется, дорогая! – ласково заверил он, взглянул на гостей, призывая их проявить снисхождение к столь невинному капризу, и нахмурился.

Магистр Эддерли и Немайн Аранвен едва заметно подались вперед, глядя на Айлин словно на выпускном экзамене. Канцлер, напротив, откинулся на спинку стула, и на его лице отразилась живейшая заинтересованность.

Вместо того чтобы встать и подойти к звезде для призыва, Айлин нахмурилась, сосредоточенно глядя перед собой, шевельнула губами, что-то беззвучно шепча, и вдруг выдохнула:

– Он пришел! Милорд Логрейн пришел... только он не может проявиться!

– Простите, что? – растерялся Грегор, и его окатило стыдом.

Зачем она лжет?! Вот так вот заявить, что здесь призрак, которого она даже не призывала? Просто... позвала? Или что она там шептала... Как нелепо, неудобно и некрасиво... Впрочем, сейчас он извинится, и все поймут, ведь бедная девочка так переживает ограничение дара...

– Можно влить в звезду немного силы? – звенящим напряженным голосом обратилась Айлин к Немайн Аранвен и лорду Эддерли, сидящим рядом. – Прошу вас!

– Да-да, конечно! – торопливо отозвался Эддерли, и они с Немайн протянули руки так слаженно, словно долго работали в паре.

Тугая прохладная волна силы пронеслась мимо, ее-то Грегор прекрасно почувствовал. И закусил губу изнутри, чтобы подступающий гнев не подсказал что-нибудь такое... Что потом очень сложно будет объяснить. Он и сам бы влил силу в звезду, если бы посчитал это необходимым! А эти двое ведут себя так, словно и правда ждут какого-то эффекта. От Айлин! Не от него, хозяина дома! Единственного, кто может здесь распоряжаться и...

Воздух над звездой замерцал, уже почти погасшие свечи вспыхнули, и над полированными плитами черного мрамора возникло слабое сияние, которое соткалось в человеческую фигуру. Дорожная одежда, заплетенные в короткую косу волосы, лицо, которое Грегор никогда не видел вживую, но никому, кроме Логрейнов, оно принадлежать не могло...

– Эмерик! – вскрикнула Кларисса и кинулась к звезде – арлезиец едва успел поймать ее в охапку. – Братец! Ты... Ты... Пусти меня, Кай!

– Дорогая, это неразумно! – отчеканила Немайн, сделав быстрый жест – между несчастной юной леди и звездой призыва тут же возникла пленка щита. – Ты же не хочешь, чтобы он снова исчез? – И тут же смягчила тон: – Бедная моя девочка, ну-ну, возьми себя в руки, прошу... У нас мало времени.

Время?! О каком времени может идти речь? Откуда тут взялся призрак и... Грегор, оторвавшись от полупрозрачного наследника Логрейнов, взглянул на Айлин. Она смотрела на призванную душу и... улыбалась. Ярко, счастливо, торжествующе! Совсем как раньше, когда давала особенно блестящий ответ или образцово исполняла заклинание. У нее получилось! Но... это невозможно!

Грегор шагнул к жене, но она бросила на него быстрый извиняющийся взгляд, чуть заметно покачала головой и продолжила всматриваться в Логрейна-младшего, словно удерживая его на невидимой привязи.

– Эмерик! – снова всхлипнула Кларисса, и призрак потянулся к ней, отпрянув у самой границы звезды, виновато выдохнул:

– Клари! Сестричка... Прости...

Эддерли с Немайн продолжали вливать силу в звезду, и Грегор, спохватившись, плеснул туда своей. Линии, прочерченные на полу, вспыхнули ярче, а призрак уплотнился, набрал красок и объема.

– Милорд Логрейн, – вмешался канцлер. – Прошу прощения, но дело не терпит отлагательства. Мы потревожили вас, чтобы узнать обстоятельства вашей смерти. Вашей и леди Логрейн...

– Матушка жива! – возразил ему призрак, и все, кто был в комнате, замерли от изумления, включая Грегора. – Ее нет в Садах. И рядом со мной ее тоже нет, а я столько скитался... О, вы же лорд-канцлер, верно?! Я все расскажу, только... – Он снова взглянул на сестру и с бесконечной нежностью попросил: – Не плачь, Клари, милая... ты же видишь, смерть – это не конец. Мы еще встретимся, только не торопись... А кто это рядом с тобой? – Он нахмурился, вглядываясь в арлезийца, который полуобнял юную леди – по ее лицу текли слезы, но даже плакать Кларисса старалась беззвучно, не отрывая испуганно жадного взгляда от лица брата. – Он тебя обнимает! – И сделал безошибочный вывод: – Твой муж? И кто этот достойный человек?

– Дон Каэтано Мурилья к вашим услугам! – лязгнул напряженный голос арлезийца. – Рад приветствовать брата моей донны! И заверяю, что моя жизнь принадлежит ей.

– Смотрите же, – просто ответил призрак. – Если что, дождусь и спрошу за все даже в Садах. – И снова обратился к сестре: – Не плачь, Клари. Какой красавицей ты выросла...

– Милорд Логрейн, – напомнил канцлер. – Время... Правосудие просит вас указать, кому принадлежит тело, найденное в карете Логрейнов. Вам или кому-то еще? Куда исчезла ваша матушка? Что вы можете рассказать о своих убийцах?

Едва оправившись от изумления, Грегор поспешно подошел к Айлин, встал рядом. Что она делает? Как? И... не может ли это ей повредить?! Но Айлин выглядела совершенно здоровой и бодрой, ее глаза горели, а щеки покраснелись...

– Среди них был мой кузен! – яростно взметнулся под своды комнаты голос Эмерика Логрейна. – Я узнал эту тварь! Они убили меня, милорд! Напали из засады, куда нас привез кучер. Он был с ними в сговоре, но рассчитались с ним ударом ножа. Я помню, как мы отбивались, как я увидел кузена, который ждал в стороне... А потом я умер и... не знаю, что случилось с матушкой. Но ее души рядом не было! Я ждал Провожатых, рядом был слизняк-кучер, он молил о прощении, потом исчез... А я остался! И видел, как эта тварь, дорогой родственничек, что-то бросил на мое тело. Какой-то лоскут... Он задымился, и я... со мной что-то случилось. Провожатый искал меня, но не увидел, а я не мог откликнуться! Я не мог найти дорогу ни домой, ни в Сады, ни в одно место, где бывал раньше! Я хотел добраться до лорда Эддерли, рассказать обо всем... Но тоже не смог! Вокруг постоянно был туман, и я... терялся в нем, как только пытался что-то сделать!

– Аркан Серых Уз, – очень четко произнесла Немайн Аранвен – первая из всех некромантов, и мгновением позже Грегор с лордом Эддерли разом выдохнули:

– Серые узы! Претемная, какой ужас!

Айлин только непонимающе хлопала глазами, на ее курсе эту мерзость еще не проходили.

– Так вот почему он не боялся, – процедил Грегор, мечтая дать волю ярости, но, увы, преступника здесь не было. – Он опутал беднягу Серыми Узами! И Логрейн-младший блуждал между мирами, не способный вырваться или позвать на помощь! Он мог блуждать так вечно!

– Пока эта юная мэтресса не позвала меня, – подтвердил призрак и с глубочайшей почтительностью поклонился Айлин. – Миледи, в этом мире и в Садах, если смогу туда попасть, я ваш должник. Сестра, завещаю этот долг и тебе с мужем! Будь благодарна той, кто дал мне надежду на покой и справедливость!

– Буду... – всхлипнула Кларисса. – Обязательно буду... Братец, как же ты... Как матушка...

– Найдите ее, милорды! – Логрейн-младший обвел всех, кто был в комнате, требовательным взглядом. – Пытайте эту сволочь, моего дядюшку! Он должен знать правду! Милорд канцлер, моих показаний достаточно?! Я вижу здесь троих из Трех Дюжин, не считая сестры с ее мужем. При свидетелях клянусь, что сказал правду! Мой кузен участвовал в моем убийстве!

– Не тревожьтесь, мальчик мой, – заверил его Эддерли дрогнувшим голосом. – Мы знаем, что вы говорите правду. Призраки не лгут. И мы все подтвердим то, что слышали... Ангус, я... Я требую ареста этого упыря! Если понадобится, я сам готов его пытать! Под «алой лозой» никто не лжет!

– Эмерик... Пусти меня, Кай! Я только подойду поближе!

Кларисса вырвалась из рук мужа, подбежала к звезде и остановилась перед невидимой границей, вглядываясь в лицо брата. Он стоял перед ней так близко, что мог бы коснуться, а потом сестра и брат Логрейны, не сговариваясь, подняли руки ладонями вперед и почти соединили их, словно прижавшись к стеклянной стене.

– Клари... – шепнул Эмерик Логрейн. – Будь счастлива, пожалуйста. Найди матушку. Помни, что я люблю вас. Даже там буду любить. Я скажу отцу, что с тобой все хорошо... Только будь счастлива, слышишь?

Айлин тихонько всхлипнула, и Грегор обнял ее за плечи, не зная, чем еще помочь. Не следовало ей видеть это все и так переживать! С другой стороны, если бы не она, ублюдок Логрейн-старший мог бы вывернуться!

– Буду, – прошептала Кларисса. – Обязательно буду... Эмерик, ты можешь побыть еще немножко? Мне столько всего нужно тебе сказать!

– Прости, милая. – Призрак покачал головой и виновато улыбнулся. – За мной уже пришли. Мне пора. Но мы все-таки увиделись, и я так рад... Миледи, – снова обратился он к Айлин. – Вы... позвольте мне уйти?

– Да, конечно, – чуть растерянно отозвалась Айлин и посмотрела куда-то в угол. – Милорд Провожатый, прошу прощения, что заставила вас ждать. – Помолчала, прислушиваясь, и так же учтиво заверила: – О, что вы, никакого беспокойства! Я только рада была оказать услугу! – И встрепенулась. – Одно мгновение, если позвольте! Милорд Логрейн, вы не могли бы выполнить мою просьбу?! Передать привет моему отцу, лорду Ревенгару! И... мэтру Кирану Лоу. Прошу вас!

– Сочту за честь, миледи! – поклонился призрак и растаял в воздухе.

«Лоу? – неприятно удивился Грегор, вспомнив наглуую тварь, которую безуспешно пытался упокоить. – Она все еще его помнит? Впрочем, неважно, из Садов он уже ничем не сможет ей навредить».

И тут же Кларисса Логрейн разрыдалась, упав в объятия мужа, леди Эддерли кинулась к ней, а Немайн Аранвен, Ангус и лорд Эддерли посмотрели на Айлин и обменялись очень странными взглядами. Грегор едва подавил желание встать между женой и этой троицей. Да в чем они смеют ее подозревать?! Конечно, то, что совершила Айлин, невероятно, однако она не в первый раз уже совершает невозможное!

«Вот именно, – шепнул ему вкрадчивый голос, отвратительно похожий на голос Райнгартена. – Слишком уж много невозможного происходит вокруг вашей жены! Колдовать в браслетах, призывать призраков одним лишь желанием... Невозможно, не так ли? Кто-то же дает ей силы для этого...»

«Все, что она сделала сегодня, во власти не Баргота, а Претемнейшей! – яростно ответил сам себе Грегор, остро жалея, что нельзя придушить этот непрошенный голос, полный липкого холодного ужаса. – Она не Избранная, но явно отмечена милостью Госпожи! Просто Айлин – невероятно талантливая магесса! Возможно, она будет мастером призраков и затмит даже Эддерли! Именно поэтому ей так плохо даются проклятия, и отсюда ее странная жалость к этим тварям... И, следует признать, иногда ее дар невероятно полезен! А я никому больше не позволю обвинить ее в связи с Барготом! Ни малейшего подозрения на ее имени не потерплю!»

– Милорды, миледи, – сказал он особенно сухо от волнения. – Я прошу вас держать в тайне участие моей жены в этом деле. Вам известны обстоятельства, которые этого требуют.

И указал взглядом на запястье Айлин, где золотая цепочка предательски выбилась из-под манжета платья.

– Разумеется, милорд Бастельеро, – склонил голову канцлер, и трое магов согласно кивнули.

– Не сомневайтесь, благородный дон, – отозвался лорд Каэтано, поглаживая жену по мгновенно растрепавшимся волосам. – Не хватало, чтоб какой-нибудь сообщник этого выкидыша кальмара решил отомстить донне. Мы с Клариче станем молчать! И никогда не забудем услуги, ручаюсь честью!

Меньше всего сейчас Грегора беспокоила возможная месть Логрейнов или их сообщников. Ангус вычистит это упыриное гнездо огнем и железом! Хотя найти неизвестного мага, который сотворил для Логрейна Серые Узы, это дело Ордена... А когда его найдут, Грегор лично выжжет ему дар, перед тем как передать для казни! Неважно, все это подождет... Главное сейчас – успокоить Айлин.

– Дорогая, как вы? – заглянул он в лицо жене. – Позвольте, я помогу вам подняться наверх. Гости не поставят вам этого в вину.

– Но я прекрасно себя чувствую, милорд супруг, – удивленно отозвалась Айлин и смущенно добавила: – Я так рада, что смогла помочь! Бедная леди Кларисса, это о ней надо позаботиться!

Краем глаза Грегор заметил, как Немайн Аранвен спокойно подняла с пола свою шкапулку, убрала в сумку и щелкнула пальцами, добавляя света в магические шары под потолком. Они засияли ярче, и в этом свечении, идеально белом, потому что менять освещение в ритуальной комнате к приему гостей Грегору в голову не пришло, глаза Айлин снова блеснули какой-то непонятной зеленью, слишком глубокой и ядовитой, разом напомнившей Грегору безумные глаза ее деда и все подозрения Райнгартена.

Глава 9

Ход на край доски

В этот раз, отправляясь к паре старых крокодилов, Лучано сам предусмотрительно выпил лучший антидот, который у него был. Просто на всякий случай. Конечно, имеется достаточно ядов, против которых даже зелье работы Ларци не сработает, но это хоть какая-то защита. Что бы он ни говорил Аластору, необходимость опять встретиться с отцом Беатрис никак не добавляла спокойствия.

У дворцовой лестницы его встретил не паж, как раньше, а важный осанистый синьор, одетый слишком богато, чтобы оказаться слугой, пусть даже самым доверенным.

«Интересно, добрый это знак или наоборот?» – невольно подумал Лучано, глядя, как синьор склоняется перед ним. Поклон был исполнен спокойного достоинства, но гораздо более долгий и низкий, чем полагался для приветствия равного, а тем более нижестоящего – уж такие-то детали Лучано научился подмечать в Дорвенанте.

– Мой господин ожидает вас. Покорно прошу последовать за мной, – церемонно провозгласил синьор, и Лучано проследовал – а что ему еще оставалось?

В этот раз его ожидали не в саду. Провожатый прошел мимо выхода на террасу, сейчас плотно закрытого, чтобы прохладный зимний ветер не потревожил обитателей палат, и остановился через дюжину шагов у совсем других дверей – массивных, покрытых изящной резьбой: львы Джермонто смотрели друг на друга с каждой створки, сжимая в лапах легкие стремительные корабли. Благородный дуб от времени потемнел, и львы казались бы черными, если бы светильники не бросали на них блики, играя на пышных гривах оттенками благородного каштана.

Тронный зал?! Его принимают как полноправного посла, хотя просили о личном визите?!

Немалым усилием подавив дрожь, Лучано похвалил себя за предусмотрительность. Похоже, Риккарди все же что-то заподозрил, если обставил встречу с такой торжественностью. Что ж, казнить его публично старик вряд ли рискнет. Это слишком явный плевок в сторону Аластора, а Риккарди вроде бы хочет видеть внучек. Вот поднести приветственную чашу с добавкой, от которой Лучано скончается уже в Дорвенанте и самым естественным с виду образом – это другое дело. Очень по-итлийски, прямо сразу чувствуешь, что вернулся домой!

– Синьор Лучано Фарелли! – торжественно провозгласил сопровождающий, распахивая двери, и Лучано на миг ослеп от брызнувшего в глаза золотого света.

Сделал шаг, переступив предательски высокий порог, моргнул и уже через мгновение увидел ожидавших его людей.

На возвышении в конце зала в высоком, нарочито простом кресле восседал старый Риккарди, как никогда похожий на ворона. За креслом по обе стороны от него замерли две молодые копии торгового принца – его сыновья. Старшего Лучано вспомнил без труда – именно он приезжал на похороны сестры, младший отличался от брата и отца только возрастом, а в остальном все Риккарди были похожи друг на друга словно близнецы, и одинаковые глухие черные камзолы с драгоценными пуговицами еще усиливали это сходство.

Еще четверо синьоров стояли справа и слева от тронного кресла и младших принцев Риккарди – по двое с каждой стороны. Эти были одеты богато и ярко, именно так, как должны одеваться очень состоятельные дворяне, а на самом молодом – ему, казалось, едва за сорок – сверкал сине-золотой мундир и красовалась парадная рапира. Но все семеро, и те, что в черном, и разряженные, как павлины, смотрели на Лучано так, что по его спине невольно пробежали мурашки.

«Совет грандмастеров! – подумал он невольно. – И я съем собственный сапог, если эти грандмастера милосерднее, чем наши!»

Застыв посреди зала, он поклонился, ни на миг не позволяя себе забыть, что с визитом во дворец Джермонто явился не приказчик торгового дома и даже не младший мастер Шипов, а доверенное лицо короля Дорвенанта. И если самим Риккарди он, конечно, не равен, то вот к этим разряженным синьорам еще надо приглядеться поближе, а то и на зуб их можно попробовать. Оценить, кто они такие и кто здесь кому должен ниже кланяться!

«Обнаглел ты, Фортунато, – прозвучал его внутренний голос насмешливыми интонациями мастера Ларци. – Осмелел, зубы показывать научился. Ну-ну, не забывай только, что зубы это пока не твои, а твоего покровителя. А ему с Итлией ссориться не с руки даже ради тебя. Особенно ради тебя!»

«Помню, – ответил Лучано сам себе и тут же поправился: – Но именно поэтому должен держать лицо. Ради Альса и его чести. Раз уж я теперь его подданный...»

Выпрямившись, он снова обвел взглядом всех семерых, пытаясь найти на лицах признаки волнения, да хоть что-нибудь! Но три ворона и четыре павлина, как легкомысленно обозвал их Лучано, чего-то ждали совершенно одинаково – молча и бесстрастно. В солнечном сплетении снова начало тянуть предвкушением близкой беды...

И тут из-за тронного кресла выступил еще один человек. Лучано даже успел мельком удивиться – почему не заметил его раньше? Где он прятался? А в следующий миг удивился еще больше и всерьез – парой торопливых шагов спустившись с возвышения, к нему стремительно шел принц Джанталья! Правда, сейчас в нем не было ничего от того похожего на черепаху старика, каким Лу его запомнил, наоборот! Джанталья словно сбросил с плеч десятка полтора-два лет – спина распрямилась, походка оказалась бодрой и упругой, глаза прояснились, из мутно-желтых стали яркими, странно знакомого цвета... И этими глазами, хищными, как у огромного кота, Джанталья прямо-таки вцепился в Лучано!

«Погодите, но если меня вызвал Риккарди из-за своей трижды проклятой дочери, то при чем тут старый Джанталья? А если это Джанталья пожелал видеть Шипов из-за своих внуков, то при чем здесь именно я? Когда гильдия взяла заказ на принцев, меня даже в Итлии не было!»

Он едва не потряс головой, в которой обрывки предположений и страхов смешались воедино, однако вовремя опомнился. О чем бы ни шла речь, ему сейчас все объяснят, верно? Хотя очень уж тут все напоминает суд. Нехорошо...

Остановившись в паре шагов от Лучано, старик взгляделся в него с непонятным волнением. Потом пожевал губами, словно хотел что-то сказать, но не смог подобрать слов, и, не оборачиваясь, поманил кого-то пальцем. Риккарди-старший махнул рукой. Из боковой двери появился слуга, осторожно держащий подушку из лазурного бархата, и вложил ее в руки одного из синьоров – крайнего справа от тронного кресла. Синьор, самый старший и осанистый из четырех, разряженный в малиновую парчу, затканную золотом, медленно пошел вперед, неся подушку перед собой осторожно, словно младенца.

«Что за безумие здесь происходит?!» – отчаянно подумал Лучано, не в силах оторвать взгляда от подушки: на лазурном бархате при каждом шаге синьора тускло взблескивали огромные, чудовищного вида старые ключи, три звена толстой цепи и круглая плоская бляха с каким-то узором.

Синьор с подушкой остановился, не дойдя до него те же два шага, и старый Джанталья, не отводя от лица Лучано взгляда, ставшего вдруг виновато-несчастливым, громко произнес:

– Славные грандсиньоры Лавальи!

«Лавалья?! При чем здесь Лавалья?! Мы в Джермонто! Да смилуются надо мной все Благие разом, не потерял же я рассудок? А может, это просто сон?!»

– Радость! – провозгласил Джанталья и зашелся кашлем. Немного отдышался и продолжил хрипловато, однако набирая силу голоса с каждым словом: – Великая! Радость! Перед

лицом Благих свидетельствую! Этот юный синьор – мой старший внук! Лучано Фортунато Фарелли, принц Джанталья!

«Все-таки рехнулся, – обреченно понял Лучано. – Только непонятно, кто из нас двоих, он или я? Хм, вроде бы я из Дорвенанта уезжал в полном здравии, что телесном, что умственном. А вот старик вполне мог помешаться – после таких-то потерь! Меня – в принцы?! Я бы посмеялся, не будь это столь грустно. Да и грех смеяться над подобным... Если бы не мой заказ в Дорвенанте, ведь это я мог быть среди тех, кто лишил его наследников...»

– Право, грандсиньор, мне очень жаль, – обратился он к старику как мог почтительно и даже ласково. – Но вы ошибаетесь. Я никак не могу быть вашим внуком.

Метнул быстрый взгляд в сторону Риккарди – ну тот же понимает, что все это бред сумасшедшего, пусть уж позаботится о своем престарелом больном приятеле – и обомлел. Принц Джермонто смотрел на него со спокойным интересом, словно все происходящее было абсолютно правильным. Так же, как и его сыновья. И три нарядных синьора, оставшихся у трона. И даже четвертый, что так и держал подушку на вытянутых руках, а они, между прочим, уже начали подрагивать от напряжения... Они все смотрели на Лучано так, будто понимали, что здесь творится, и были с этим полностью согласны!

– Мальчик мой... – проговорил Джанталья, глядя на него и вправду безумными глазами. Безумными от счастья и восторга, если только Лучано хоть что-то понимал в чужих взглядах. И повторил так радостно, словно эти два слова доставляли ему наслаждение: – Мальчик мой! Ты не знаешь... Я и сам не знал до недавнего времени. Позволь, я расскажу! Моим добрым друзьям это известно, а тебе неоткуда... Идем! Идем со мной! Ах да, ключи! – Он оглянулся, ткнул пальцем в подушку и снова повернулся к Лучано. – Это ключи от нашего города. Твоего города, Лучано! Дорогой мой... – Закашлялся, но тут же заговорил опять: – Возьми их, мальчик мой. Они твои по праву. Я объявляю тебя своим законным внуком и господином Лавальи! Бери же!

Пожилой синьор с каменным лицом сделал последний разделяющий их шаг и ткнул подушку прямо в руки Лучано, а потом поспешно отступил и поклонился – низко, с невероятной почтительностью. И в точно таком же поклоне согнулись три остальные синьора у трона, а Риккарди и его сыновья склонили головы – в поклоне равных равному. Баргот бы побрал эти этикетные тонкости, которые Лучано после Дорвенны читал легко, как рецепт. Сейчас прочитанное его пугало!

– Грандсиньор... – тихо проговорил Лучано, чувствуя себя дурак дураком с проклятой подушкой в руках. – Вы ошибаетесь, поверьте...

Джанталья потянулся к нему прямо через подушку, и Лучано едва не отпрыгнул, но вовремя сообразил, что старик не настолько безумен, чтобы причинить ему вред. Точнее, безумен совсем иначе.

Он беспомощно поглядел на регалии – ключи от города, теперь это понятно. Цепь оттуда же, наверняка часть той древней цепи, которой когда-то закрывали бухту. Ну и бляха что-то такое означает, не зря же на ней крылатая ладья – герб Лавальи. Но что за бред, в самом-то деле! И почему остальные в нем участвуют, а не зовут целителей?!

И тут Риккарди впервые разомкнул губы:

– Грандсиньор Корнелли, возьмите у его высочества Лучано регалии. Мы все были свидетелями, что их передали с должным почтением и приняли как положено. Бальтазар, друг мой, твой внук нуждается в объяснениях.

Что-то дрогнуло в самом воздухе зала, и все разом изменилось. Пожилой синьор, словно спохватившись, церемонно и учтиво забрал у Лучано барготову подушку, из той же боковой двери как по волшебству появилось легкое удобное кресло для старика Джанталья, и двое грандсиньоров помоложе помогли принцу в него сесть. Второе кресло оказалось рядом с Лучано, и он, повинуясь выразительному взгляду хозяина Джермонто, покорно в него опустился. Ясно было одно: никакой речи о Беатрис не идет, и это прекрасно! А вот все осталь-

ное... Ему показалось или Риккарди всерьез назвал принцем его самого?! И внуком Джантальи?

– Выслушай меня, Лучано, – торопливо заговорил Джанталья, жадно вглядываясь в его лицо, благо их кресла поставили друг напротив друга прямо перед тронным возвышением.

Остальные синьоры, как и два младших принца Риккарди, так и остались стоять, между прочим, отчего Лучано чувствовал себя еще неуютнее. Барготов этикет...

– Выслушай меня... – повторил Бальтазар Джанталья с той же виноватой беспомощностью и потер лицо ладонями. – Это так сложно объяснить... Мой сын Алессандро... Долгое время он был бездетен. У меня было три сына и две дочери, но... мой род несчастлив! Паоло и Энцио не дожили до двадцати – одного унесла черная лихорадка, второго отравили...

«Насчет черной лихорадки я бы тоже не был уверен, – отстраненно заметил Лучано про себя. – Знаю яд, который в точности ее имитирует».

– Амелия и Розабелла вышли замуж, но... Амели, бедная моя девочка, умерла родами... Розина угасла несколько лет назад бездетной... Остался только Алессандро, старший, мой первенец и наследник, мой сынок... – Потянувшись вперед, Джанталья схватил Лучано за рукав и заговорил еще быстрее, то и дело судорожно сглатывая, как будто слова его душили: – Я любил сына, клянусь Всеблагой! Моего единственного мальчика, радость моего сердца! Я любил его как никого другого, я позволял ему все, старый дурак! Он привык, что я ни в чем ему не отказываю! Он любил жизнь, любил все ее радости: вкусную еду, вино, красивых женщин, особенно женщин... Я даже позволял ему признавать бастардов, а к его семнадцати годам их было уже пять. Я бы только радовался, поверь, *pirotino*, я бы радовался, если бы это были здоровые крепкие малыши! Первый был горбат и умер вскоре после рождения, второй родился с заячьей губой и тоже долго не протянул, мы похоронили его через несколько месяцев, третий прожил всего неделю... четвертый...

Старик затрясся, словно в падучей, и Лучано на миг показалось, что сейчас его хватит удар.

– Неважно, неважно! – простонал он. – Те дети, что могли жить, рождались недоумками, не способными даже говорить, а остальные несли такое уродство, что не доживали и до года! Я позволял признавать их, я давал им свое имя, надеясь, что рано или поздно хоть одна из женщин моего сына подарит мне здорового внука или внучку. О, если бы так случилось, я бы немедленно велел Алессандро на ней жениться. Я бы любил ее как родную дочь, кем бы она ни оказалась! Дворянка, купчиха, да хоть путта из портового квартала – клянусь, она стала бы моей дорогой невесткой, и я бы никогда не припомнил ей прошлого! Только бы родила... Но... бастарды все множились, и каждый из них – каждый, слышишь?! – выворачивал мне душу наизнанку своим уродством, а затем и смертью! Когда я узнал, что Алессандро сошелся с нашей экономкой и она беременна, я не выдержал. Прости, прости меня! Я больше не мог надеяться... Ему уже было тридцать, понимаешь?! И ни одного здорового ребенка... Только череда маленьких гробиков в нашем семейном склепе и трое выживших – но лучше бы они не выживали, клянусь Благими. Впрочем, их тоже давно нет... Эта женщина, она была молода и здорова, она хорошо работала для нашей семьи, но Алессандро ее не любил, просто позабылся от скуки. А она зачем-то оставила плод, хотя знала, все знала... И я не смог разорвать себе сердце еще раз. Я велел ей уезжать и не марать имя Джанталья еще одним вырожденком, который станет ходить под себя или мучительно умрет у нас на глазах...

– Я понимаю, грандсиньор, – выдавил Лучано, изнемогая от невыносимой неловкости происходящего.

Ну не должен торговый принц так выворачивать душу перед ним, Шипом Претемных Садов! Впрочем, Лучано и правда его понимал. Надеяться на продолжение рода и раз за разом видеть, как от крепкого древнего корня отходят сухие ветви? Пожалуй, удивляться стоит разве что долготерпению старика!

– Я дал ей платежное поручительство, – продолжил Джанталья так торопливо, словно боялся, что не успеет объясниться. – Достаточно, чтобы хватило на жилье и несколько лет привольной жизни. Она покинула город. Я не пытался ее разыскать до тех пор, пока не встретил тебя впервые. Тогда нашел. Это было нетрудно, она поселилась в Вероккье...

У Лучано вдруг пересохло в горле.

– Она жива? – спросил он так тихо и хрипло, словно обжег горло крепчайшим карвейном.

– Жива, – подтвердил Джанталья. – Замужем за купцом, родила троих детей. Хочешь ее увидеть? Это несложно устроить!

Он посмотрел с такой надеждой, что стало ясно, попроси сейчас Лучано о чем угодно, и старик наизнанку вывернется, лишь бы угодить, порадовать, заслужить прощение... Но Лучано молча помотал головой, а потом спросил:

– Как вы... Почему вы решили, что это я?

Подняв слегка дрожащую руку, Джанталья указал на свое лицо и пояснил:

– Глаза. Ты разве не видишь, мальчик мой, у тебя мои глаза! Мои, Алессандро, Паоло и Энцио... Всех Джанталья! Ты копия Франческо, моего старшего внука, прими его Претемная! Когда я тебя увидел и рассмотрел... словно он сам вернулся из Садов! А Франческо был копией меня!

– Это воистину так, мой юный друг, – послышался голос Риккарди, и Лучано бросил туда быстрый взгляд. – С годами память о том, какими мы были, стирается, но я смотрю на вас – и вижу молодого Бальтазара. Позже вас проводят в семейную галерею Риккарди. Там есть наш с Бальтазаром портрет сорокалетней давности. Никто не усомнится, что для него позировали вы.

– Я понял, – кивнул Лучано. – Глаза... Цвет и правда редкий... Ну, пусть даже лицо. Но разве этого достаточно? В таком деле? И если ваш род проклят, как у вас все-таки родились внуки?

Он сам чувствовал, что цепляется за что-то второстепенное, не особенно нужное, однако упрямо задавал вопросы, распутывая ответы на них, как путеводную нить в лабиринте давно случившихся событий.

Бальтазар поднял палец, словно указывая куда-то вверх.

– Я выписал магов из самого Дорвенанта, и они нашли причину! Алессандро прокляли, а сил снять это проклятие не нашлось ни у целителей, ни у некромантов. Но последний из них, глубокий старик, посоветовал женить его на магессе-стихийнице. В крайнем случае на брухе, сказал он. Не обязательно обученной, лишь бы ее кровь несла искру магии жизни. Покровительство Всеблагой матери преодолет проклятие! Так и случилось. Я нашел ему невесту – девицу из небогатой семьи, но магессу. Она училась в Дорвенанте, получила перстень и стала ему хорошей женой. О, как я дорожил этой девушкой! Ветерку на нее подуть не давал, капле дождя упасть! Я запретил Алессандро даже смотреть на других женщин, чтобы его жена не расстраивалась, и он послушался! Он сделал ее счастливой, поверь мне, мальчик! И она родила ему! Сыновей! Сначала одного, а через три года и второго! Бедная девочка, второй сын стоил ей жизни, но я похоронил ее как королеву и позаботился о ее родных... Я думал, моя семья спасена, есть внуки, у них будут дети... Но Алессандро умер вскоре после рождения младшего сына, а оба мальчика...

Он осекся, протянул дрожащую руку и дотронулся до рукава Лучано, словно проверял – не исчез ли нечаянный внук.

«Бруха, – подумал Лучано с той же удивительной отстраненностью. – Так моя мать – природная ведьма? С даром не от Благих, а от сил более древних? Необученная, может быть, даже не знающая о своей магии? Наверное, она думала, что боги ее любят, потому у нее крепкое здоровье, хозяева ей благоволят, и даже хозяйский сын обратил внимание... а родить от единственного наследника торгового принца – значит обеспечить будущее и себе, и ребенку. Наверняка она знала, что Джанталья поклялся женить сына на матери здорового ребенка, кем

бы она ни была. Брухи удачливы, не от нее ли я получил единственное наследство – свое везение? Впрочем, ей самой этого везенья не хватило. Немного, самую капельку то ли везенья, то ли терпения. Иначе она не стала бы отдавать меня в приют, а подождала хоть немного. Я же родился здоровым, а там и заговорил бы... Не дождалась, не знала, что у нее, одной из немногих, есть шанс пересилить проклятие. А просто больной ребенок ей был не нужен».

– Хвала Всеблагой, – выдохнул старик через несколько мгновений с истовой благодарностью. – Она сохранила тебя для Лавальи. Хвала Милосердной сестре, я успел увидеть тебя до того, как меня примет Претемнейшая. О, я знаю, ты едва ли вспомнишь обо мне с теплом, и все же я счастлив нашей встрече! Никогда я не был так счастлив, как сейчас – ведь теперь я знаю, что наш род не прервется!

– Род? – повторил Лучано одними губами, но Джанталья не услышал.

– Я нашел бесспорные доказательства! – заявил он уверенным сильным голосом, тоже помолодевшим на несколько лет. – Записи в приюте, свидетельство его служителей... Твой след потерялся у Шипов, но мои люди навестили грандмастера Ларци, и он подтвердил, что забрал тебя в свой дом десятилетним, а было это семнадцать лет назад. И что к Шипам ты попал из того самого приюта, где тебя оставила эта путта. Проклятая дура, что ей стоило подождать хоть немного?!

– Действительно, – снова улыбнулся Лучано, на этот раз услышав свой голос. – Что ей стоило...

– Прости меня, мальчик мой, – попросил Джанталья дрогнувшим голосом, и в его глазах, точно таких же, как у Лучано, засверкали слезы. Так странно было это видеть, словно Лучано смотрел на себя самого, постаревшего и плачущего. – Прости... Если бы я только знал! Как жестоко я ошибся, а судьба заставила расплачиваться за эту ошибку тебя... Но теперь все будет хорошо! Клянусь, я искуплю свою вину! Мы станем семьей, и я сам возведу тебя на трон Лавальи! Эти люди, – он оглянулся на молчаливых свидетелей, словно впервые вспомнив о них, – цвет нашего города. Грандсеньор Корнелли – градоправитель Лавальи! – Сеньор в малиново-золотом, подававший ключи от Лавальи, снова поклонился, а старый Джанталья продолжил: – Грандсеньоры Ортино и Моретти – мой казначей и канцлер. – Последовали еще два поклона. – Грандсеньор Браска – адмирал нашего флота! – На этот раз поклонился четвертый, и Лучано похвалил себя за то, что правильно угадал с мундиром. – Они все верны мне и будут тебе преданными слугами и помощниками. Мне... осталось недолго, мальчик мой. Я был уверен, что сочтены даже мои дни, не то что недели, но теперь... Теперь я еще поживу! Выпрошу у Всеблагой и Претемнейшей хоть немного жизни, вымолю каждую минуту, чтобы побыть рядом с тобой, передать тебе город, научить всему... О, ты быстро научишься! Ты даже среди Шипов не пропал, твой мастер сказал, что ты редкий умница... И ты станешь лучшим правителем, чем я, не так ли, мальчик? Мы тебя женим... У Франческо внучки на выданье, он за тебя любую отдаст! Если Благие сжалятся, может, я даже правнуков увижу, а если нет, что ж, и в Садах буду за тебя молиться... мальчик мой...

Он смотрел на Лучано, и слезы текли по морщинистому, но странно прояснившемуся лицу, а глаза горели так ярко и светло, что Лучано почувствовал себя последним подлецом, понимая, что должен это сказать. И зная, что если солжет, утаит истину, то будет подлецом и мерзавцем еще большим. А ведь солгать так легко! Сколько там жизни осталось старому Бальтазару? Год, ну два...

И он может провести их совершенно счастливым, обучая Лучано править городом и дожидаясь правнуков от женщины, на которой его женит. Уже и с Риккарди договорился. И вряд ли тот против такого союза... Да, все может быть просто замечательно! К тому моменту, как откроется правда, старик наверняка умрет, а сам Лучано уже будет прочно сидеть на троне! Ну, конечно, если его не отравят, не проклянут, не уморят черной лихорадкой, просто не сунут

нож в спину... Но это привычный риск властителей, а у него, Шипа, даже больше шансов, чем у прочих.

И все будет хорошо! И даже не нужно вспоминать про Альса и Айлин, потому что дело не в них... Нет, он не будет сейчас думать, что принц Джанталья мог бы стать королем Дорвенанта ничуть не худшим другом, чем Лучано Фарелли... Более полезным, во всяком случае... Нет, не сейчас!

Просто нельзя начинать с такого обмана – неважно, внуком при этом становиться или принцем. Потому что все, что Бальтазар Джанталья так щедро ему сулит, это все предназначается не самому Лучано, а продолжению Бальтазара – его внуку, крови его рода, которая должна передаваться дальше через потомков. Это их Бальтазар сейчас видит в нем безумно счастливыми глазами. И солгать – значит взять то, что тебе не принадлежит. Как же обидно... И как сладко и легко, что выбор делать в итоге не придется, потому что зачем Джанталья такой внук? Обрезанная ветка родового дерева, не способная дать почек?

– Синьор Джанталья... – начал Лучано, осекся и поправился: – Грандсиньор!

– Зови меня дедушкой, – умоляюще попросил тот, и внутри у Лучано что-то скрутилось колючим тугим комком, впиваясь в самое нутро.

– Синьор... Бальтазар, – мучительно изнывая от непрошеной странной боли, снова начал Лучано. – Вы должны знать...

Сколько раз он представлял себе этот разговор, зная, что это просто глупая игра. Но воображал, как находит настоящую семью, как бросает им в лицо гневные слова о том, что его бросили, посчитав непригодным, а он вырос и доказал всем! Неважно, что именно доказал, лишь бы они поняли и пожалели, что поступили с ним так! Сколько раз он воображал, что станет для своих родителей то ли благодетелем, то ли, напротив, заслуженной карой. Что сотрет клеймо ненужности со своей души, вскроет этот нарыв и больше никогда не позволит...

А вышло вот так. И этому жалкому старику, который виновато и заискивающе смотрит ему в глаза, просто нельзя швырнуть все, что Лучано хотел сказать много лет. За что его карать? За то, что отказался от еще не рожденного внука? Да на его месте ни один дворянин не сделал бы большего! Что проще и понятнее, чем откупиться от простолюдинки, с которой твой сын побаловался разок-два? Иные даже откупаться не стали бы, сама дура виновата, если не сообщила, как избавиться от позора. А Джанталья обеспечил его мать, потребовав самую малость – чтобы та пощадила его душу, и так истерзанную семейной бедой.

Нет, если кого и обвинять, то это родного папашу, но до того уже в Садах не дотянешься. Или милую матушку, которая взяла деньги за рождение никому не нужного ублюдка, а самого ублюдка оставила в корзине перед приютом. Ну, спасибо, что не притопила в канаве, как лишнего щенка.

А Джанталья ему ненавидеть не за что, и сложись жизнь иначе, найди его старик несколькими годами раньше... Может, Лучано был бы счастлив стать ему внуком! Подумать только, из Шипов – в принцы! Да об этом даже сказки бессмысленно придумывать, любой только посмеется. А у него могло бы случиться! И принцем он уж точно был бы не хуже, чем многие... Но что теперь об этом думать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.